E8 52
Memoirs

15
П.86м
Е8
52

ПСИХОЛОГИЯ
И
МАРКСИЗМ

СБОРНИК СТАТЕЙ

СОТРУДНИКОВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

из книг
Л. М. Кагановича
№ 1461

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА
1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА

Академик И. П. ПАВЛОВ

ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ ОПЫТ ОБЪЕКТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПОВЕДЕНИЯ) ЖИВОТНЫХ

УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВ, ЛЕКЦИЙ И РЕЧЕЙ.

С портретом И. П. ПАВЛОВА.

3-е ИЗДАНИЕ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ГЛАВАМИ:

1. Характеристика корковой массы больших полушарий с точки зрения изменений возбудимости ее отдельных пунктов.
2. Один из очередных вопросов физиологии больших полушарий.
3. Новейшие успехи объективного изучения высшей нервной деятельности.

ТРУДЫ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ЛАБОРАТОРИЙ

АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. П. ПАВЛОВА

При ближайшем участии в редакционной работе К. М. БЫКОВА и Д. С. ФУРСИКОВА

Том I. Вып. I.

Содержание: Д. С. Фурсиков. О соотношении процессов возбуждения и торможения. — К. М. Быков и А. Д. Сперанский. Собака с перерезанным corpus callosum. — М. К. Петрова. Различные виды внутреннего торможения при особенно трудном условии. — В. М. Архангельский. Относительная сила разных видов внутреннего торможения. — Н. А. Подкопаев. К движению тормозных процессов. — П. А. Андреев. Материалы к изучению функциональных старческих изменений центральной нервной системы. — И. П. Разенков. Изменение раздражительного процесса коры полушарий головного мозга собаки при трудных условиях. — Е. М. Крепс. Опыт индивидуальной характеристики экспериментального животного.

Стр. 140. Ц. 2 р. 25 к.

СБОРНИК,

ПОСВЯЩЕННЫЙ 75-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА

ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПАВЛОВА

Под редакцией акад. Е. Л. ОМЕЛЯНСКОГО и проф. Л. А. ОРБЕЛИ.

С РИСУНКАМИ.

(Институт экспериментальной медицины в Ленинграде.)

Обложка работы художника А. ЛЕО.

Стр. 434. Ц. 4 р.

E8 52

15
П86м

ПСИХОЛОГИЯ И МАРКСИЗМ

СБОРНИК СТАТЕЙ СОТРУДНИКОВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Под ред. проф. К. Н. КОРНИЛОВА

из книг
Л. М. Кагановича
№ 1461

427/3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД · 1925

Государственная Публичная Историческая Библиотека РСФСР
1233569

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
Гатчинская 26

Гиз. 10225. Ленинградский Гублит № 11020. 15 1/8 л. Отп. 10.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стран.
Предисловие	5
I.	
1. К. Н. Корнилов. Психология и марксизм	9
2. М. А. Рейснер. Социальная психология и марксизм	25
3. А. Р. Лурия. Психоанализ как система монистической психологии	47
4. А. Н. Залманзон. К проблеме конституции человека	81
5. В. А. Артемов. Проблема одаренности и марксизм	93
6. Б. Д. Фридман. Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма	113
7. Б. М. Боровский. К вопросу об инстинкте в науке о поведении	161
8. Л. С. Выготский. Сознание как проблема психологии поведения	175
9. З. И. Чучмарев. Рефлексология и реактология как отделы науки о поведении человека	199
II. Полемика.	
10. П. П. Блонский. Психология как наука о поведении	225
11. К. Н. Корнилов. Психология и марксизм проф. Челпанова	231

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящим сборник является плодом коллективной работы научных сотрудников Московского Государственного Института Экспериментальной Психологии. Означенный Институт в обновленном своем составе существует только первый год. Начиная свою исследовательскую работу с рассмотрения теоретических, а не экспериментальных вопросов, Институт делает это вполне сознательно, дабы выяснить ту методологическую базу для своей работы, которая после будет определять все частные, в том числе и экспериментальные исследования. Такой методологической базой для коллектива научных сотрудников Института является — марксизм, почему и первым вопросом, которому посвящены работы Института, вполне естественно являются входящие в этот сборник вопросы об отношении психологии к марксизму. В виду того, что эти вопросы ставятся только впервые и являются совершенно новыми не только в русской, но и в мировой литературе, ясно, что многие из них, входящие и в настоящий сборник, часто являются спорными и невыясненными до конца. Коллегия Института находила все-таки возможным и необходимым дать им место в сборнике, дабы привлечь к этим вопросам широкий общественный интерес и тем способствовать их разрешению. Участники этого сборника надеются, что только при таком коллективном сотрудничестве и всестороннем доступном для широких кругов обсуждении этих сложнейших проблем Институту удастся выполнить возложенную на него задачу. Поэтому всякая серьезная, спокойная и достаточно объективная критика будет встречена коллективом научных сотрудников Института только с благодарностью.

Редактор.

1/VII—24 г.
Москва.

I.

ПСИХОЛОГИЯ И МАРКСИЗМ.

К. Н. Корнилов.

I.

Для того, чтобы вскрыть, что должна представлять собой психология с марксистской точки зрения, лучше всего, по-моему, воспользоваться основным методом марксизма — диалектическим. А так как диалектика по своему существу есть учение о формах развития реальной действительности, то из этой-то реальной действительности необходимо исходить и в данном вопросе. Ведь не явится же эта система марксистской психологии чем-то неизвестно откуда взявшимся и абсолютно порывающим с прошлым; ясно, что ее исходные корни будут лежать в современной исторической действительности, в тех психологических течениях, которые столь рельефно выступают на первый план в наши дни во всех странах Европы и Америки.

Я беру на себя смелость утверждать, как я утверждал это и раньше [1]), что *грядущая система марксистской психологии будет синтезом двух борющихся сейчас во всех странах течений: наиболее давнего и уже достаточно одряхлевшего, хотя и находящего еще своих адептов так называемого эмпирического, или субъективного, направления, этого тезиса современной психологии, и второго — более позднего, скорее продукта наших дней, этого антитезиса, каковым является психология поведения, рефлексология, или, как ее еще называют, объективная психология.*

Это выставляемое мною положение является далеко не общепризнанным. Прежде всего, против него восстают представители эмпирической школы, которые вовсе не хотят еще уходить в историю, в качестве материала для грядущей марксистской психологии, но претендуют на то, что только именно эмпирическая психология и стоит ближе всего к марксизму. Защитником этих воззрений является проф. Челпанов. Он утверждает, что «Маркс при трактовании психологических проблем стоит на почве строго *эмпирической и позитивной*. На такой же точке зрения стоит

[1]) См. мою книгу «Современная психология и марксизм». Ленинград. 1924 г.

и современная эмпирическая психология. Современная эмпирическая психология *не идеалистична,* а в смысле Маркса и Энгельса *материалистична,* ибо она избегает вносить в свои объяснения что бы то ни было *трансцендентное* и все душевные явления рассматривает в зависимости от материальных явлений. Поэтому она не несет никакой ответственности за идеализм идеалистической *философии*» [1]).

Так ли это? Действительно ли эмпирическая психология не идеалистична, а материалистична, как это утверждает проф. Челпанов? Действительно ли она в свои объяснения избегает вносить что бы то ни было трансцендентное и потому не несет никакой ответственности за идеализм идеалистической философии? Обратимся к первоисточникам. Возьмем наикрупнейших представителей современной эмпирической психологии — Спенсера, Вундта, Джемса, Тиченера, Фехнера, Бэна и др. — и посмотрим, насколько же их основные воззрения согласуются с этими утверждениями проф. Челпанова.

Надо ли говорить, что философские воззрения этих представителей не только не согласуются с воззрениями Маркса и Энгельса, но они радикально им противоположны. Спенсер, как известно, агностик, Вундт — представитель научной метафизики, Джемс — прагматист, Фехнер — метафизик, Тиченер и Бэн — эклектики. Есть тут хотя что-либо общее не только с диалектическим материализмом Маркса и Энгельса, но и с материализмом вообще? Абсолютно ничего общего. Конечно, если воззрения Маркса интерпретировать так, как это делает проф. Челпанов, утверждающий, что «Маркс был гилозоист, т.-е. признавал *одушевленность материи*» [2]), что «Маркс был *эмпирический дуалист,* ибо для него с эмпирической точки зрения *явления психические и явления материальные* представляют *два различных мира явлений*» [3]), что «Маркс признавал действительный характер сознания, т.-е. способность *от себя* привносить *нечто нематериальное* (?!) в мир материальных вещей» [4]), — если признать правильность такой беззастенчивой интерпретации воззрений Маркса, то тогда с ним можно примирить не только Спенсера и Вундта, но даже и святых отцов церкви.

Во всяком случае для каждого столько-нибудь грамотного человека в философии никакая интерпретация не примирит с Марксом и Энгельсом ни Спенсера, ни Вундта, ни Джемса, ни Фехнера и др. Я не говорю уже о философских воззрениях самого проф. Челпанова, тоже эмпирика в психологии, согласно которому «из четырех учений — эмпирический параллелизм может

[1]) Челпанов. «Психология и марксизм». М. 1924 г., стр. 26.
[2]) Челпанов. «Психология и марксизм», стр. 15.
[3]) Ibid., стр. 9.
[4]) Ibid., стр. 10. (Курсив мой.)

быть признан наиболее достоверным, психический монизм и спиритуализм можно признать спорными, а *материализм — безусловно ложным*» [1]).

Но ведь это же в философии! Согласно проф. Челпанову мы видели, что «эмпирическая психология не ответственна за идеализм идеалистической философии». И обычно у представителей эмпирической психологии так и бывает: в философии — они идеалисты, а вот в психологии будто бы они строгие эмпирики, «избегающие вносить в свои объяснения что бы то ни было трансцендентное». Посмотрим, так ли это? Начнем с отца современной экспериментальной, «физиологической психологии» — Вундта. У него мы находим не только «вспомогательное понятие» души [2]), но и целый ряд несомненно метафизических теорий; таковы, например, учение о психической причинности, об апперцепции и др. Джемс, этот наиболее радикальный из всех психологов эмпирической школы, и тот стремился во что бы то ни стало отмежеваться от «низменного материалистического истолкования (психических) явлений» [3]) и должен был оправдываться в том, что его теория эмоций не является материалистической теорией. Но на-ряду с этим он включил в свою психологию и учение о свободе воли, и теорию телеологического взгляда на личность, и гипотетический дуализм. Даже наиболее осторожный из всех эмпириков Тиченер, автор считаемого классическим учебника психологии, и тот не мог удержаться от этого рокового для эмпириков понятия «души», хотя и определял последнюю, как «совокупность психических процессов [4]). Мы не говорим уже о таких «эмпириках», как проф. Челпанов, согласно которому психология, как наука о душевных явлениях, «всегда есть в то же время наука о душе» [5]). На этих примерах мы можем наглядно видеть, насколько прав проф. Челпанов, утверждая, что «эмпирики» избегают привносить в свои объяснения что бы то ни было трансцендентное». Эту раздвоенность эмпирической психологии между «опытом» и идеалистическими ее тяготениями, между «психобиологией» и «психотеологией», чрезвычайно удачно выразил известный историк психологии — Дессуар, назвавши одобрительно это «пением в два голоса», которое он полагал «никогда не замолкнет в психологии» [6]). Вот эту характеристику «двухголосого пения» — «психобиологического» и «психотеологического» — мы считаем более правильной для эмпирической психологии, нежели голословное

---

[1]) Челпанов. «Мозг и душа», стр. 8.
[2]) Вундт. «Очерк психологии», стр. 363. М. 1897 г.
[3]) Джемс. «Психология», стр. 312.
[4]) Тиченер. «Учебник психологии», ч. I, стр. 14.
[5]) Челпанов. «Психология». Основной курс. М. 1909 г., стр. 11.
[6]) Дессуар. «История психологии». СПБ. 1912 г., стр. 184.

утверждение проф. Челпанова о «материалистичности» эмпирической психологии.

Таким образом, мы наглядно видим, насколько методологические основы эмпирической психологии не соединяемы с марксизмом.

Но если подойти к эмпирической психологии и с чисто научной стороны, то ни самое понимание объекта психологии, ни тот материал, с которым оперирует эта психология, ни в какой мере не согласуются с общими тенденциями марксизма. В самом деле, эмпирическая психология именуется иначе еще *индивидуальной* психологией, ибо объектом ее изучения является отдельная человеческая личность, к тому же взятая совершенно абстрактно, вне всякой социальной среды. Это просто «человек вообще», «личность», «я», взятые вне времени и пространства. Надо ли говорить, насколько это находится в прямом противоречии с марксизмом, согласно которому «сущность человека есть совокупность всех общественных отношений». Вот почему, изучая психологию отдельной личности, мы не можем не исходить из основных положений социальной психологии, и ясно, что никакой индивидуальной психологии, как изолированной от социальной, нет и быть не может. Марксистская психология есть прежде всего социальная психология, и лишь на основе социальных движущих факторов нам становится понятной и та индивидуальная психология, которой занимается эмпирическая психология. Вот почему я совершенно не согласен с положением проф. Челпанова, что «эмпирическая и экспериментальная психология марксистской стать не может, как не может стать марксистской минералогия, химия, физика» [1]). Да, если признать психологию научной дисциплиной исключительно биологического порядка, то, тогда, может быть, еще положение проф. Челпанова имело бы силу. Но ведь он сам же утверждает в последнем тезисе своей брошюры, что «психология, по Марксу, ближе к общественным наукам, чем к биологии» [2]), тогда ясно, что психология есть дисциплина социологического порядка и, следовательно, может и должна быть марксистской. При настоящем же своем положении, поскольку эмпирическая психология изучает свой объект вне всяких социальных условий, так же, как делают это минералогия, физика и химия, ясно, что она несоединима с марксизмом, что я утверждал и утверждаю.

Но если мы обратимся ближе к этому объекту эмпирической психологии — «человеческой личности», то мы найдем, что по существу этой цельной человеческой личности нет, а есть лишь отдельные «способности», «душевные переживания», «явления сознания», «психическая действительность» и т. п. Разорванная

[1]) Челпанов. «Психология». Основной курс, стр. 27.
[2]) Ibid., стр. 29.

на куски, отрешенная от своих не только социальных, но сплошь и рядом биологических основ, эта «личность» является комплексом абстрагированных «душевных переживаний», вроде «представлений», «памяти», «внимания», «чувств», «воли» и т. п.

Но даже больше того, рассматривая и этого составленного из отдельных «способностей», но ни на что не способного человека, эта лоскутная или, как ее еще иногда называют, «мозаичная психология» оказывается *интеллектуализированной насквозь,* изучающей по преимуществу лишь человеческий ум и познание и лишь мимоходом касающейся эмоциональной и волевой сферы человека, т.-е. именно того *действенного и актуального,* что в первую очередь характеризует марксизм. Где же здесь тот самый *цельный* человек, которым так любуется Маркс у Бэкона, говоря, что у него «материя сохраняет поэтически-чувственный блеск и ласково улыбается *цельному* человеку» [1]).

Вот почему на основе изучения этой абстрагированной от всяких социальных корней, мозаичной и интеллектуализированной личности нельзя не только, согласно заветам Маркса, овладеть поведением человека, но нельзя даже и изучить поведение живого, цельного и конкретного человека. Эмпирическая психология создавала лишь иллюзию этого изучения, и именно здесь, может быть, более всего уместны слова Фейербаха, сказавшего, что «никакая другая наука не водила человека больше за нос и не выдавала свои измышления за действительность, чем психология [2]). Вот почему говорить, что «современная эмпирическая психология не должна подвергаться никаким изменениям», как говорит проф. Челпанов, можно только в том смысле, что никакие изменения ей уже не помогут, и она целиком становится достоянием истории. Эмпирическая психология есть идеологический сколок с тех индивидуалистических тенденций, которые являются столь характерными для отживающего буржуазного общественного строя. С умиранием его умрет и эта психология, находящаяся в таком же противоречии с марксизмом, в каком находится и этот отживающий общественный строй к грядущему общественному строю. Такова эмпирическая или субъективная психология — этот тезис современной психологии.

II.

Антитезисом к этой субъективной психологии я считаю так называемую объективную психологию, более известную у нас под наименованием рефлексологии, в Америке — под названием — психологии поведения. Течение это в настоящее время является чрезвычайно широким, особенно в Америке, и этим

[1]) Маркс. «Материализм XIII века», стр. 68.
[2]) Л. Фейербах. Собран. соч., т. I, стр. 152. М. 1923 г.

наименованием психологии поведения покрываются далеко не однородные элементы. Если для яркости картины мы выделим из массы ответвлений этой психологии поведения течение, наиболее решительно порывающее с традициями эмпирической психологии и наиболее близкое к нашей рефлексологии, именно — течение физиологическое в лице Watson'a [1]), то это будет действительно антитезис по отношению к эмпирической психологии. В самом деле, поскольку, мы видели, большинство представителей эмпирической психологии роковым образом тяготело к идеализму, постольку представители этого физиологического или рефлексологического течения уклоняются в сторону материализма в его наивном, а не диалектическом понимании. Являясь сами представителями естествознания, они или совсем отмежевываются от всякого рода философских вопросов, выходящих за пределы их специальности, как Watson или И. П. Павлов, считая, что «всемогущее естествознание» это есть единственное средство, которое может дать не только «окончательное торжество человеческого ума над последней и верховной его задачей — познать механизм и законы человеческой натуры», но и вывести его «из теперешнего мрака и очистить от теперешнего позора в сфере межлюдских отношений» [2]). И если И. П. Павлов ждет этих радикальных результатов переустройства всей жизни от объективного исследования высшей нервной деятельности, в чем он, по его словам, убежден «глубоко, бесповоротно и неискоренимо», то Watson, считая психологию «той из естественных наук, которая изучает факторы поведения человека», ждет от нее ничуть не меньших результатов, чем и И. П. Павлов, ставя пред ней задачу «создания такой организации личности и среды, при которой были бы созданы необходимые условия для рациональной и счастливой жизни в обществе» [3]). Надо ли говорить, насколько здесь переоценено это «всемогущее естествознание», которое обычно в сфере своей специальности приводит к наивному материализму, будучи же распространено и на общественную жизнь, невольно приводит к эклектике или идеализму. Не лучше получается дело, если, упоенные своей верой во «всемогущее естествознание», эти естествоиспытатели начинают решать и методологические вопросы, невольно впадая в ту самую метафизику, которой они боятся больше всего. Такое как раз создается положение у В. М. Бехтерева с его признанием лежащей в основе всего энергии, которая, будто бы, по его словам, «с новейшими успехами физики перестает быть материальной или физической» [4]).

---

[1]) Watson. Psychology from the Standpoint of the Behaviorist.
[2]) Павлов. Двадцатилетний опыт изучения высшей нервной деятельности, стр. 128.
[3]) Ibid., гл. I.
[4]) Бехтерев. Общие основы рефлексологии, стр. 72.

Тот же естественно-научный материализм приводит этих представителей психологии поведения, у нас рефлексологии, к тому, что, если эмпирическую психологию иногда называли почетным, но не оправданным именем «психологии без души», то это физиологическое направление в психологии можно назвать психологией без психики. Конечно, это название можно применить не в том смысле, что представители этого течения не признают психических явлений, как таковых, больше того, они говорят, что «*оставить их без внимания нельзя,* потому что они теснейшим образом связаны с физиологическими явлениями, определяя целостную работу органа» [1]), но фактически психические процессы все же остаются без внимания, поскольку в погоне за «естественно-научным изучением с его строго-объективными методами», самонаблюдение, как метод, или совсем отвергается, что может быть объясняется у И. П. Павлова объектом его исследования — животными, или же этот метод, и то лишь за последнее время, только декларируется, без фактического применения на практике, как у В. М. Бехтерева. Вот это стремление биологическим анализом процессов нервной системы всецело исчерпать содержание и психических процессов, — все еще говорит о праздной мысли — исчерпать человеческое поведение одной физиологией нервной системы, мысли, унаследованной от отца русской рефлексологии — Сеченова и лелеемой еще и сейчас русскими рефлексологами.

Таковы методологические предпосылки естественно-научного материализма представителей объективной психологии. Надо ли говорить, насколько все же эта позиция ближе к марксизму, нежели идеализм психологов-субъективистов эмпирической школы.

В понимании объекта своего изучения эта психология поведения также резко уклоняется от субъективной психологии. Если, как мы видели, субъективная психология изучает отдельную человеческую личность, отрешенную от всякой среды, личность, мозаично складывающуюся из отдельных «душевных переживаний» или «явлений сознания», интеллектуализированных насквозь и лишенных действенного и актуального характера, то психология поведения, в противовес этому, ставит своей задачей изучение именно этого взаимоотношения человека с окружающей средой, его поведения, как совокупности рефлексов или реакций на внешние раздражения. Именно, как говорит Watson, «изучается человек во всех своих действиях, как в процессе своего приспособления к повседневным жизненным условиям, так и в необычных ситуациях, в которых он может очутиться» [2]). Конечно, здесь нет еще анализа тех социальных корней, которыми определяется это поведение человека, а фактически это «приспособление к повсе-

[1]) Павлов. Двадцатилетний опыт изучения высшей нервной деятельности, стр. 37.

[2]) Ibid., гл. I.

дневным жизненным условиям» человека сводится затем в психологии поведения к учету лишь биологических факторов, но тем не менее все же здесь изучается живой, цельный и конкретный человек в столь же конкретных условиях. С эмпирической психологией это физиологическое течение психологии поведения сходится лишь в одном пункте, что оно в свой кругозор берет все того же отдельного человека; это есть та же индивидуальная психология, забывающая о социальных корнях своего происхождения. Но этого никак нельзя сказать о всей психологии поведения в ее целом. На-ряду с биологическими течениями (физиологическим, неврологическим), в психологии поведения имеются и социологические (био-социологическое, физико-социальное), которые учитывают и эти социологические предпосылки индивидуальной психологии. Стоит хотя бы указать на недавно появившуюся книгу Дьюи: «Human nature and conduct. An introduction to social Psychology», чтобы видеть, что психология поведения не забывает и этого социального фактора в своей программе: другой вопрос, как она его освещает. Надо ли и здесь подчеркивать, насколько подобное понимание объекта психологии ближе в своих тенденциях к марксизму, нежели в эмпирической психологии.

Такой же и, может быть, еще более резкий разрыв у психологии поведения с субъективной психологией получается по линии используемых ими методов. Именно, по различию-то в методах оба эти направления и получили свое наименование — «субъективной» и «объективной» психологии. И действительно, поскольку в эмпирической психологии основной задачей ставится изучение «душевных переживаний» или «явлений сознания», т.-е. субъективных состояний, постольку в первую очередь выдвигается всегда метод самонаблюдения. И если эмпирическая психология на-ряду с этим пользовалась и методом объективного наблюдения и экспериментальным методом, который все же зародился и получил свое необычайно широкое применение в недрах эмпирической психологии, то никогда не следует забывать того, что все эти объективные методы в эмпирической психологии играли лишь вспомогательную роль, поскольку они служили средством *для улучшения самонаблюдения*. Совершенно обратная картина сложилась в психологии поведения. Поскольку здесь стояла задача изучения поведения человека в окружающей среде, т.-е. изучение его рефлексов или реакций на внешние раздражения, постольку центр тяжести невольно переносился на анализ внешних проявлений человека, для чего в первую очередь стремились использовать объективные методы. Впереди я уже говорил, что сплошь и рядом, особенно в рефлексологии, палка перегибалась в другую сторону, в смысле игнорирования метода самонаблюдения. Но и в этом отношении совершенно правильную позицию заняла американская психология поведения, поскольку она сводит это самонаблюдение к *словес-*

ному отчету [1]), в котором собственно и реализуется и может быть учтено это самонаблюдение. Поскольку же этот словесный отчет есть один из таких же объективных видов реакций человека, как его мимика, жесты и т. п., постольку эти словесные реакции должны быть так же учтены в поведении человека, хотя, в силу своей специфичности, и под более строгим контролем, нежели в этом нуждаются другие формы поведения человека.

И наконец, в смысле постановки конечной цели изучения этого поведения человека психология поведения ставит себе не абстрактную задачу изучения «законов душевной жизни», как это делает эмпирическая психология, кутающаяся в аристократическую тогу «чистого» знания, а ставится совершенно конкретная задача: «изыскать законы для регулирования поведения человека с точки зрения требований, предъявляемых обществом [2]). И здесь мы видим, насколько эта тенденция психологии поведения ближе и родственнее марксизму, нежели все направления эмпирической психологии.

Таким образом в результате нашего исследования мы наглядно и документально могли убедиться, насколько психология поведения, особенно в ее американских социологических ответвлениях, методологически приемлемее, теоретически, в смысле понимания своего объекта, конкретнее, живее и целостнее, методически научно-строже и практически-необходимее, а тем самым по всем этим своим тенденциям и ближе к марксизму, нежели эмпирическая субъективная психология.

Но если между эмпирической психологией и марксизмом создается столь непримиримое отношение, невольно возникает вопрос, каким же образом возможно считать эту субъективную психологию *тезисом* в том диалектическом процессе, который приведет нас к марксистской системе психологии? И какие же элементы из этой эмпирической психологии найдут свое место в марксистской психологии? Такими элементами, конечно, трансформированными, я считаю следующие: во-первых, *признание не только реальности, но и значимости психических процессов, как таковых.* Поскольку в объективной психологии, мы видели, значимость этих субъективных процессов, если не игнорируется совсем, то во всяком случае недооценивается, что и дало нам право, обостривши вопрос, назвать объективную психологию — психологией без психики, постольку в эмпирической психологии это положение является краеугольным ее камнем. Марксистская психология должна принять это положение, поскольку основной принцип диалектического материализма говорит, что психика, как свойство материи, есть субъективная, но неотъемлемая сто-

[1]) Watson. Psychology from the Standpoint of the Behaviorist, стр. 24.
[2]) Watson. Ibid., т. I.

Гос... библиотека РСФСР

рона все той же материи. Еще в своем выступлении на 1-ом Всероссийском съезде психоневрологов в 1923 г., я, впервые поднимая в русской литературе вопрос об отношении психологии к марксизму, говорил, что «марксизм, признавая психические процессы не чем иным, как свойством высоко организованной материи, не только не уничтожает этим психических процессов, но считает их обладающими такой же степенью реальности, как и всякое иное свойство материи, например, движение» [1]). Это положение я считаю вполне правильным и сейчас.

Вторым положением, которое также должно найти свое место в марксистской психологии, и которое опять-таки в трансформированном виде должно перейти из эмпирической психологии, это—*признание значимости за методом самонаблюдения*. Если мы не можем отрицать субъективной стороны в объективных проявлениях человека, то ясно, мы не должны игнорировать окончательно и метода самонаблюдения, каковая склонность имеется в объективной психологии. И здесь, то положение, которое я выдвинул в своем вышеуказанном докладе о психологии и марксизме, я считаю правильным и сейчас. Я говорил там, что «нет никаких оснований для отрицания и наличия самонаблюдения, как восприятия своих собственных психических процессов, — этого характерного свойства психики, а тем самым, следовательно, и свойства организованной материи. Вся суть опять-таки заключается не в элиминировании этого самонаблюдения, а лишь в регулировании и контролировании его при помощи объективного и экмпериментального методов» [2]).

Вот те два основных принципиальных положения, которые раскололи психологию на эти два взаимно-борющихся сейчас во всех странах субъективное и объективное течения и которые в диалектическом ходе исторического развития, с моей точки зрения, служат тем тезисом и антитезисом, синтезом которых и явится грядущая система марксистской психологии.

III.

Что касается этой системы марксистской психологии, то в методологическом отношении она всецело исходит из основных положений *диалектического материализма*. Как известно, диалектический материализм говорит о том, что в основе бытия лежит материя, как единственная объективная, независимо от нас существующая реальность, частицей каковой реальности является и сам человек, обладающий психикой, отображающей материальный мир и являющейся по своей сущности не чем иным, как свойством высоко организованной материи. Так мы приходим к *материали-*

[1]) Корнилов. «Современная психология и марксизм» в журнале «Под знаменем марксизма», №. 1-й, 1923 г.

[2]) Ibid.

стическому монизму в психологии. А так как материю мы мыслим себе не как абсолютную и неизменную субстанцию, а как нечто относительное, существующее в постоянном процессе диалектического развития, то, поскольку психику мы рассматриваем лишь как свойство материи, постольку в психологии мы приходим к полному отрицанию *субстанциональности* и признанию *динамизма* и *диалектики* в процессе развития психики.

По отношению к другим свойствам материи (протяженности, непроницаемости, веса, массы, движения и др.), которые можно условно назвать *объективными,* психика является *субъективной* стороной их, неотделимой от них или же отделимой лишь в абстракции. Исходя из этого положения диалектического материализма, марксистская психология не должна повторять ошибки субъективной эмпирической психологии, поскольку последняя, абстрагировавши неотделимую от объективной стороны материи субъективную, превратила ее из абстракции в самостоятельную сущность и сделала ее предметом изучения психологии. Но одинаково было бы неправильно подходить к изучению поведения человека и исключительно с объективной стороны, как это стремилась делать объективная психология или рефлексология, имевшая дело также не с поведением цельной человеческой личности, а лишь с абстрагированной объективной стороной. Поэтому весь спор субъективной и объективной психологии о том, следует ли, например, говорить о рассеянном и концентрированном внимании, на чем настаивала субъективная психология, или же следует говорить об иррадиированном и концентрированном состояниях мозговых полушарий, как это делала объективная психология, — весь этот спор был бесплодным, поскольку оба эти направления изучали один и тот же акт поведения живого существа, но изучали односторонне, ошибочно полагая, что каждое из этих направлений в своем изучении охватывает реакции живого существа целиком. Поэтому, если мы хотим изучать действительно поведение живой конкретной и цельной личности, мы должны учесть обе эти стороны — и объективную и субъективную, ибо в каждой реакции живого организма обе эти стороны являются неотделимыми друг от друга. Вот такое двухстороннее, слитое неразрывно воедино изучение поведения человека я называю *реактологическим изучением, поскольку само понятие реакции, в отличие от рефлекса, включает в себя обе эти стороны.* И вот это-то неразрывное и органическое слияние и субъективной и объективной сторон и дает нам тот *синтез,* который должен лечь в основу построений марксистской психологии.

Теперь возникает вопрос, в каком же взаимоотношении друг к другу находятся обе эти стороны — объективная и субъективная? Поскольку мы считаем эту субъективную сторону лишь свойством материи, ясно — ни о каком взаимоотношении психики и материи

*

как принципиально отличных друг от друга сущностей никакой речи быть не может. Это была бы метафизическая постановка вопроса о духе и материи. Речь может итти лишь о взаимоотношении психики, как одного из свойств высоко-организованной материи к другим свойствам все той же материи, например, к движению и т. п. Но это все же не разрешает вопроса о взаимоотношении этих хотя бы и свойств материи. Здесь, как нас учит многостолетняя история философии, возможен, повидимому, двоякий выход: или прибегнуть к теории параллелизма или к теории взаимодействия. Начнем рассмотрение этого вопроса методом исключения — последней теории взаимодействия. Взаимодействия в собственном смысле этого слова, как это понимается в естествознании, где одно явление, воздействуя на другое, измеряется в одинаковых с ним единицах энергии, такого взаимодействия здесь при взаимоотношении психики к другим свойствам материи быть не может, ибо измерить психические состояния в каких-либо единицах энергии пока в науке не удалось. Поэтому говорить о взаимодействии в естественно-научном смысле здесь нельзя, не нарушая основного принципа естествознания — закона сохранения энергии. Остается таким образом принцип параллелизма. Но и он, по моему, не выражает точно этого взаимоотношения субъективной и объективной сторон материи, ибо всегда возникает вопрос: если оба эти рода — субъективный и объективный — протекают параллельно, то каким, спрашивается, образом происходит соответствие в изменениях этих обоих рядов? Следовательно, между этими рядами есть какая-то взаимная обусловленность; а это приводит нас опять к взаимодействию; вот почему с известным правом противники теории параллелизма указывают на то, что всякая теория параллелизма в скрытом виде всегда содержит теорию взаимодействия. В самом деле, возьмите два какие-нибудь свойства материи, например, массу и движение, нагревание тела и его протяженность и т. п., — всюду и везде вы не только найдете параллельное изменение этих свойств, но и взаимную определяемость одного ряда другим: масса определяет движение тела, его нагревание определяет его протяженность и т. п. То же самое мы находим и в применении к субъективному и объективному свойствам материи: они протекают не только не взаимодействуя друг с другом и, следовательно, параллельно, а наоборот именно взаимодействуя, при чем *объективная сторона всегда определяет субъективную, бытие определяет сознание*. Но такого рода параллельное и вместе взаимодействующее протекание явлений в науке называется функциональной зависимостью. Вот почему, с моей точки зрения, гораздо рациональнее было бы обозначать взаимоотношения субъективной и объективной сторон организованной материи не как параллелизм, а как *функциональную зависимость*, где независимым переменным является объективная сторона, а зави-

симым переменным — субъективная. Только в таком виде было бы возможно, с моей точки зрения, говорить о взаимоотношении этих сторон материи.

Дальнейшим, не менее спорным в методологическом отношении, пунктом является вопрос о *пространственности* или *непространственности* психических процессов. С моей точки зрения, эти процессы должны быть признаны пространственными, конечно, не в смысле их протяженности, что мысли, например, являются квадратными или треугольными, толстыми или тонкими, ибо этого нельзя сказать и о таких физических явлениях, как магнетизм, теплота и др. Пространственными психические явления должны быть признаны и не в смысле, конечно, наивного материализма, что чувственные качества—цвета, звуки и т. п. существуют объективно вне воспринимающего человека. Но вот именно потому, что эти и цвета, и звуки, и мысли, и настроения существуют не вне воспринимающего человека, а в нем и в зависимости от строения его воспринимающего аппарата — глаза, уха и т. д., при чем это восприятие локально строго определено тем или иным воспринимающим элементом, группой клеток и т. п., по уничтожении которых не возникает и этих субъективных явлений — цветов, звуков и т. п., поэтому-то мы и мыслим себе, что локально эти субъективные явления возникают только там, где для этого имеются объективные условия. Иначе при условии непространственности психических явлений я не мог бы сказать, что боль локализуется в ноге, а представления возникают в голове, что мои мысли принадлежат именно мне, как определенному пространственному телу, и т. п. Да и кроме того, если признать психические явления непространственными, то возникает вопрос: каким же образом пространственная материя может обладать непространственными свойствами? И обратно, каким образом непространственное свойство, т.-е. психика, может быть свойством пространственной материи? Во всяком случае, с моей точки зрения, этот вопрос вовсе не является еще окончательно разрешенным, хотя за непространственность психических явлений высказываются и столь авторитетные лица, как Бухарин и Сарабьянов, и этот вопрос заслуживает того, чтобы его продискуссировать до конца.

Переходя теперь к рассмотрению объекта психологии с марксистской точки зрения, мы рассматриваем психику не изолированно, как таковую, что делает эмпирическая психология, а в непосредственной связи с воздействующей и определяющей эту психику материальной средой, что и ставит объектом для психологии не только анализ явлений сознания, замкнутых в самих себе, а изучение *поведения людей, выражающегося во всей совокупности их реакций, включая сюда, конечно, и их субъективную сторону, на раздражители окружающей среды.*

Поскольку же под этими раздражителями окружающей среды мы в первую очередь мыслим не что иное, как социальную среду, исходя из положения, что психика и возникла и развилась только под влиянием этой среды и что, по Марксу, сущность человека есть совокупность его общественных отношений, постольку *из двух факторов, определяющих поведение человека — социологического и биологического — мы отдаем полное преимущество первому из них.*

А это доминирующее значение социологического фактора приводит нас к тому, что мы не можем рассматривать поведения отдельного человека абстрагированно от его социальной среды, как это делает и эмпирическая психология и психология поведения. Марксистская психология рассматривает каждого человека как вариацию определенного класса. Вот почему в изучении поведения людей *мы должны идти не от индивидуальной психологии к социальной, а обратным путем: от социальной, классовой психологии — к профессиональной, групповой и затем уже к индивидуальной психологии.*

Однако, ставя психологию в столь тесную связь с социологией, мы вовсе не лишаем тем самым психологию самостоятельного объекта и не делаем ее частью социологии, как думают некоторые, указывающие на то, что и социология ставит своей задачей то же самое, что и психология, т.-е. изучение поведения людей. На это можно ответить лишь следующее: если даже и признать, что предметом социологии является изучение поведения людей, т.-е. их взаимоотношений друг к другу, определение, несомненно, не покрывающее всего содержания социологии, то даже и в таком случае за психологией остается самостоятельная задача и свой собственный объект, ибо в поведении человека ее интересуют не формы взаимоотношения людей друг к другу, а *те способы, какими человек реагирует на окружающее, т.-е. на био-социальные раздражители.*

Таким образом, с нашей точки зрения, *объектом психологии является изучение поведения людей, понимая под этим поведением совокупность всех реакций, какими человек отвечает на внешние раздражители.* При этом, реакции мы рассматриваем не изолированно от сложной системы поведения человека в целом, не в виде каких-то основных элементов, из которых слагается это поведение и которые могут действовать самостоятельно и обособленно от всей жизни организма в его целом. *Реагирует всегда весь организм в его полной совокупности, как бы ни была проста при этом его реакция* — это одно из наших основных положений при построении системы марксистской психологии. Ни душа и ни ее элементы в виде ощущений, как это мыслила эмпирическая психология, ни нервная система и ни рефлексы в виде элементов ее деятельности, как думает рефлексология, являются источником взаи-

модействия со средой, но весь организм, как одно замкнутое целое, является источником его поведения. При построении марксистской психологии мы не должны забывать исключительных по своей ценности слов Л. Фейербаха: «Истина — не физиология, не психология; истина только *антропология*. Истинна только точка зрения чувственности, созерцания, потому что только эта точка зрения дает мне *целостность* и *индивидуальность*. Думает и ощущает не душа, потому что душа есть только олицетворенная гипостазированная, превращенная в особое существо функция или явление мышления, ощущения и хотения, — и не мозг, потому что мозг есть *физиологическая абстракция*, орган, вырванный из целостности, из черепа, из головы, из тела вообще, фиксированный как нечто самостоятельное. Но органом мысли мозг служит лишь в связи с человеческой головой и телом [1]). И в другом месте Л. Фейербах кратко это формулирует так: «Я — это реальное, чувственное существо, мое я, моя сущность, это — тело *во всей его целости*» [2]). Вот этот-то *целостный подход к изучению поведения человека и составляет одно из основных положений марксистской психологии, в силу которого, рассматривая отдельные виды реакций, мы никогда не должны забывать, что это есть не самодовлеющие реальности, а лишь удобные для анализа абстракции.*

Этим же целостным подходом к изучению поведения человека определяются и те методы, которыми мы должны пользоваться при изучении этого поведения человека в марксистской психологии.

Если мы не хотим изолировать отдельных реакций от человеческого поведения в его целом, то мы не можем допустить и изолированного изучения поведения человека как от поведения других живых существ, стоящих ниже его, так и от тех социальных группировок, составной частью которых является отдельный человек. Отсюда-то и берет свое начало тот *сравнительно-генетический и социологический методы*, которые должны стать основными при изучении поведения человека в марксистской психологии. И лишь следом за этим, как орудие научного анализа, займут свое место и *объективный* и *экспериментальный методы*, под контролем которых войдет в психологию и *метод самонаблюдения*, или лучше — *метод словесного отчета*.

Не имея возможности детально останавливаться на более частных проблемах этой грядущей марксистской системы психологии, я укажу лишь в заключение на то, что во всем этом изучении поведения людей марксистская психология видит не самоцель, не продукт чисто теоретических исканий, отрешенных от

[1]) Л. Фейербах. Собран. соч., т. I, стр. 157.
[2]) Ibid., стр. 123.

жизни и представляющих интерес для самих себя, как это подчеркивает всегда эмпирическая психология, кутающаяся в тогу так называемого «чистого знания». Нет, *марксистская психология уже по тому самому, что она исходит из учения Маркса, ставит своей задачей изучение поведения людей для того, чтобы не только теоретически объяснить это поведение, но чтобы и практически овладеть им.* Это *единство теории с практикой* и является завершающим, а вместе с тем и руководящим принципом в построении этой грядущей системы марксистской психологии.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И МАРКСИЗМ.

I.

М. А. Рейснер.

Обращение к психологии в области общественных наук было обусловлено двумя бостоятельствами. С одной стороны, потребностью в исходном пункте для теоретического синтеза, а с другой — практическим интересом в целях обоснования той или иной этической системы или общественной политики.

Теоретически психология в социальных науках играла чрезвычайно важную роль. Поскольку очень мало данные политической истории и экономического быта были разработаны, совершенно естественно было обращение к «природе» человека, чтобы в ней найти основу для той или иной социальной закономерности. Когда политики строили свою теорию круговращения политических форм и вырождения правильных форм в неправильные или извращенные, они в древности не имели почти никаких данных, чтобы научно завершить эту теорию в духе строгой закономерности. Поэтому они пробовали объяснить извращение монархии, аристократии или демократии в деспотию, олигархию или охлократию исключительно недостатками человеческой природы, которая неизменно портится и вырождается, раз только тот или иной человек или даже общественная группа оказываются подвергнутыми всем соблазнам и влияниям государственного могущества и власти. Подобным же образом не раз при помощи ссылки на человеческую природу устанавливались законы общественного развития, при чем они являлись не чем иным, как логическим выводом из прирожденных черт человеческой природы. Лишь по мере того, как делали успехи положительные общественные науки — история политических учреждений и форм, история правовых институтов, история экономического быта и генетическая социология — мы можем наблюдать постепенное и необходимое вытеснение психологии из неподобающего ей места единственного источника социальной и исторической закономерности.

Не менее замечательна судьба психологии в деле практических построений всех отраслей политической науки. Вполне понятно, что каждая программа «должного» имеет своей пред-

посылкой определенную оценку «сущего». Таким образом установление факта или данного есть необходимая предпосылка и для его оценки и для противопоставления ему тех или иных практических улучшений. В политике, как она сложилась на протяжении веков, мы находим, поэтому, всегда в качестве предпосылки известное социологическое обобщение, выраженное явно или подразумеваемое само собой. На чем же и строить политику, как не на определенных законах человеческого духа, который представлялся и неизменным и, с другой стороны, доступным непосредственному анализу и воздействию каждого! Самое легкое, хоть и ошибочное, было всегда и первой предпосылкой подобных построений. И вот мы видим, что сплошь и рядом на естественной природе человека или же на природе естественного человека строится и необходимость тех или иных политических мер по его адресу. Вполне логично при этом сторонники деспотии или тирании предполагают человека злым и скверным по природе и этим путем оправдывают драконовские мероприятия по его адресу. Дескать, с этим животным иначе нельзя. Всевозможные либералы и радикалы поступают наоборот. И так как им нужно оправдать во что бы то ни стало требование свободы и демократии, то они, в свою очередь, изображают человека ангелом по природе, который лишь испорчен влиянием вредоносной культуры. Другими словами, каждый политик считает необходимым подвести бесспорный фундамент под свои построения и легче всего находит его в человеческой природе и ее психологии.

Не надо, однако, забывать и еще одного обстоятельства. И оно было решающим в условиях классового общества старого и нового мира. С тех пор, как, благодаря разделению труда, умственная деятельность стала почти монопольным достоянием господствующих классов, одним из излюбленных аргументов в пользу оправдания классового владычества стал тот факт, что господствующие классы обладают и высшими дарованиями и высшей культурой. Вопрос о свойствах души, о разуме и сознательности, о власти духа над материей и царстве мудрецов стал не только вопросом какой-нибудь школьной организации или духовного авторитета, но в высшей степени актуальным вопросом классовой политики. Ибо совершенно естественно, что раз произошло разделение между духом и плотью, между мудрыми и неразумными, знанием и невежеством, то, само собой, руководство общественной жизнью должно принадлежать наиболее сознательным и разумным, чтобы придать ей характер планомерной организации и целесообразного улучшения. Так, вопрос о распределении хозяйственных благ прикрывался академическим спором о преимуществах ума перед глупостью, захват орудий производства оправдывался законами психологии, и не было таких гнусных и отвратительных средств угнетения, которые не были бы возвеличены и одобрены во имя

духовного совершенства при помощи, может быть, порой, жестоких мер «отеческого» воспитания; и если родители принуждены наказывать детей, то и старшие, лучшие люди, т.-е. господствующие классы, должны не щадить никаких сил и не могут останавливаться ни перед какими средствами, чтобы вбить в головы безумцев и полускотов начала истинного разума и нравственности.

После сказанного становится понятным то обстоятельство, что, несмотря на сравнительно очень позднее возникновение науки социальной психологии, психологические данные встречаются в большом изобилии в различных политических и этических системах, начиная с древности. Уже первые системы обществоведения дают нам богатый материал. Великий реакционер древней Эллады, Платон, построил всю свою политику именно на подобной психологии. Его идеальное государство есть не что иное, как отражение природы человека с его душевными силами. Мозгу и знанию соответствуют мудрецы, как властители государства. Сердцу с его аффективностью и мужеством уподобляются стражи или воины. Наконец, низменной части души с ее чувственными вожделениями отвечают ремесленники и крестьяне, лишенные истинного разумения, но призванные к тому, чтобы питать «премудрую» голову. Самая смена государственных форм уже у Платона основана на способности психики к известному падению и вырождению, а политика вполне последовательно сливается с педагогией, в которой строгие принципы консервативного порядка должны обуздать грубые материалистические страсти во имя прирожденного разума аристократии. Правда, Платон не был сторонником наследственных каст, но, во всяком случае, проблема одаренности была уже у него поставлена как основа для разделения общества на властвующих и подвластных.

Крупнейший либерал древней Греции, Аристотель, ставший по иронии судьбы воспитателем македонского властителя мира, в большей степени чем Платон пользуется положительными данными политической истории. И в силу этого, он гораздо меньше прибегает к психологической аналогии и природе человека. Тем не менее, в особенно рискованных пунктах и ему приходится искать помощи у человеческой «души». Так в обосновании рабства экономическое оправдание этого установления сопровождается разделением людей на способных рассуждать и неспособных к самостоятельной мысли, в результате — последние самой природой осуждаются на рабство первым и на роль физических орудий в их руках. Несовершенная психика ребенка и женщины точно так же становится основанием для утверждения монархической власти отца над его потомством и несколько смягченной «политической» власти мужа над его женой. Аристотель в своем учении об общественных классах уже умеет оценить значение

их экономической позиции, но все же решающим для него остается психический характер отдельных классов, и на этом анализе основывает он необходимость преобладания среднего класса, как наиболее умеренного, склонного к известной устойчивости и способного к гражданской добродетели при смешанном образе правления. В своих мерах к поддержанию той или иной общественной политической формы, Аристотель уделяет большое внимание психологии, но этим далеко не ограничивается: в наброске идеальных форм государства он строит, подобно Платону, утомительную и мелочную систему воспитания не только детей, но и взрослых, при чем уже совершенно забывает о влиянии хозяйственного быта и политических условий среды.

Правовые и политические учения Рима не дают сколько-нибудь новой и яркой психологической теории. Здесь мы встречаемся с большими практиками дела, которые в значительной степени без всякой особенной теории переходят от двенадцати таблиц к законодательству Юстиниана и от родовой организации первоначального царства к державной республике великого города, а затем к мировой империи Цезарей. Психология была использована здесь лишь постольку, поскольку она была предпосылкой для правовой нормировки и давала выражение общественным типам собственника, гражданина, участника экономического оборота, субъекта преторского права и т. д. На психологии строилась в значительной степени теория Полибия о смене государственных форм и учение Цицерона, который идеализировал этим путем тип приличного сочлена имущих классов последних дней республики. В большей степени психология была использована при построении философских систем и обосновании идеи всемирного гражданства. Однако, эти вопросы уже выходят из круга, подлежащего нашему рассмотрению.

Гибель античного мира и пришествие так называемых средних веков, как известно, были результатом крупного экономического кризиса и социального переворота. История как бы опять началась наново. И если с Римом мы успели уже отойти от наивного психологизма ранней Греции, то теперь мы опять видим перед собою чудовищное возрождение психологизма, притом в его наиболее уродливой форме. Водворяется психология, как основа мистики и религиозного воззрения церкви. По этому учению в основе общественного устройства лежит душевная природа человека, которая омрачена неизлечимым пороком первородного греха. Все люди зачисляются в разряд тех неспособных к постижению истин, которых Платон и Аристотель осуждали на естественное рабство. Августин провозглашает, что рабство есть результат грехопадения. Человек становится прирожденным рабом. И уже не разум должен его спасти, а влияние таинственной благодати, которая сосредоточена в руках клира, получившего

власть связывать и разрешать. Все дело общественной жизни превращается в особую гимнастику душевных способностей, имеющую своею целью подавление естественного греховного человека и воскрешение в нем послушания и святости.

Исследованию церковной истории и быта, особенно в эпоху средних веков, посвящено много ценных работ. Но до сих пор, к сожалению, мы почти не имеем трудов, которые сделали бы предметом изучения ту психотехнику церковной дисциплины и спасения, которая была осуществлена на протяжении нескольких веков под властью католичества. А между тем церковное владычество представляет собой не только необходимую идеологическую надстройку, естественно порожденную условиями средневекового хозяйства, но также изумительное техническое сооружение, работавшее при посредстве массового применения средств внушения, психоанализа, подражания и специфического воспитания. Познание того, что называлось душой человеческой, и умение использовать ее свойства, порожденные давлением производственной среды, достигали порой громадного совершенства. И неудивительно, что в системе иезуитизма, этом великолепном завершении церковной психотехники, мы имеем непревзойденную систему педагогики, где искусственно не только тормозилось развитие сознательности, но и культивировалось такое извращение сексуальных влечений человека, что в результате в некоторых группах мы находим подлинную регрессию к первичным ступеням человеческого дикарства или, в лучшем случае, варварства. Но, само собой разумеется, менее всего найдем мы где-нибудь научную психологию или теоретическую психотехнику церковных учений. Эту психологию надо искать во всевозможных руководствах по церковному управлению, дисциплине, пастырству, нравственному богословию так же, как в наставлениях по монастырской аскезе, отдельному подвижничеству и т. д. Одна история иезуитов дает великолепные документы по церковной психотехнике.

Как мы знаем из истории, эпоха средневековья закончилась экономическим подъемом, давшим начало капиталистическому обществу. Казалось бы, это время должно было сопровождаться обращением к материальной основе общественной деятельности. Случилось, однако, наоборот. Молодая буржуазия, выступавшая под флагом реформации, возрождения и науки, прибегла в политической жизни снова к учению о человеческой душе. На этот раз, конечно, душа оказалась освобожденной от первородного греха и цепей церковного гнета. Но предшественницей социологии и на этот раз осталась психология. И именно в формы естественного человека было вложено обобщение реальных типов данной эпохи. Под маской естественного человека прежде всего мы легко узнаем деятеля бурных времен первоначального накопления. Это вполне

реальная величина, строго определенная экономическими условиями времени. Но она не имеет еще адэкватного научного выражения. Вот почему перед нами возникают различные учения о человеке природы, а вернее о психических типах тогдашнего деятеля накопления и оборота. И когда какой-нибудь Маккиавели рисует нам образ человека-зверя, который нуждается в периодическом кровопускании для того, чтобы сохранить кое-какой порядок и равновесие, то мы прекрасно знаем, что за этим скрывается: ибо в качестве укротителя зверей выступает другой естественный человек — кровожадный деспот и авантюрист, кондотьер, совмещающий в себе полуразбойника и полукупца. Подобным же образом и Гоббс в естественном человеке дает точный портрет английского хищника эпохи первоначального накопления, бандита и торговца, который может быть сдержан лишь при помощи оружия, тюрьмы и абсолютного монарха. Когда впоследствии обстоятельства меняются, и на смену горячки первоначального накопления приходит легальный хищник капиталистического рынка, пресловутый товаровладелец, торгующий так же сукном, как человеческой кровью, то общая постановка необходимо принимает другой вид, а естественное состояние человека дает нам картину прирожденных собственников по закону природы с их не менее естественной психологией жадности, бесчеловечной эксплоатации и страсти к накоплению. Стоит упомянуть о том, что подобные же психологические обобщения легли в основу и пресловутого учения Руссо. Под идиллической фигурой естественного человека, полного благородных страстей, доброты, доверчивости и трудолюбия, мы легко узнаем идеализацию маленького человека среднего сословия, идущего требовать декларации человека и гражданина во имя своих мещанских добродетелей. Психология в этих случаях служит лишь к тому, чтобы идеализовать тот или иной психический тип данного времени и классовой группировки.

Впрочем, эта психология не осталась и без своей, довольно своеобразной, психотехники. Школа администраторов и камералистов эпохи просвещенного абсолютизма в лице Христиана Вольфа, Зонненфельса и ряда других, во главе с философом Томазием, создала целую науку управления, где за отсутствием действительных методов экономической и финансовой политики на первый план были поставлены различные педагогические и психотехнические способы воздействия. Широковещательные манифесты, трогательные воззвания, отеческие наставления, вплоть до системы бесчисленных штрафов и полицейских взысканий — все это было применено в целях влияния на «души» возлюбленных подданных. С особенным пристрастием в это время обращались к так называемой гражданской или цивической религии и прибегали к регулированию всего быта вплоть до цвета платья и числа блюд на семейных торжествах. Изыскивались меры, которые

должны были внушить населению высокое мнение о законодателях и законодательстве, а полиция облекалась ореолом благодетельного воспитателя к добродетели и спасению. Психологией были проникнуты не только обещания «пряника», но и угрозы, при помощи спасительной «лозы»; удары последней строго соразмерялись с желаемым воспитательным эффектом. К сожалению, до сих пор еще совершенно не изучена эта изумительная система государственного психологизма, которая исходила из того принципа, что нужно только найти в человеческой душе настоящую пружину, чтобы при ее помощи произвести все желательные перемены в поведении. Это — психотехника при помощи специально полицейских раздражителей.

II.

О социальной психологии, как науке, можно лишь говорить с того времени, когда впервые родилась социология, как самостоятельная доктрина. Правда, социальная психология, как самостоятельная наука, выделилась из социологии лишь в последнее время. Но говорить о социально-психологических учениях, начиная с появления социологии, мы имеем право уже потому, что новорожденная наука об обществе, прежде чем она перешла к положительному материалу и соответственной теории, очень долго пользовалась психологическими обобщениями и даже фантазиями. Общий закон развития, который мы имеем в переходе от первобытного психизма к последующему материализму положительного знания, повторяется регулярно во всех областях человеческой мысли. Мы начинаем всегда с «души», как наиболее доступной нам области самонаблюдения, а кончаем всегда материализмом, так как неизбежная борьба за существование и тяжелый материальный труд рано или поздно разбивают, при помощи реального опыта, наши начальные иллюзии. Это наблюдаем мы с таким же успехом на истории человечества, как на развитии ребенка.

Уже в первой, заслуживающей этого названия, социологической системе Джиамбатисто Вико мы находим стремление построить социологический закон при помощи данных социальной психологии. Устанавливая свою чрезвычайно интересную смену трех периодов развития в жизни человечества — божеского, героического и человеческого — с соответственной идеологией и языком, этот мыслитель прекрасно чувствует связь между бытом и общественным сознанием, так что в этом смысле является отдаленным предшественником новейших теорий. Но психология имеет для него неотразимую силу, и в конце концов конфликт между различными эпохами общественного роста разрешается не в области экономики, а психологии, так как дело сводится к фор-

муле постепенного и необходимого вырождения людей под влиянием богатства и власти, что приводит их в конце концов к анархии и новому варварству. Огюст Конт, который считается истинным родоначальником научной социологии, открыл, можно сказать, вторично законы, установленные Вико, и наметил опять три фазы развития общества — теологическую, метафизическую и позитивную — с тем, однако, различием, что у Конта общество проделывает прогрессивную эволюцию, а не круговращение, как это утверждал Вико. В распоряжении Конта, как это можно видеть из его социологии, были, конечно, безмерно более богатые и значительные материалы по истории, как экономического быта, так и политических учреждений. К сожалению, это нисколько не помешало ему, хотя и ценой вопиющих противоречий и непоследовательности, провозгласить, что в основе общественного развития лежит опять-таки не что иное, как известный прогресс в человеческом познании, т.-е., другими словами, в чисто психологическом процессе. Гегель в своей философии только завершил подобную тенденцию в понимании общества, причем, однако, сделал еще один шаг вперед и превратил самый закон природы в закон мышления, а ее жизнь — в мыслящего абсолютного духа. Здесь психологизм достигает своих высших пределов, а вместе с тем доходит до абсурда.

Если мы попробуем оценить приведенные здесь главнейшие системы основоположников идеалистической социологии, то мы должны отметить вопиющее противоречие в их изложении. Начиная с Вико и кончая Гегелем, все они ищут примирения между давящим влиянием материальной среды и деятельностью духа, который представляется господствующим и руководящим началом. У Вико это противоречие менее заметно, благодаря некоторой наивности его системы. Но, с другой стороны, она сама себя совершенно уничтожает, так как психика человека приводит его в конце концов к постоянному возвращению на исходный пункт, к вырождению и гибели, откуда лишь путем воскрешения первобытного варварства возможен новый оборот колеса, влекущий за собой, после новой культуры, опять возвращение в дикарство. Система Конта свободна от такой самоликвидации культуры. Но, зато, он принужден упразднить свой закон руководящего значения мысли для целой эпохи, а именно — эпохи капитализма, когда в виде непостижимого исключения из общего правила вся градация культурных наслоений, «серий», оказывается перевернутой кверху ногами, и духовная жизнь становится целиком под непрекаемое господство грубой экономики. Гегель избег противоречия путем превращения всей мировой жизни в психологию абсолютного духа, который переживает в людях диалектику своего мышления. Но этим самым был нанесен окончательный удар идеалистической социологии, так как понятие духа в виде боже-

ства есть уже полное отрицание научной критики и исследования. В таком построении одно оказалось очень удачным, а именно — психология, ставшая, в одно и то же время и химией, и физикой, и биологией, этим самым совершенно упразднила себя.

После Конта наука социологии приняла самые различные направления. Наиболее материалистическим среди них является то течение, которое поставило задачей своих построений установление связи между биологией и социологией и пришло к установлению различных аналогий между человеческим обществом и всевозможными видами живых организмов. В этом научном течении мы, опять-таки, находим различные колебания между строгим биологизмом и натурализмом в духе Спенсера и своеобразным перенесением биологических аналогий в психологическую область, причем человеческое общество оказывается по существу средой развития психических сил и связей, и социальный организм получает характер психического коллективного тела. Так продолжали теорию Спенсера Фулье и Вормс. На-ряду с такими материалистическими и, некоторым образом, натуралистическими течениями мы имеем и смешанные теории, пытающиеся в структуре общественных форм, в двигающих силах, ходе из развития и связей найти самостоятельные законы общественной жизни. Здесь мы встречаемся и с обоснованием солидарности на процессе разделения труда в духе учения Дюркгейма и с построением социального процесса при помощи социальной дифференциации, как об этом учил Зиммель, и с иерархическим процессом общественной трансформации де-Греффа и т. п. Наконец, за ними следуют чисто психологические учения в области социологии, как это мы имеем в теориях Тарда, Уорда, Гиддинса, Кидда и др. Казалось бы, чрезвычайное разнообразие направлений и большая многоцветность в применении психологических данных...

Так оно и кажется на первый взгляд. Действительно, если мы попробуем подойти к исследованию всех этих учений, то перед нами как будто бы раскрывается на редкость широкое и разнородное нагромождение отдельных положений. Здесь ставятся вопросы и о роли общественных явлений в качестве физиологических органов общественного тела, причем выясняется вопрос об автономии социальных рефлексов и сосредоточии общественного сознания в его руководящих центрах социального мозга. Такая физиология общества с бессознательными и сознательными функциями приводится далее в связь с наличностью особого общественного самосознания, сосредоточенного в общественном «я», и естественно, затем, исследуется вопрос о соотношении этого «я» и сознания индивидов, образующих общество. Не менее интересны, конечно, причудливые исследования о социальной интеграции и дифференциации, о соотношении между степенью развития членов отдельной группы и ее объемом, так же как разрешение

проблемы о взаимном влиянии материальных и духовных факторов друг на друга, о прогрессе, регрессе, линейном и спиральном ходе подъема от животного стада к современному обществу, от религиозного к механическому общению, — и наоборот. С психологической точки зрения, само собой, весьма любопытны перечисления то «чувств», то «желаний», то «инстинктов», то, наконец, «идей — сил», которые должны в рамках борьбы за существование, в конце концов, привести нас к превосходнейшим формам будущего блаженного общежития с его мирным и торговым характером, договорным общением и, вообще, всяческой «социократией»...

Ближайшее рассмотрение всех подобных социально-психологических построений в рамках современной социологии оставляет, однако, весьма печальное впечатление. Прежде всего, поражает полнейшая методологическая беспомощность, которая ставит прямо под вопрос элементарную научную ценность всех этих, иногда, весьма остроумных и ученых рассуждений. Совершенно произвольны аналогии индивидуальной и социальной психологии, причем, в конце концов, даже теряется основной субъект таких писхологических явлений. Взамен положительного исследования — перед нами гипостазирование отдельных явлений психической жизни, которые вырастают до метафизических сущностей, то развивающихся самих из себя, то находящихся в неопределенной зависимости от самых различных и произвольных моментов окружающей среды. Не менее произвольно привлечение исторических данных, которые так или иначе подгоняются к априорно поставленным формулам, то заменяются и истолковываются в духе биологических процессов. Сопоставление экономики и семейно-родового быта, наследственности и влияния среды, техники и культуры может сравниться, по своей путанице и пестроте, лишь с произвольностью в выборе критерия прогресса и смешением сущего и должного. Лишь в одном отношении мы можем быть вполне утешены: все наши социологии сходятся в единодушной апологии классового и капиталистического общества. В утопии Конта мы встречаемся с блаженным царством банкиров и ученых над порабощенным пролетариатом. Спенсер рисует, как венец прогресса, свое торговое и промышленное общество биржи и капитала. Остальные социологи многоразличными путями приходят к великолепному индивидуалистическому общению, где на основе добровольного контракта и полной свободы обмена водворяется торжество освобожденной личности. Другими словами — все дороги ведут в Рим...

Таковы результаты психологически построенной, или только прослоенной, социологии. Немногим лучше и положение социальной психологии, как самостоятельной науки. Правда, здесь мы встречаем несколько больше упорядоченного материала и боль-

шую устойчивость метода. Это объясняется хотя бы тем обстоятельством, что предмет исследования несколько более сужен, а следовательно утончен, а с другой стороны, здесь большое влияние оказал и прогресс в построении наук о больном и здоровом мозге, который зависел уже не от социологов, а от биологов, физиологов, врачей и т. п. Со следующих учений мы по справедливости можем начать здесь свой обзор. Это—учение о преступном человеке и его прирожденном типе в учении Ломброзо и его школы, затем учение о подражании Михайловского и Тарда, и, наконец, теория преступной толпы и толпы вообще, как ее построили Сигелэ, Ле-Бон, отчасти Сидис и, наконец, Фрейд и его школа. Учение Ломброзо, подвергнутое основательной, а затем уничижающей критике, должно оценить лишь как стимул к исследованию более широкого вопроса о прирожденности и наследственности в рамках общественной жизни, что породило, в свою очередь, обширную литературу политико-антропологического типа, где и антропо-географами и антропологами был поставлен вопрос о наследственности антропологических и этнических групп, а в первую голову различных рас. К сожалению, в этой области, на-ряду с именами Ратцеля и Реклю, мы имеем бесчисленную фалангу разных Катрфажей, Чэмберлэнов, Аммонов и т. п., которые создали пресловутую теорию о власти прирожденных господ земли, «арийцев» и «долихоцефалов» (длиноголовых) над прирожденною расою рабов «брахицефалов» (короткоголовых). Не удивительна после этого американская практика обращения с цветными и их же система борьбы с преступностью путем кастрирования так называемых наследственных рецидивистов, или даже прямо уничтожения их на электрическом стуле. Лишь в последнее время выдвигаются кое-какие плодотворные учения в сфере социальной наследственности под флагом прикладного искусства улучшения человеческой породы, или евгеники. Мы не касаемся здесь вопроса об одаренности, так как ему в настоящем сборнике посвящено особое место.

Классовый уклон, который приняла антропологическая психология, дает достаточно доказательств в пользу совершенной ненаучности такого рода социальной психологии. Теория Тарда не может избегнуть подобного же упрека, ибо автор ее, подметив кое-какие правильные факты в деле подражания, образования моды и привычки, не удовлетворился историческим и конкретным объяснением этих явлений, но по образцу слишком многих социал-психологов поспешил возвести данные обобщения в ранг мирового закона, охватывающий собой чуть ли не движение планет и явления химического сродства. Подражание, таким образом, стало высшим и всеобщим законом человечества. Впоследствии в него было включено учение о бессознательном, внушении и гипнозе, отчего космический характер подражания весьма мало

выиграл. И было добавлено учение об изобретении, которое воспринимается при помощи подражания и вступает в своего рода социальную дуэль с другим изобретением, которое также рассылает от себя волны подражания. Чистый психологизм и здесь обратился во вред своему автору, так как остались совершенно скрытыми и причины творческого изобретательства и нисколько не менее — основания внушаемости, ведущей к подражанию. Социальный закон Тарда остался висеть в воздухе. Теория Михайловского, бывшего под известным влиянием марксизма, к сожалению, не достигла научной законченности и сохранилась лишь во фрагментах.

Учение о массовой психологии, как оно было построено указанным выше учеными, ставило чрезвычайно интересный вопрос о психической жизни масс, а в частности—о различных массовых эксцессах. В качестве материала были привлечены не только данные о поведении неорганизованной толпы и организованного общества, но также характеристика различных специальных видов толпы, а в частности толпы революционной. За этими проблемами не трудно увидеть тот практический интерес, который явился результатом господства демократии с одной стороны, и вступления в эпоху революций—с другой. Односторонний психологизм, однако, и здесь сделал свое дело. И Сигелэ, и Ле-Бон, и в значительной степени Тард, занимаясь психологией толпы, совершенно не различали в достаточной степени ее профессионального, классового и просто экономического положения. Мало считались они и с тем различением органических и революционных эпох, которое было дано еще Сен-Симоном. Работая в духе идеалистических учений, упомянутые авторы, по образцу учителей естественного права, возводили без всякого стеснения конкретных представителей данной групповой среды на положение отвлеченного человека вообще, а этот последний, в конце концов, удивительно подтверждал самые худшие опасения. Человек толпы, он же человек демократии и революционных движений, оказывался подлинным дикарем и безумцем, преступником по самой своей природе. Стоит только выпустить его из рамок крепкой власти, суровой организации и честного полицейского надзора, как он немедленно превращается в дикого зверя и разрушает все основы...

Этот путь психологизма, который так изумительно совпадает с классовым интересом буржуазии и принципами полицейской законности, захватил и ученых, от которых мы могли бы ожидать больше объективности и научной глубины. Так, английский психолог, Мак-Дауголл, нашел чрезвычайно удобный выход для разрешения трудных проблем социальной психологии. Борьба общественных групп и организаций, борьба классов, изменение человеческой психики под влиянием экономического быта и про-

изводственных условий, наконец, вопрос о действительном вырождении известных социальных образований, занявших место паразитов в человеческом обществе, — все это благополучно заменено теорией инстинктов, на которые в конце концов и разлагаются все социально-психологические явления. О чем вы ни спросите этого автора, везде у него ответ готов — таковы инстинкты, присущие человеческой природе. Инстинкт размножения и инстинкт драчливости, инстинкт стадный и такой, посредством которого религиозные концепции влияют на социальную жизнь, инстинкт стяжания и инстинкт строительства — все они работают при помощи еще более элементарных инстинктов вроде инстинкта бегства, отвращения, любопытства, самоуничижения, самопревозношения и т. п., а в результате в качестве высшей формы человеческого поведения появляется пресловутый образец индивидуалистической морали, где верх берет чувство самоуважения и собственного достоинства, которое вырастает в пресловутое патриотическое самосознание с его способностью личного самопожертвования. Если под социальной психологией мы часто встречаем известную политику, направленную в классовых целях, то на примере Мак-Дауголла мы имеем превосходную этику средней англо-саксонской морали, как она выработалась в буржуазных кругах современной Англии и Америки. Приблизительно то же самое можно сказать о социально-психологических трудах американских психологов вроде Дьюи, который дает очень недурное описание человеческой природы современного добропорядочного гражданина, и подмечает, разве, одно неудобство современного классового общества: в нем, видите ли, отделено производство от потребления, а посему непроизводящие потребители страдают от недостатка работы, а непотребляющие производители несчастливы в виду отсутствия нужного им потребления...

Психопатологи и психиатры, казалось бы, могли больше дать социальной психологии. На больном человеке слишком очевидны тяжелые раны, нанесенные ему условиями социальной борьбы. Однако и здесь буржуазная наука может похвалиться своими достижениями — она достаточно резко поставила грани между медициной и социальным бытом, и врач удовлетворяется весьма скромной задачей: он лечит результаты общественной борьбы, не задумываясь над их происхождением и не ощущая потребности их осветить. Вот почему доктор Сидис, рисуя нам массовое помешательство не только в средние века, но и в новом обществе, воздерживается от выяснения причин этих страшных припадков безумия. Проф. Бехтерев стремится свести коллективную рефлексологию к законам тяготения или относительности, а большинство психиатров просто не интересуются социальным основанием господства различных типов по примеру намеченных Кречмером типов «циклоидов» или «шизоидов». Одна школа Фрейда сде-

лала в этом отношении более решительный шаг. И здесь, казалось бы, мы могли ожидать действительно серьезных результатов. Как известно, фрейдизм по существу материалистичен и прогресс человечества усматривает в переходе от сексуально окрашенной фантастики к познанию реальности под влиянием экономического мотива. Однако, целый ряд обстоятельств и здесь не дал тех результатов, которых мы были вправе ожидать. Во-первых, тут надо отметить увлечение сексуализмом, которое отодвинуло совершенно на задний план моменты реальной борьбы за существование. Во-вторых, сам Фрейд в своих социальных работах подвергся совершенно излишнему влиянию уже отмеченного нами выше Ле-Бон'а, с его отвлеченной толпой абстрактных общечеловеков. В-третьих, некоторые ученики Фрейда, вроде Кольнаи, стали на определенный путь политической борьбы под видом научного исследования и зачислили все им неприятные явления — например, большевизм — в разряд самых варварских и грубых сексуальных регрессий. И только, разве, в области религии, искусства, мифа и фольклора фрейдисты дали нечто весьма ценное. Но, опять-таки, без какой-либо попытки строго научного социального обоснования.

К таким, в общем и целом, неудовлетворительным результатам и должна была прийти наука, которая пробовала изолировать человека, эту естественную силу среди других естественных сил, и сосредоточить все свое внимание на его психических реакциях, которые, в свою очередь, были только реакциями на этот самый внешний мир с его бесчисленными запросами. Человек, как высшая ступень организованной материи, существо немыслимое вне материальной среды и человеческого общества, не может быть ни понят, ни изучен, вне этой общей определяющей связи.

III.

Теория исторического материализма дала решающие результаты не только в одной экономике, политике и социальной философии. Она дала громадный толчок новым направлениям и во всех смежных знаниях. И если Маркс говорил в свое время, что он поставил на ноги Гегелевскую философию, стоявшую кверху ногами, то относительно социальной психологии можно сказать, что здесь марксизм спустил на землю вещь, которая болталась в воздухе, а в лучшем случае осеняла вершины классового господства буржуазии.

Марксистский подход к социальной психологии целиком определяется общими основами данного мировоззрения. Как известно, здесь человек берется не в качестве оторванного от мира царя природы, но в виде необходимого звена в общей цепи ее явлений. Он есть результат ее материального процесса, и сам, как

живая естественная сила, противостоит другим стихиям. Он ведет, далее, неустанную борьбу за существование, которая отличается следующими признаками: она ведется коллективно в человеческом обществе, она происходит при помощи создания технических орудий и производства материальных ценностей, и, наконец, эта борьба в том смысле влияет на человека, как на производственный аппарат, что превращает его в двуногое, работающее руками и мозгом, говорящее и мыслящее животное, которое устанавливает свое отношение к окружающему при помощи отражения действительности в мозгу и соответственной реакции во внешнем поведении. Такое воззрение на человека сразу дает необходимые методологические предпосылки и для социальной психологии. При такой исходной точке ее возможно изучать лишь одним путем, а именно,—как деятельность нервно-мозговой системы человека, работающей в процессе труда, борьбы и производства и связывающей в этой деятельности коллективное поведение человеческих групп или масс. Общественный человек, благодаря этому, выступает как связанная производственными отношениями с другими людьми индивидуальная производительная сила, которая регулирует и отношение к внешнему миру, и к окружающим людям, и к самому себе при помощи соответственной отражающей и реагирующей деятельности, так называемого психического аппарата.

Такова, в самой отвлеченной форме, постановка вопроса. Здесь, конечно, возникает целый ряд весьма важных проблем, которые непосредственно не были разрешены ни Марксом и Энгельсом, ни их учениками. И не только потому, что центр их внимания находился в исследовании экономической жизни Европы и политическом руководстве восстанием пролетариата, а следовательно как специальной наукой, социальной психологией они не занимались. Но здесь имеется и другое, более важное основание. Состояние биологии, физиологии и зоопсихологии в их время было таково, что они при всем желании не могли бы разрешить всех частных проблем, которые вытекают из их методологии, а прежде всего, они не могли бы разрешить, как это возможно сделать сейчас, вопроса о различии между обществом животных и человеческим обществом, о формах приспособления здесь и там и роли технического момента не только в области материального производства, но и специально производства идей, включая в их состав различные виды «идеальных побуждений». Дело в том, что, как правильно отметил Бухарин, в составе технического аппарата современного общества достигли исключительного развития такие орудия производства, которые направлены отнюдь не на получение материальных продуктов, но на оборудование, при помощи химических, физических, механических и иных сооружений, нашей познающей, отражающей и орга-

низующей деятельности. Так что, в данном случае, мы получаем не только идеологическую надстройку в смысле совокупности идеологий, находящихся в мозгу отдельного человека, но и самую подлинную материальную надстройку над производством в виде научно или идеологически обусловленных искусственных средств научного исследования, художественного творчества, морального воспитания и организационного воздействия.

При свете этих замечательных фактов, различие между человеческим обществом и обществом животных получает совершенно новое освещение. И если мы определим человеческое общество как производственный коллектив, который надстраивает над процессом создания материальных ценностей столь же материальную надстройку культурной работы, то, конечно, благодаря этому мы приближаемся к более точному выяснению сходства и различия между двумя мирами — биологией и социологией. Выяснение же этих вопросов делает новые шаги еще благодаря открытиям академика Павлова в области так называемых условных рефлексов. Попробуем сопоставить, поэтому, данные марксистской теории и новейшей рефлексологии в области социальных отношений. Остановимся прежде всего на характеристике животного мира. Ее мы можем свести к нескольким положениям. Прежде всего нельзя не видеть, что живые существа вырабатывают активное приспособление к окружающей среде при помощи органического перерождения или трансформации. Живое тело создает технические орудия из самого себя и выращивает надлежащие зубы, рога, щупальцы, плавники, хвост и т. п. Такие технические свойства передаются затем в известной закономерности, в порядке наследственной преемственности. Там, где мы имеем разделение труда в животных сообществах, оно приводит к созданию совершенно новых видов и форм, предназначенных лишь к одной специальной деятельности. К такому техническому перерождению, лишь в виде дополнения, присоединяются наследственные группы безусловных и условных рефлексов, имеющих техническое значение, или, иначе говоря, инстинктивные реакции на определенные условные и безусловные раздражители, которые приводят к некоторым техническим сооружениям, вроде гнезд, плотин, сетей, нор, ячеек и других построек. Центр тяжести, однако, остается, и в том и в другом случае, в самой структуре живого существа, которое, благодаря этому, с первых дней существования владеет техническим приспособлением и лишь дополняет его коллективным или индивидуальным опытом. Весь аппарат приспособления таким образом в самом живом существе, или вернее, — в его виде, но меньше всего — в какой-нибудь системе познавательных и организационных приспособлений, находящихся вне его.

Если мы теперь обратимся к взаимной связи животных обществ в их непосредственной среде, то мы найдем ту же самую картину.

Здесь также вырабатывается известная сигнализация, которая путем взаимных раздражений дает необходимую реакцию. Такого рода сигнализация может быть звуковой в такой же степени, как световой, осязательной или обонятельной. Говорят, даже с некоторым преувеличением, о языке насекомых и позвоночных. Можно даже продолжить такую способность к известной сигнализации. Ибо явления мимикрии представляют собой не что иное, как выработку защитной сигнализации, долженствующей пробудить определенную реакцию в существе другого вида, по-просту обмануть его и путем своеобразной маскировки обеспечить обладателю маскарадного грима безопасность. Особенную роль играет мимикрия и защитные приспособления у различных паразитов, пользующихся другими существами для своего существования. Но опять-таки и здесь надо заметить, что все приспособления сигнализации, свойственные биологическому миру, менее всего отделимы от самих живых существ в определенных видах. Можно сказать без преувеличения, что если каждый вид вырабатывает свои живые клещи, буравы, лопаты, ланцеты и подобные технические орудия, то точно так же каждый вид обладает ему прирожденными живыми инструментами связи и организации, прирожденными организму трубами, барабанами скрипками, врачными и будничными костюмами, маскарадными (мимикрическими) приспособлениями и т. д. Вопрос об обществах животных сводится, таким образом, к соотношению между индивидуальным и коллективным опытом с его условными рефлексами, с одной стороны, и наследственным опытом в виде трансформации и наличия инстинктов, т.-е. наследственно передаваемых, безусловных и условных рефлексов — с другой стороны.

Противоположность между обществом животных и человеческим лежит таким образом не в сфере пассивного или активного приспособления и не в том, что, будто бы, одни создают орудия, а другие нет, но в том, что одни создают технические и сигнальные приспособления в самих себе, т.-е. биологически, а другие творят их вне себя, во внешнем мире и при помощи внешнего мира, т.-е. экономически. Животные или насекомые противопоставлены непосредственно среде сами — как основное и главное орудие борьбы и приспособления. Человек выносит из себя во внешний мир не только подавляющую часть своей техники, но и больше того — грандиозный механизм познания, отражения, связи и организации. Только этим последним характером и объясняется как громадный прогресс человеческого производства, так и исключительная пластичность человека в его борьбе за существование. Только освободив свой организм от характера орудия низшего типа, человек мог встать на путь изумительного развития мозга, как центра регулирующей и творческой деятельности. Не просто руки создали мозг, а руки, освобожденные

от необходимости быть единственным специальным орудием одной какой-либо специальной функции. И не потому мозг оказался в состоянии работать с таким совершенством, что он стоит в центре рефлекторной дуги, а потому, что он создал, в помощь своей памяти, память искусственную, так же, как снабдил свое зрение стеклами, а свое исследование — книгой, библиотекой, музеем и лабораторией.

Маркс и Энгельс говорили в свое время об идейной или идеологической «надстройке» над производством. Они установили и некоторые законы взаимоотношения того и другого. Таково — известное запоздание идейного отражения сравнительно со стихийным ростом производственного процесса. На основании этого наблюдается другой факт — своего рода расхождение между идейной надстройкой и экономической структурой и превращение правильного отражения действительности в неправильное или идеологическое. Как дальнейший результат, выясняется и возможность конфликта между хозяйственным основанием и различными формами идеологической надстройки, которая рушится неизбежно, но тем не менее способна известным образом влиять на основной процесс и даже тормозить его. Все эти положения в настоящее время получили полное подтверждение в мире физиологии и биологии, где живые существа в борьбе за существование создают условные рефлексы на раздражители, вызвавшие реакцию в их нервной системе, связывают при повторении свою реакцию с определенной условной сигнализацией или символикой и способны также к известному разрыву между действительностью и заменяющими ее сигнальными раздражителями (символикой). Животное точно так же способно реагировать на потерявший реальное значение условный сигнал или символ, как люди — на оторванную от производственной базы идеологию. Теория условных рефлексов получает поэтому громадное, можно сказать, исключительное значение именно с точки зрения марксистской социологии и должна быть использована надлежащим образом.

Однако, как вы видели выше, тут существует и радикальное различие. В то время, как животное царство ограничивается рефлексами, инстинктами и соответственной трансформацией живого организма, человек строит колоссальный мир вне себя и вокруг себя. Отсюда социальная психология получает новые и в высшей степени важные задачи. Во-первых, она становится психологией коллективного труда и производства. Другими словами, она выясняет тот нервно-мозговой аппарат работы, который осуществляется в области применения полезного и целесообразного труда. И так как в человеческом обществе мы имеем дело с широким разделением труда, то, во-вторых, одной из главнейших задач здесь становится исследование психологии профессий, которая нам дает самые различные типы и прирожденных способностей,

и воспитательной выучки, и самого настоящего извращения. Но в классовом обществе старые профессиональные различения поглощены и покрыты классовым разделением. Отсюда, в-третьих, не только вопрос о психологии каст, как профессионально наследственных групп, но и классов в их различной форме — в виде ли сословий, или так называемых свободных общественных классов капиталистического общества. Без особенного риска и в этой области можно установить то соотношение, которое наблюдали мы выше на различии животных и человеческих обществ: чем ниже техника производства, тем больше сам человек превращает самого себя в специальное орудие производства. Наоборот, чем техника выше, тем в большей степени приобретается пластичность его организма и получает перевес высшая нервно-мозговая деятельность. Нельзя здесь же не заметить, что лишь тогда человек достигнет, наконец, наибольшей пластичности и силы, когда разделение труда, а в особенности разделение физического и духовного труда будет сведено на-нет.

Социальная психология, поставленная в духе исторического материализма, как очевидно, обладает громадными преимуществами перед ее идеалистической конструкцией. Она имеет перед собой твердую материальную базу, а поэтому совершенно свободна от безнадежной судьбы вечного искания среди инстинктов, чувств, идей, стремлений и подобных калейдоскопически меняющихся данных «внутреннего мира». Для марксиста общество обладает не только материальной базой в виде экономической структуры, но этой базе, с другой стороны, отвечает вспомогательная надстройка материальной же культуры, организующей энергию познания, связи и организации общества. Ибо идеи и идеологии выражены в речи, звуках и словах, в письменности и книге, в целом мире художественных образов и построений, в кодексах, нормах и идеалах, вырезанных из камня и железа, воплощенных в грандиозном театральном действии, играющих свою социальную роль воинов и ученых, правителей и граждан, работников и хозяев. Этим решается вопрос о реальности надстройки и оправдывается ее обозначение в теории Маркса при помощи чуть ли не строительно-технических терминов (надстройка). С этой стороны понятно приравнивание производства идей к производству материальных предметов. Ибо культура обладает своим громадным материальным скелетом, который надстраивается непосредственно над производством материальных благ.

Наличность материального процесса производства и не менее материальной структуры, — культурных надстроек — нисколько, однако, не упраздняет науки социальной психологии. Напротив, благодаря этим двум полюсам общественной жизни она только становится возможной. И если сложная машина мертва в руках готтентота, то точно так же культурная надстройка глуха и нема

там, где нет никакой связи между ее сигналами и соответственными рефлексами человека: дикарю нечего делать в лаборатории какого-нибудь Пастера или в современной библиотеке. И если мы должны изучать психологию труда и психологию класса, то в такой же мере мы обязаны изучить те формы связи между поведением человека и его культурной надстройкой, которая приводит в движение массовой аппарат. С этой точки зрения различные виды культурной надстройки получают характер специальных, выработанных человечеством в его производственной работе социальных раздражителей, которые, подобно сигналам (символике) условного рефлекса, вызывают его нервный разряд. Идея или идеология, выраженная в особом знаке или сигнале, лишь до тех пор имеет значение живой и реальной надстройки, пока она в качестве раздражителя дает соответственную реакцию в человеческом и, в данном случае, массовом поведении. Социальная психология, поэтому, должна стать в области культуры наукой о социальных раздражителях разного вида и типа. Такой социальный раздражитель действует лишь до тех пор, пока он оправдан условиями производства. На некоторое время он может оторваться от своей почвы и даже вступить в некоторое противоречие с нею, но он неизбежно тормозится и угасает, как только он на продолжительное время оказывается без связи со своей производственной почвой. Для самого же учения и классификации социальных раздражителей мы имеем не менее твердую базу — а именно, массовое поведение людей.

При таком подходе мы можем до известной степени продолжить социально-психологическое исследование, как оно было начато Марксом и Энгельсом. Мы можем, следовательно, продолжить, расширить и углубить их учение о связи между базисом и надстройкой, причем массовое поведение людей дает нам возможность подойти к процессу постоянной смены одних социальных раздражителей другими в связи с изменением материальных условий производства и воспроизводства жизни. Мы можем продолжить их дело в сфере изучения групповой и специально-классовой идеологии в связи с теми различными типами надстройки, которая вырабатывается на основе господства одних классов над другими и эксплоатации трудящихся меньшинством хозяев и собственников. Не надо забывать, что Маркс и Энгельс дали во многих отношениях замечательные характеристики групповой психологии, а в частности психологии классов, и здесь таким образом у нас имеется не только метод, но и настоящие образцы работы. Но в некоторых отношениях мы можем выполнить и то дело, которое они завещали своим продолжателям, но не успели сделать сами. Мы можем установить отдельные частные законы, характеризующие собой такие центры общественных раздражителей, как право и государство, искусство и наука,

семья и религия. Благодаря открытиям современной науки, а в частности некоторым плодотворным положением фрейдизма, мы можем внести новый свет в различение способов представления, а вернее различных систем раздражителей и соответствующих им реакций. На-ряду с психологией труда должна быть достойная марксизма социальная психология культуры, вплоть до ее высших проявлений.

Лишнее говорить, что теоретические успехи социальной психологии должны сопровождаться и прикладною частью в виде различных видов психотехники. Средние века в свое время создали религиозную психотехнику. Капиталистическое общество заложило начало психотехнике труда и производства. Наша задача не только раскрыть психотехнические основы старых культурных надстроек в виде права, государства, искусства и морали, но и построить социальную психотехнику, которая заменила бы собой идеологические извращения в мире надстройки и дала бы подлинную технику коммунистической ассоциации трудящихся на основе общего принципа: «каждому по потребностям, каждый по способности».

ПСИХОАНАЛИЗ КАК СИСТЕМА МОНИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ [1]).

А. Р. Лурия.

I.

Каждое крупное научное достижение, к какой бы области оно ни принадлежало, всегда вводит некоторые новые методологические принципы, равно обязательные для всех смежных наук.

После «Курса позитивной философии» О г. К о н т а, некритическое пользование принципами метафизики в научном исследовании стало невозможным; труды Д а р в и н а сделали обязательным для всех биологических наук динамический принцип, который они поставили на место господствовавшего до них статического взгляда на самостоятельное, неподвижное существование отдельных видов.

Даже и крупные достижения в отдельных более узких проблемах не остаются без влияния на установление той группы обязательных для всех смежных наук принципов, которую можно назвать о с н о в н о й м е т о д о л о г и е й э п о х и. Работы И. П. П а в л о в а в области условных рефлексов, новые труды в области изучения внутренней секреции, исходившие из анализа скорости света теории Э й н ш т е й н а, — все это создает некоторый общий методологический фундамент эпохи. Марксизм, явившийся не только революционной доктриной, но и крупнейшим научным достижением, был особенно ценен именно своей методологией, которая вошла в науку под именем диалектического материализма, и теперь может считаться безусловно-обязательной для целого ряда смежных областей знания. Именно поэтому мы думаем, что методологию диалектического материализма можно требовать не только от общественно-экономических наук, но и от наук биосоциальных (а именно такой является психология) и даже наук

---

[1]) Предлагаемая статья является первой главой из подготовленной к печати работы автора — «Принципы психоанализа и современный материализм».

Прим. ред. Вопрос об отношении некоторых сторон теории Freud'a к марксизму является до сих пор вопросом спорным. Настоящая статья и печатаемая ниже статья Б. Д. Фридмана останавливаются на точках соприкосновения обеих систем.

биологических. Методология диалектического материализма вся основана на двух важнейших предпосылках, сливающихся в одну мощную струю — стремление объективно, не смешивая фантастическое с реальным, изучать действительную связь явлений с одной стороны, — и изучать их не абстрактно, но так, как они существуют в действительной жизни, изучать их так, чтоб их знание помогло оказывать на них в дальнейшем активное воздействие.

Эта последняя практическая тенденция крайне оздоровляюще отразилась на всей марксистской философии и помогла ей выдвинуть две предпосылки, которые и составляют теперь обязательную основу для всех позитивных наук.

Первая из них, это—принцип материалистического монизма, как основа всякого подхода к явлениям природы и общества.

Марксизм считает безусловно ложным всякое культивируемое идеалистической философией различение двух принципиально-особых классов явлений, имеющих разное происхождение, как, например, «духа» и «материи», «тела» и «души» и т. д. Единственной возможной точкой зрения является для него целостный взгляд на мир, как на систему материальных процессов, лишь одной из деталей которой является психическая жизнь человека, которую марксизм рассматривает, как продукт деятельности мозга и в конечном счете — продукт воздействий на мозг и на человека социальной среды и лежащих в основе ее классово-производственных условий. Всякое выделение «мышления» или «психики» как самостоятельного класса явлений марксизм рассматривает как ненаучный, явно идеалистический подход к явлениям. Сам Маркс, и особенно Энгельс[1]), а после них ряд их последователей[2]) ярко оттенили необходимость такого монистического подхода при изучении любого вопроса. Эта монистическая точка зрения особенно ясно выявляется в отношении Маркса и Энгельса к психике, которую они рассматривают как свойство организованной материи[3]), имеющее свои корни в деятельности человеческого

[1]) Ср. Энгельс. Анти-Дюринг. Пер. Н. Н. Брука, стр. 40: «Если спросить, что собственно представляет собой мысль и сознание и откуда они берутся, то мы найдем, что это — продукт человеческого мозга, а человек сам — продукт природы, развившийся вместе с окружающим его миром и в нем; отсюда становится само собой понятным, что продукты человеческого мозга, которые тоже являются произведениями природы, не противоречат всему мировому целому, но соответствуют ему»...

[2]) Ср. Плеханов (Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М. 1922 г. Ильин (Ленин). Материализм и эмпириокритицизм. М. 1909 г. Бухарин. Теория исторического материализма. ГИЗ., 1922.

[3]) Ср. Бухарин. Теория исторического материализма. ГИЗ., 1922, стр. 51.

К. Н. Корнилов. Современная психология и марксизм, Ленинград, 1924.

организма и влияния на него социально-производственных условий [1]). Этим вопрос о психике сразу же перемещается из плоскости философских рассуждений о «реальности сознания» и т. п. (нет ничего более чуждого марксизму, чем такие философствования явно-метафизического, абсолютного характера [2])—в плоскость монистического объяснения явлений психики, сведения ее к ряду более примитивных основных материальных процессов.

В конечном счете мы можем свести это первое положение марксистской методологии к требованию рассматривать явления мира объективно и не отсылать к «человеку», как к последней причине явлений (познания, социальных явлений и т. д.), как это делали мыслители XVIII и начала XIX века [3]), но объяснить самого человека из явлений внешней среды, внешних материальных условий существования [4]).

Вторая основная предпосылка материалистической методологии заключается в диалектическом подходе к явлениям. Марксизм в этом отношении резко отличается от метафизического материализма тем, что смотрит на материальные условия как на нечто постоянно изменяющееся, находящееся в движении, причем это движение иногда испытывает некоторые скачки, разрывы, чаще всего развивается не непрерывно в одном направлении, но переходя из одной крайности в другую, противоположную ей [5]).

Марксизм вводит здесь динамическое понимание явлений как необходимый принцип и резко отмежевывается от статического, метафизического взгляда на вещи. Этот последний склонен был смотреть на явления как на разорванные, изолированные, постоянные сущности, но не как на процессы; способ суждений метафизики был абсолютен и статичен; этот тип мышления сильно поме-

---

[1]) Ср. К. Маркс. 6-й тезис о Фейербахе: «Сущность человека, это — вовсе не абстракт, свойственный отдельному лицу. В своей действительности это есть совокупность всех общественных отношений».

[2]) Ср. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 11: «Если мы станем выводить мировую схематику не из головы, а лишь посредством головы из действительного мира..., то нам понадобится для этого не философия, а позитивные сведения о мире и о всем, происходящем в нем; и получится при этом также не философия, а положительная наука»... Как чужды этому рассуждения о реальности психического, сущности сознания и т. п.!

Ср. также К. Маркс. 2-й тезис о Фейербахе: «Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос».

[3]) Ср. Плеханов (Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 27 и слл., 114. О наивной вере в идеи как главные действующие силы — см. Marx—Engels. Die heilige Familie, 1845, S. 126/128.

[4]) Ср. Бельтов цит. соч., стр. 127, 178; см. также: К. Маркс. Предисловие ко второму изд. I тома «Капитала». ГИЗ. 1920.

[5]) Энгельс. Анти-Дюринг и др.

шал развитию позитивного, научного познания явлений, создавая систему философских абстракций, вместо системы научных, положительных понятий [1]).

Изучая цельные, конкретные жизненные процессы, наука должна, таким образом, учитывать все условия, воздействующие на изучаемое явление, и, отказываясь от абсолютных и «вечных» истин, должна усвоить объективно-материалистический и диалектический принцип, как свое исходное положение.

Эти основные положения развертываются в марксизме в ряд отдельных более частных методологических требований.

Поскольку материальная среда, влияющая на человека, определяется в большинстве случаев условиями производства и производственных отношений, — всякая наука, изучающая человека, должна учитывать именно эти внешние, обусловливающие психическую деятельность, материальные моменты, т.-е. опираясь на биологию, опираться также и на социологию. Таким образом, всякая наука о человеке должна быть не метафизической наукой о человеке вообще, но положительной наукой о социальном, вернее — классовом человеке. Лишь эта точка зрения обеспечивает правильность и действительную объективность достигаемых наукой результатов.

С другой стороны — и это уже будет гносеологическим принципом марксизма—если сам психический аппарат, создающий ту или иную систему, находится в условии социальных и классовых влияний,—во всяком мышлении необходимо должно быть привнесение некоторой доли субъективности, сознательное или бессознательное классовое или социально-экономическое окрашивание создаваемой системы. Так возникает марксистское учение о необходимости не принимать сложные социально-психические явления как данное, «не верить им на-слово», но объяснять их из иных, более примитивных основ, вскрывать за ними их социально-классовую сущность.

Этот принцип — мы назовем его принципом а н а л и т и ч е с к и м [2]) — приобрел свое особое значение в анализе сложных

---

[1]) Э н г е л ь с. Рецензия на книгу М а р к с а — Критика политической экономии: «Когда Фейербах произвел расчет с умозрительной идеей, гегелианство постепенно отмерло, и стало казаться, что в науке снова установилось царство метафизики с ее неподвижными категориями...». Сборник «Исторический материализм», М. 1924, стр. 124/125, под редакц. Адоратского и Удальцова. Срв. критику метода мышления Прудона в письме М а р к с а к Анненкову от 25 декабря 1846 г. (цит. сборник, стр. 32).

[2]) Нам здесь же хотелось бы отметить то внутреннее родство, которое есть в аналитическом, вскрывающем за видимостью вещей их реальные корни, методе марксизма и психоанализа — системы более специальной по области своего приложения, но столь же значительной по принципиальному подходу.

«идеологических надстроек» и является мощным орудием в борьбе за действительно-объективное, без примеси «личного извращения», познание вещей «так, как они есть на самом деле».

В этих отношениях марксистская система резко и принципиально отличается от иных, метафизических и наивно-эмпирических философских систем и, в противоположность наивно-эмпирическому методу идеалистической философии, может быть вполне квалифицирована, как система научной, аналитической методологии.

Таким основным предпосылкам марксистской методологии должна отвечать, по нашему мнению, всякая современная наука, в том числе, конечно, и психология, и если последняя не всегда им отвечала, то лишь потому, что органически стояла ближе к принципам идеалистической философии, чем к основам научного материалистического мировоззрения.

Именно эти ее недочеты, по нашему мнению, и стремится сгладить психоанализ.

II.

Психоанализ в известном смысле является реакцией на старую «эмпирическую» психологию [1]), точно так же, как она сама в свое время родилась как реакция на психологию «рациональную».

Психоанализ, с другой стороны, можно рассматривать, как протест против недочетов и грехов узко-экспериментальной психологии и попытку избежать ее ошибок.

С обеих этих точек зрения психоанализ резко отмежевывается от тех сторон господствующей психологии, против которых особенно должна возражать методология, выдвинутая диалектическим материализмом.

Оперируя по преимуществу методом самонаблюдения, лишь осложненным контролем эксперимента [2]), классическая «общая психология» должна была необходимо замкнуться в области изучения «явлений сознания», еще точнее—«явлений собственного сознания», и тем самым стать наукой скорее субъективного, наивно-эмпирического, чем просто «эмпирического» характера.

---

[1]) Терминологическое замечание: термины «эмпирическая психология», «общая психология», «старая психология» мы (несмотря на некоторую неточность) будем употреблять для обозначения характерного и классического для целой эпохи направления психологической мысли, строящегося согласно принципам, изложенным у большинства психологов-экспериментали́стов последней четверти XIX века.

[2]) Ср. А. Пфендер. Введение в психологию, СПБ., 1909 г., стр. 109/110 и др. Külpe. Grundriss d. Psychologie, S. 9 и сл. Ср. также большинство руководств по экспериментальной психологии, особенно примыкающих к Вюрцбургской школе. Из обзоров, см. Lindowsky. Neue Arbeiten über die Methode der Selbstbeobachtung,— Archiv f. d. gesamte Psychologie, 1913, Bd. 29, S. 49 слл. С. В. Кравков. Самонаблюдение. М. 1922 г.

*

Заботой такой психологии было точнее изучить те формы протекания сознательных процессов, которые исследователь мог обнаружить на себе самом, внимательно наблюдая за протекающими в нем явлениями «переживаний», «мышления» и т. п. Для более удобного наблюдения таких процессов создавались искусственные условия «эксперимента»; настоящий характер этих «экспериментов» был блестяще обнаружен Вюрцбургской школой, показавшей, что в работе методом самонаблюдения эти условия играют лишь служебную роль [1]).

Именно благодаря такому «наивно-эмпирическому» подходу к психической жизни, эмпирической психологии пришлось отказаться от научного материалистического обоснования психических явлений (эта часть ограничивалась в эмпирической психологии обыкновенно «вводными» замечаниями о «теле» и «душе», явно грубо-идеалистического характера); ей пришлось ограничить область своего исследования явно-недоброкачественной с научной точки зрения сферой явлений субъективных, т.-е. — главным образом «показаний» — суждений испытуемых о наблюдаемых ими у себя процессах, веря им при этом на слово, не внося «поправок на субъективность» [2]) и лишь иногда коррепируя опыт почти наивной постановкой физиологических исследований (например, — исследование дыхания и пульса при сознательно-вызываемых «эмоциях»); богатейшая область бессознательных психических процессов, лежащая ниже данных «наивной эмпирике» фактов — оставалась вне сферы исследования классической психологии.

Именно из-за этих недочетов своих основных методов психология оставалась наукой по преимуществу описательной [3]), занятой описанием и систематикой явлений сознания и почти не рискующей спуститься к их о б ъ я с н е н и ю, к анализу условий их возникновения.

Эти условия, скрытые обыкновенно отчасти в низших, бессознательных слоях психической жизни, отчасти в условиях внешней среды, поневоле должны были игнорироваться общей психологией.

Всем этим создавался вполне определенный и д е а л и с т и ч е с к и й и «н а и в н о-э м п и р и ч е с к и й» [4]) характер старой психологии.

[1]) Ср. работы N. Ach'a, A. Messer'a, K. Bühler'a и др. Их критику дал в свое время W. Wundt. (Psychol. Studien, Bd. III, Archiv f. d. ges. Psychologie); прекрасной критике подверг ее К. Н. К о р н и л о в в «Учении о реакциях человека», М. 1922.

[2]) Примером могут служить любые исследования чистой экспериментальной психологии, у нас в России — исследование школы Г. И. Ч е л п а н о в а.

[3]) Ср. Diethey. Описательная психология. Русск. перевод. М. 1924 г.

[4]) Блестящую характеристику этого недостатка психологических методов дал еще Л. Ф е й е р б а х, который в статье «Против дуализма тела

Наивно-эмпирическим материалом, получаемым в условиях искусственной экспериментальной обстановки, обусловлен и второй принципиальный недостаток классической «экспериментальной» психологии.

Не имея возможности итти по пути научного «объяснения» психических явлений, экспериментальная психология пошла по пути разложения своего материала на мелкие изолированные частицы — «атомы» и сепаратного изучения этих гипотетических «элементов» психики [1]).

Тенденция сложить психику из таких изолированных, статических элементов—тенденция далеко не новая [2]), особенно характерная для того особого типа мышления, который еще Энгельс [3]) характеризовал как тип метафизический, тип по существу противоположный жизненному диалектическому пониманию явлений.

Именно в такую метафизическую ошибку впадает психология, резко разграничивая «ум», «чувство» и «волю» или различая как простейшие элементы психической жизни «ощущения» и «чувства» [4]), или, наконец, занимаясь изучением элементарных, изолированных процессов ощущения, восприятия, памяти, внимания, представления и т. д., и т. д.

Все эти элементы, рассматриваемые, как отдельные статические явления, конечно, не являются реально-существующими, жизненными процессами; если их изолированное изучение и было в свое время полезно психологии, то теперь оно безусловно становится тормазом в ее развитии, и мы с правом можем назвать этот «предмет психологии», являющийся по собственному признанию

и души...». (Сочинения, ГИЗ., 1923, стр. 148) писал: «В психологии нам влетают в рот жареные голуби; в наше сознание и чувство попадают только заключения, а не посылки, только результаты, а не процессы организма...»

[1]) Ср., напр., критику мозаической психологии у W. Mc. Dougall'a—An Outline of Psychology, 1923, p. 16—17, а также в трудах целого ряда психологов новых направлений (подробные указания см. в моей книжке—«Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии». Казань, 1923, стр. 10 и сл.).

[2]) Ср. Bonnet. Essais analytiques sur les facultés de l'âme, 1769, по которому задачи психологии — «анализировать каждый факт, разложив его на простейшие элементы...». Цит. по Болтунову — Понятие эмпиризма в немецкой психологии XVIII века. Вопр. филос. и психол., 1912, кн. 111, стр. 50. Теми же тенденциями насквозь проникнут английский ассоциационизм. Эти тенденции отразились даже на новейших системах экспериментальной психологии — ср. определение предмета психологии у Титченера, «Учебник психологии», М., 1917, стр. 37.

[3]) Энгельс. «Анти-Дюринг».

[4]) Ср., напр., Эббинггаус — «Основы психологии», русск. пер., СПБ., 1912, стр. 161 и мн. др.

психологов продуктом абстракции [1]), метафизическими фикциями, а систему, изучающую их — в принципе системой метафизической [2]).

Конечно, так построенная система психологии даже и не могла приступить к изучению цельного нервно-психического процесса, того, что складывается в реальную человеческую личность, что характеризует ее поведение, мотивы, реакции и т. д. Старая психология, построенная на таких принципах, уже давно отказывалась перейти к изучению цельного человека [3]), а тем более человека, сложившегося в определенных условиях социально-экономической, и больше — классовой обстановки. Даже последние работы общей психологии, часто воскрешающие традиции «психологии способностей» [4]), не привели к созданию системы, помогающей разобраться в сложной структуре человеческой личности, а тем более — воздействовать на нее.

Нам ясно, после указанного, что основные принципы, на которых строилась классическая психология, конечно, не идут об руку с теми методологическими требованиями, которые выставляет научная, позитивная мысль эпохи, и уже, конечно, не соответствуют предпосылкам, выставляемым методологией диалектического материализма.

Больше того, почти вся современная психология по своим принципам может быть охарактеризована как система метафизического идеализма, построенного на почве наивно-эмпирического исследования.

Конечно, ни о каком социально-биологическом объяснении явлений психики, а тем более о возможностях организованного воздействия на нее при таком положении вещей не может быть и речи, и возникает вопрос о коренной переделке издания психологии с точки зрения научной методологии диалектического материализма.

---

[1]) Ср., напр., Вундт — «Очерки психологии», стр. 25. Джемс — «Психология», СПБ., 1905, стр. 7. Между прочим — см. яркую статью O. Bumke — Psychologie und Psychiatrie, Klinische Wochenschrift, 1922, s. 202/203.

[2]) Подробно я останавливаюсь на этом в своей работе «О принципах реальной психологии» (рукопись, § 3).

[3]) Ср. уже цит. сочин. Bonnet об отказе изучать «готового человека» и I. Speck — Bonnets Einwirkung auf die deutsche Philosophie — Archiv f. d. Geschichte d. Philosophie, Bd. X, S. 504—519. О дальнейшем ср. Leighton — The psychological Self and actual Psychology, Psychological Review, vol. 14, p. 669—683. Подробнее в моей книжке — «Психоанализ в свете осн. тенденц. совр. психологии», Казань, 1923. К сожалению, психология передавала чаще всего исследование цельного человека литературе, искусству и даже... теософии.

[4]) Ср. Лазурский. — «Теория способностей в современной психологии». «Вопросы философии и психологии». 1909, кн. 100.

Так ставится вопрос о психологии и философией марксизма, и психоанализом.

III.

В своих построениях психоанализ исходит из ряда принципиальных положений, которые часто совершенно отличны от отмеченных выше исходных точек общей экспериментальной психологии.

Вместо изучения отдельных изолированных «элементов» психической жизни, психоанализ выдвигает, как свою задачу, изучение цельной личности, ее поведения, механизмов и стимулов [1]); вместо описания отдельных переживаний» — объяснение отдельных проявлений личности путем сведения их к глубже-лежащим, более примитивным условиям ее жизни и среды; вместо скрыто-дуалистического подхода к психической жизни, часто впадающего в идеализм — открыто монистический, динамический [2]) принцип подхода к личности; вместо изучения изолированных «вещей» — изучение непрерывных процессов, в которых отражается органическая связанность жизни ребенка, рода с психикой взрослого человека; вместо выделения вне-социального «человека вообще» и изучения его вне формирующих социальных условий — сведение многих глубочайших механизмов человеческой психики на действие социально-групповых влияний; наконец, — вместо наивно-эмпирического удовлетворения описанием явлений сознания «так, как они даны нам» — принципиально — поставленная задача аналитически изучать внутренние, скрытые обусловленности явлений, «так, как они нам не даны», но как мы их можем изучить, обладая методами объективного анализа.

Исходя из таких принципов, психоанализ строит свою систему психологии, и эта система, как нам кажется, несравненно больше удовлетворяет тем методологическим требованиям, которые выставляет всякая позитивная наука, которые отчетливо формулировал диалектический материализм.

Попытаемся проследить основы психоанализа с указанных точек зрения и выяснить те принципиальные положения, в которых его методология совпадает с методологией марксизма.

Задача изучения цельной человеческой личности, которая была поставлена в последнее время прикладной психологией и психоана-

---

[1]) В другом месте мы указывали, между прочим, что один из крупнейших психоаналитических журналов «Psychoanalytic Review» носит в подзаголовке весьма удачное определение: «A Journal, devoted to understanding of human conduct». Это чрезвычайно удачная принципиальная формулировка психоанализа.

[2]) Этот взгляд, как мы постараемся показать ниже, совершенно не противоречит видимой «телеологичности» психоанализа.

лизом [1]), как реакция на атомизирующую экспериментальную психологию, — была в свое время выдвинута и сформулирована марксизмом.

Правда, марксизм в период своего возникновения не имел своей законченной чисто-психологической теории личности; его интересы лежали, главным образом, в сфере проблем общества и развития его форм, однако, проблема личности, мотивов ее поведения, интересов, толкающих личность на создание той или иной идеологической системы, — все эти вопросы были бесконечно близки основателям марксизма, — быть может именно вследствие их огромной практической ценности; достаточно бегло проглядеть основные работы по философии марксизма, чтобы видеть, с каким интересом разрабатывали эти темы Маркс и Энгельс [2]).

Что подход марксизма к проблемам психики есть действительно подход к единой и цельной, конкретной личности, а не подход к изолированным функциям психики, как это практиковала общая психология, это становится ясно для нас, как только мы ближе присмотримся к самым основам подхода марксизма к личности.

Марксизм подходит к личности как к неотъемлемому и активному элементу истории [3]); его интересуют вопросы о «движущих силах личности», о ее потребностях и влечениях [4]), о том, как реальные неразрывно связанные с личностью условия обще-

---

[1]) О постановке этой задачи в современной психологии, как о ее основной тенденции, ср. мою книжку «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии», Казань, 1923.

[2]) О том, что проблема человеческой личности и высших продуктов человеческой деятельности особенно интересовала Маркса и Энгельса, говорят нам целый ряд мест из их сочинений. Ср. К. Маркс, 18 Брюмера Луи Бонапарта; рукопись «Немецкая идеология». Ср. Энгельс, Л. Фейербах: «Искать тех причин, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, даже фантастической форме, отражаются, как сознательные побуждения, в головах массы и вожаков,— значит—вступить на единственный правильный путь к познанию законов, господствующих в истории» (русск. изд., М., 1918, стр. 50—51) и мн. др. Недалек от истины был, поэтому, Масарик, который указал, что по Марксу «Задачи научной истории состоят в исследовании движущих причин, отражающихся в головах действующих масс и их вождей, как сознательные мотивы» (Философские и теоретические основы марксизма. М., 1900, стр. 156).

[3]) Ср. Маркс — известное место в предисловии к «Критике политической экономии». Энгельс: «Надо понимать не так, что автоматически действуют сами экономические положения, но так, что люди сами делают свою историю, но делают ее в среде, определяющей их собою» (письмо в «Sozialistischer Akademiker», 1894 г.). Ср. также его письмо к Штаркенбургу от 25-го января 1894 г. и др.

[4]) Ср. Энгельс — Л. Фейербах, М., 1918, стр. 50 и Der Anteil der Arbeit in der Menschenwerdung des Affen. Neue Zeit, XIV, Bd. II, s. 551 и огромная литература, связанная с идеологиями, политическим анализом и др.

ственно-экономической жизни отражаются на ее поведении, мы бы сказали — влекут за собой соответствующие реакции организма [1]), его интересует узнать законы поведения личностей и узнать их объективно-научно, знать о личности «не то, что она думает о себе, но что она есть на самом деле» [2]).

Таким психогностическим, монистическим и целостным подходом к личности марксизм обязан, пожалуй, еще одной своей, чрезвычайно-важной тенденции: будучи чрезвычайно далек от чистого умозрительного философствования, он в своих построениях (и в этом его принципиальное отличие от всякой метафизической философии) исходит из задач практической жизни — его цель — изучить мир с тем, чтобы его перестроить [3]), и этот активистический, практический подход принципиально отражается на всей его системе.

Именно с точки зрения практического активизма — необходимо изучить человека как цельный биосоциальный организм, чтоб суметь на него воздействовать; именно с этой точки зрения нет ничего более чуждого самому существу марксизма, чем изучение не цельного исторического человека, но изолированных «явлений» его психической жизни [4]), наконец, — именно потому на первый план выдвигаются вопросы, связанные с мотивами человеческого поведения, с механизмами воздействия на человека раздражений био-социальной среды и его реакций на них.

Все эти требования, предъявляемые марксизмом к современной психологии, мы могли бы свести к требованию — поставить

---

[1]) Что в учении марксизма вся психика построена по модели рефлекса на социальные раздражения,—ясно из рассмотрения всех работ Маркса и Энгельса. Кроме указанных работ Маркса, Энгельса, Плеханова (особ. см. Маркс—Тезисы о Фейербахе) сошлись лишь на исследователя марксизма Вольтманна—«Исторический материализм». СПБ., 1901, стр. 258, 262, 266 и др.

[2]) Ср. К. Маркс.—Der 18-e Brumaire Louis Buonaparte, Hamb., 1885, s. 33.

[3]) Ср. К. Маркс.—Тезисы о Фейербахе, особ. тезис 1-й, 8-й и 11-й.

[4]) Мы позволим себе привести здесь цитату из «Немецкой идеологии» К. Маркса: «Исходным пунктом идеологов было то, что люди думали, воображали, представляли. Только через рассказанного, выдуманного человека доходили они до человека телесного (курсив наш. *Ал. Л.*). Они отыскивали землю, исходя из неба. Не правильнее ли было бы обратное? Подлинная, положительная наука начинается именно там, где прекращается умозрение — около фактов» (цит. по сб. «Исторический материализм» под ред. Адоратского и Удальцова. М., 1924, стр. 12/13); ср. уже приведенную выше цитату: «Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос...», (К. Маркс, второй тезис о Фейербахе). Особенно ярко целостный подход к человеческому организму был развит Л. Фейербахом, см. сочинения изд. изд. стр. 153, 154, 157. «Истина... антропология, потому что эта точка зрения дает мне целостность и индивидуальность».

на место рассуждения о сущности психического и его отличия от телесного — монистический подход к изучению не «психики вообще», но конкретной нервно-психической деятельности социальной личности, выражающейся в ее поведении.

Именно в таком понимании мыслим мы монистический подход к изучению психических явлений; исходя из предпосылки, что психические явления в конечном итоге сводятся к усложненным явлениям материального ряда, диалектический материализм не может требовать сейчас же материалистической формулы психического процесса; подходя диалектически, он может выставлять лишь одно требование: одновременной работы над механикой мозга, условиям влияния среды и объективно-выражающимся поведением. Только связав определенные движущие силы организма и его поведение с процессами, происходящими в нервной системе и иных органах тела, установив роль этих органов в нервно-психической деятельности, психология сделает не философско-метафизический шаг по пути к построению монистического учения о личности, но вступит на надежный, научный путь завоевания этой области.

Быть может — здесь должен быть сделан в некоторых отношениях возврат к построениям Л. Фейербаха, а до него — французских материалистов XVIII века, исходивших из изучения цельного, «чувственного» (т.-е. объективно, чувственно-познаваемого) человека и оставлявших совершенно в стороне всякое понятие души, отдельной от происходящих в личности объективных процессов.

Философия и психология Л. Фейербаха и материалистов — «антропологов», конечно, несравненно ближе марксизму, чем построения психологов субъективно эмпирической и «экспериментальной» школы [1]).

В противоположность школьной, «атомизирующей» психологии, психоанализ сразу, с первого же шага, начал с проблемы личности; он поставил себе задачей изучить личность в целом и те механизмы, которые формируют ее поведение [2]). Быть может,

[1]) Надо отметить, что Л. Фейербах поразительно предвосхитил много построений новой психологии. Его рассуждения о монистическом подходе к личности, о чувствах, о связи мозговой деятельности с деятельностью органов тела, — все это классический образчик здравого и глубокого подхода к проблеме личности. Ср. особенно его статью: «Против дуализма тела и души, плоти и духа». Сочинения т. I, ГИЗ., 1923, стр. 146 и сл.

[2]) Особенно хорошо формулирован этот принцип в трудах американских психоаналитиков. Ср., напр., W. White. Foundations of Psychiatry, 1921, Ch. I.

этим принципам он обязан тому, что его отправным пунктом была больная личность, выбитая из социального строя, а его первой задачей — активное лечение этой личности. Может быть, именно благодаря своим практическим, активистическим корням, психоанализ построил ту систему познавательной, объясняющей психологии, какую мы сейчас видим в учении S. Freud'a.

Этот факт мы должны констатировать как основное принципиальное положение психоанализа: психоанализ является прежде всего органической психологией личности, и его основными задачами являются: проследить детерминированность отдельных сторон у конкретной, живущей в определенных социально-культурных условиях, личности и объяснить более сложные ее образования из первичных, глубже лежащих и более примитивных, бессознательных мотивов [1]). Эта личность, из которой исходит психоанализ, рассматривается им, что особенно важно, не как понятие чисто-психологическое, близкое к понятию «души» и «Личности» в старой психологии; несмотря на бросающуюся с первого взгляда в глаза узко-психологическую терминологию психоанализа, он подходит к личности, как мы увидим ниже, как к цельному организму, где анатомическое строение, функции отдельных органов, влечения и высшая психическая деятельность неразрывно связаны между собой. Вот почему в психоаналитическом подходе к личности мы часто будем встречать так чуждо звучащие для старой психологии рассуждения о той или иной функции органов, зон организма и т. д., как о моментах, непосредственно объясняющих конкретные нервно-психические процессы.

Именно этот конкретно-органический подход к психологии особенно характерен для психоанализа.

На теоретическое освещение «сущности психического», «реальности психики» психоанализ уделяет очень мало внимания; достаточно сказать, что мы почти не имеем в психоаналитической литературе определений психического, столь характерных для всякой философской психологии; вопрос о «реальности психического», как по существу своему вопрос метафизически-философский, в психоанализе почти совсем отпадает [2]), заменяясь конкретным изучением отдельных механизмов и процессов, происходящих в личности.

---

[1]) Понимание психоанализа как психологии цельной личности, срв. также у O. Pfister'a — Zum Kampf um die Psychoanalyse, 1920, S. 27/28 (Psychoanalyse, als eine System der organischen Psychologie). L. Binswanger — Psychoanalyse und klinische Psychiatrie, Int. Zeitschr. f. Psychoanalyse, 1921, S. 147, f.f.

[2]) Ср. S. Freud. — Das Ich und das Es. S. 12 (о психичности бессознательного). Вообще, следует заметить, что психоанализу близок биологический, социологический, но отнюдь не логическо-философский подход к психическому.

То, что психоанализ еще не дает ответов на вопросы о сущности психического — лишний раз подчеркивает его диалектическую, мы бы сказали, прагматическую точку зрения.

Путь, избранный им в этом отношении,—не начинать с готовой монической формулы и материалистического объяснения сущности психических явлений, но итти по пути сначала описания, а затем истолкования процессов поведения и реакций личности, связывая эти реакции с процессами, происходящими во всем организме и его органах, — этот путь несомненно является научно-правильным и единственно надежным.

Правда, это создает нам целый ряд затруднений при попытке вывести из психоанализа точную философскую систему; психоанализ такой системой не является; однако, нам хотелось бы показать, что, исследуя поведение личности, ее бессознательные мотивы и их связь с органическими состояниями, он идет по пути к созданию монистического учения о поведении личности.

Здесь, не нарушая нашего изложения, нам хотелось бы коснуться хотя бы основных признаков психического в учении психоанализа, чтобы этим иллюстрировать его принципиально-монистический подход.

Первый (чисто-отрицательный) признак нами уже отмечен. Психоанализ лишает психические характеристики сознательного, полагая, что сознание присуще лишь узкому классу психических явлений [1]).

Говоря о бессознательной психической деятельности он, таким образом, устраняет тот субъективный признак, который лежал в основе выделения психического как особого, отличного от физического рода явлений. Бессознательная психическая деятельность становится всецело объектом, симптомы которого легче наблюдать объективно, со стороны, чем воспринимать на себе самом путем самонаблюдения, и, таким образом, она становится в один ряд с прочими процессами организма, отличаясь от последних не принципиально, но лишь функционально, динамически (скорее, сказали бы мы, по своей связи с социальными раздражителями, поддерживаемой сложной системой рецепторов и эффекторов, и своей формации благодаря влияниям среды — чем по принципиальному своему характеру). Это уже значительный шаг по пути к построению системы монистической психологии.

Рассматривая, далее, психическую деятельность как энергетический процесс принципиально не отличный от соматических процессов, психоанализ раз-

[1]) Ср. S. Freud. — Бессознательное. Психологич. и психоаналитич. библиот., ГИЗ., 1923, т. III, стр. 125 и сл. Das Ich und das Es. P. 1923, S. 9, f.f. Лекции по введению в психоанализ, т. II, лекц. 18 и др.

вертывает нам свое чисто монистическое понимание этой энергии, указывая, что она может чрезвычайно легко принимать как «психические», так и явно-соматические формы.

Система психоанализа в большей своей части основана на том положении, что «психическая энергия» вполне подчиняется основному закону всякой энергии: она не может исчезнуть, но может превратиться в другой вид, принять другую форму, обратиться на иной объект.

Так, например, сильная «психическая» травма, полученная человеком и хотя бы забытая им, или сильное влечение, завладевшее личностью, не могут совершенно бесследно исчезнуть; при условиях, препятствующих свободному протеканию таких процессов, они заменяются иными, так же легко психическими, как и соматическими. Так, энергия, связанная с психической травмой, может превратиться в соматическую и выразится (что бывает особенно показательно в случае невротических заболеваний, особенно истерического типа) в появлении ряда соматических симптомов: функциональные заболевания сердца, желудка и др., основанные на нарушении иннервации, различные «истерические стигмы» вплоть до симптомов ожога, ран и т. п., и даже изменения строения отдельных органов [1]).

Такие симптомы, характеризующие переход энергии из психических форм в формы чисто соматические — далеко не редкость в психоаналитической практике, и некоторые психоаналитические авторы, как, например, G. Groddeck и друг. [2]), дали многочисленные описания подобных явлений.

Эти процессы, называемые в психоанализе к о н в е р з и я м и, принципиально ничуть не отличаются от других, в которых отдельные влечения, вытесняясь, как бы исчезают из сферы психического, но их энергия превращается в иную форму психических проявлений — например, в страх [3]): «Превращение» одного вида психической энергии в другой или «превращение» его в соматический процесс, — это — явления принципиально одного порядка, что объясняется единым о р г а н и ч е с к и м х а р а к т е р о м э т и х о б о и х в и д о в э н е р г и и.

[1]) Ср. F. Deutsch. — Psychoanalyse und Organkrankheiten, Intern. Zeitschrift f. Psychoanalyse, 1922, S. 290 f.f.

[2]) Ср. G. Groddeck. — Ueber Psychoanalyse des Organischen in Menschen. Internat. Zeitchr. f. Psychoanalyse. 1921, S. 252. S. Ferenczi — Hysterische Materialisationsphänomene (Hystherie und Pathoneurosen, 1919). F. Deutsch — Experimentelle Studien zur Psychoanalyse, Internat. Zeitschr. f. Psychoanalyse. 1923, S. 484 f.f. Этому же посвящено много работ S. Freud'a (см. его Kleine Schriften zur Neurosenlehre). Из не психоаналитических авторов, подходивших к той же проблеме с иной точки зрения, укажем на Charcot, Janet, Dejerine'a, P. Dubois, ранее их Carpenter'a и мн. др.

[3]) Ср. S. Freud. — Вытеснение. Цит. библ., т. III, стр. 96 и сл. — Бессознательное — там же, стр. 136 и др.

Без сомнения — здесь сделан крупнейший шаг по пути к монистической психологии, и указанное (не являясь, правда, определением психического) дает нам гораздо больше для понимания психических явлений и их связи с явлениями соматического порядка, чем дуалистические рассуждения старой психологии об отношении «души» и «тела».

Наконец, на последнем — уже положительной характеристике психики — ее способности реагировать на сложные внутренние и внешние (социальные) раздражители и создавать сложные реактивные образования — мы остановимся еще ниже.

Естественно, что, приступая к изучению сложной системы, какой является личность в целом, психоанализ должен прежде всего выделить из всей организации личности некоторые исходные определяющие моменты, и с них начать свое исследование.

Мы не будем далеки от психоаналитического подхода к личности, если скажем, что психоанализ понимает ее как организацию, реагирующую на целый ряд внешних и внутренних раздражителей, и в своем изучении выделяет прежде всего эти две группы процессов, как основные, характеризующие всю психическую структуру, дающие ключ к пониманию всей личности [1]).

Действительно, такие именно реакции отражают всю реагирующую личность, характеризуют все ее главнейшие особенности, дают основное представление и о ее структуре.

О такого типа реакциях говорили Sherrington [2]) и Loeb [3]), указывая на «total reflexes» и «тропизмы»; такие же характеризующие весь организм целостные реакции имели в виду и bohaviorist'ы и такие авторы, как К. Н. Корнилов [4]) и др.

Таким образом, проблема личности сводится в общем и целом к проблеме раздражений, доходящих до организма, и, особенно, реакций, которыми организм отвечает на эти раздражения.

Психоанализ склонен, как уже было указано, различать два вида таких раздражений: раздражения внешние, идущие от

[1]) К этому, по нашему мнению, основному исходному положению психоанализа, нам еще придется вернуться не раз, указав на его обоснование. Сейчас же отошлем читателя к тем работам, где психика рассматривается как аппарат, реагирующий на раздражения и влечения: ср. L. Freud.— Jenseits des Lustprinzips. 1921, особ. стр. 21 и сл. и W. White, цит. соч., особ. стр. 2, 4, 5 и сл.

[2]) Ср. Sherrington. — The Integrative Function of the nervous System.

[3]) Ср. Loeb. — The Organism as a Whole from a physiological View point. London, 1916.

[4]) К. Н. Корнилов. «Учение о реакциях человека». М. 1922.

биологической и социальной среды, и раздражения внутренние, идущие от физиологических процессов, происходящих в организме и отдельных его частях [1]).

Раздражения такого типа, по преимуществу социальные, в существенном формируют всю психику; на них мы остановимся позже; постоянные же раздражения второй группы, в их отражениях на психическом аппарате, психоанализом квалифицируются как влечения [2]).

Следует тут же отметить, что принципиальной разницы в характере тех и других психоанализ не видит [3]); однако, его внимание останавливают прежде всего мало изученные и принципиально-важные влияния внутренних раздражений — влечений.

Уже в этом, по существу самом главном пункте психоаналитической системы [4]); психоанализ резко отмежевывается от классической школьной психологии.

Явление влечения рассматривается им в том же строго-монистическом аспекте, как и личность в целом; это явление не может быть названо в строгом смысле психологическим; оно включает в себя и явления чисто соматического, нервного раздражения, и внутренней секреции с ее химизмом, и часто не носит на себе чисто «психологического» отпечатка; скорее мы можем считать влечение понятием «пограничным между психическим и соматическим» (S. Freud) [5]). Дуализм старой психологии здесь оставляется совершенно в стороне; сознаваемость или несознаваемость влечения личностью оказывается совершенно побочным, второстепенным признаком, зависящим от ряда более мелких деталей развития вле-

---

[1]) S. Freud. — Jenseits des Lustprinzips. 1921, S. 21 и сл. «Теория полового влечения». Цит. изд., т. VIII, стр. 83 и др. Ср. также F. Alexander. — Metapsychologische Betrachtungen. Internat. Zeitschrift f. Psychoanalyse. 1921, S. 280/281.

[2]) S. Freud. — Влечения и их судьба. Цит. изд., т. III, стр. 104—105. L. Binswanger. — Psychoanalyse und Klinische Psychiatrie, Internationale Zeitschift f. Psychoanalyse. 1921, S. 153 и др.

[3]) S. Freud. — Jenseits des Lustprinzips. Ср. Alexander, цит. соч., S. 181: «Diese beiden Reizquellen, die innere und die äussere haben einen gemeinen Ursprung».

[4]) L. Binswanger, цит. соч., S. 153, говорит: «Der Begriff des Triebes ist der eigentliche Kernpunkt der Freud'schen Lehre, das Fundament des ganzen Gebäudes».

[5]) Ср. S. Freud. — Влечение и их судьба. Психол. и психоан. библ., т. III, М., 1922, стр. 107 и сл. Ср. также его Psychoanalytische Bemerkungen über ein autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoja, Jahrbuch f. Psychoanalyse, II, S. 65: «Wir fassen den Trieb, als den Grenzbegriff des Seelischen gegen das Somatische, sehen in ihm psychische Representente organischer Mächte». Теория полового влечения, цит. библ., т. VIII. L. Binswanger, цит. статья, S.S. 153, 155. Ср., напр., W. White. — Foundations of Psychiatry. New York. 1921, p. XVI, где вопрос о «духе» и «теле» вообще отпадает при перенесении проблемы психической жизни в плоскость изучения психики, как «конечного выра-

чения; остаются в стороне и все необходимые для старой психологии гипотезы об отношении «души» и «тела», будь то психофизический параллелизм или взаимодействие. Вопрос переносится психоанализом в совершенно иную плоскость, — плоскость монистического подхода к психике. Такой подход к проблеме несколько напоминает положение Лапласа, который, построив систему мироздания, исходя из взаимного притяжения небесных тел, ответил на вопрос своего высокого покровителя о месте бога в его системе: «Ваше величество, — без этой гипотезы я смог обойтись»...

Именно такой подход дал психоанализу возможность наново пересмотреть вопрос об отдельных психических функциях и увидеть их органическую связь с личностью, как с биологически-цельным организмом.

Несколько примеров покажут нам, как психоанализ уже с самого своего возникновения начал отходить в этом вопросе от учений классической психологии.

Уже в первых исследованиях, отдельные психоаналитические авторы заметили, что строгая изоляция отдельных «актов» и «состояний», чисто пассивных или чисто активных, является в классической психологии недостатком, ведущим к невозможности понять ряд явлений.

Так, например, было замечено, что в такой якобы простой функции как «память» фактически принимают участие еще и иные функции психики, регулирующие весь процесс запоминания, удерживания и реализации накопленного опыта.

Оказалось, что далеко не все запоминается, сохраняется и припоминается одинаково легко; объекты (мы скажем — раздражения), не связанные с интересами «личности», удерживались слабее, чем ярко окрашенные такой «заинтересованностью».

Объекты, резко противоречащие интересам личности, труднее удерживались и чрезвычайно быстро, видимо, изглаживались из памяти (как впоследствии было установлено — все же сохраняясь в бессознательной сфере); именно этим активным воздействием «интереса», «цензуры» личности и объяснялись случаи «вытеснения», «забывания» неприемлемых для личности имен, действий и другие трудно объяснимые без этого явления [1]).

Так психоанализ пришел к понятию «влечения», активно участвующего во всех психических проявлениях личности, подбирающего из мно-

---

жения интеграции индивида в органическое единство»... White правильно отмечает, что «единственная возможность правильно подойти к психологии, это — бросить метафизические спекуляции о сущности души... и ее отношения к телу... исходя из предпосылки, что то, что мы привыкли называть психическим, есть выражение организма, как целого».

[1]) Кроме классических работ S. Freud'a (ср. его «Психопатологию обыденной жизни». 2 изд., М., 1923. «Лекции по введению в психоанализ», т. I, М., 1922 и его работы по теории неврозов — Kleine Schriften zur Neurosenlehre), — ср. E. Jones. — The repression theory in its relation to memory. British Journal of Psychology, VIII, № 2 и работы T. Loveday, T. W. Mitchell, T. H. Pear, A. Wolf на тему: «The role of repression in forgetting. British Journal of Psychology, VII, № 2.

гочисленных раздражений лишь соответствующие ему и таким образом осуществляющего активное приспособление организма к среде.

Не менее ярко сказалось направляющее влияние влечений в акте внимания, где влечения производили некоторый автоматический отбор, заставляя внимание направляться в ту сторону и воспринимать сознательно, главным образом, те раздражения, которые больше всего соответствовали направлению осознанных или бессознательных влечений [1]). Направляющая роль влечений особенно ясно была видна на процессе связывания отдельных видов реакций, так называемых ассоциациях, где огромным количеством исследований было установлено определенно — «аффективное» направление хода ассоциаций и его нарушение вторжением влечений [2]); наконец, даже такие процессы, особо оберегаемые старой психологией, как мышление и основанное на нем «познание» оказались в высокой степени зависящими от направления влечений [3]).

Исходя из этих наблюдений, психоанализ и сделал тот первый шаг, который так плодотворно отразился на его последующем развитии: он резко отмежевался от изолированного изучения отдельных сепаратных «психических явлений» и, найдя общий во всех их момент действия влечений, перенес вопрос в плоскость изучения взаимодействия психических функций—в плоскость интерреляции отдельных сторон психики, положив этим начало целостной, позитивной психологии.

Понятие влечения, руководящего детерминирующего момента [4]) встало, таким образом, в основу учений психоанализа и помогло ему сделать второй шаг по пути к монистическому подходу к изучению цельной личности.

Мы не будем долго задерживаться на вопросе о влечениях; нам важно лишь указать своеобразный подход к ним психоанализа.

Самый важный для нас момент мы уже указали выше: влечения являются для психоанализа понятием не чисто-психологического порядка, но шире — понятиями «пограничными между психическим и соматическим», понятиями биологическими.

Таким образом, в системе психоанализа особенно подчеркивается зависимость психических функций от раздражений органического порядка; психика вводится в систему

---

[1]) Первый подход к этой проблеме дала нам литература о свидетельских показаниях, которая указала на роль интересов в направлении внимания и отборе воспринимаемого. (Ср. работы W. Stern'a, H. Gross'a и др.)

[2]) Литература вопроса огромна, и подробно на проблеме так называемых комплексных ассоциаций (resp. реакций) я остановлюсь в другом месте. Сейчас отмечу лишь, что проблема была поставлена и разработана школой Jung'a, ср. его Diagnostische Assoziationsstudien. 1910 — 1911, Bd. 1—2.

[3]) Ср. P. Schilder. — Wahn und Erkenntniss, 1918; Varendonk. Das vorbewusste phantastiche. Denken. Intern. Psychoanalyt. Bibliotek, 1922.

[4]) Ср. Hattingberg. — Die Triebbedingtheit des seelischen Geschehens als Grundforderung einer biologischen Psychologie, Zeitschrift f. Neurologie u. Psychiatrie, Bd. 77, S. 5. S. Freud. — Влечения и их судьба. Формулировка двух принципов психической жизни, цит. изд., т. III и мн. др.

организма, изучение ее теряет свою изолированность, которой она отличалась в старой школьной психологии, стремившейся представить психику, как нечто несвязанное с общей жизнью всего организма и изучавшей мозг вне всяких влияний на него отдельных органов тела (желез внутренней секреции и др.), и общей динамики всего организма. Это-то попытка ввести психику в общую систему интерреляции органов, рассматривать мозг и его деятельность не оторванно, но наравне с другими органами тела, дать психологии крепкую биологическую базу и тем окончательно порвать с метафизическим подходом к ней, — эта попытка составляет крупнейшую заслугу психоанализа [1]).

Я не ошибусь, если скажу, что психоанализ сделал этим серьезный шаг на пути создания системы монистической психологии [2]).

Попытаемся остановиться на этом подробнее, несмотря на те трудности ясных формулировок, которые представляют собой психоаналитические системы (впрочем, как и все системы не философского, но опытного знания) [3]), и на ту субъективную терми-

[1]) Между прочим, наиболее яркую формулировку такой необходимости ввести мозг и психику в систему органов тела, дал еще Л. Фейербах. В статье «Против дуализма души и тела» (соч., 1923, т. I, стр. 157) он пишет: «...думает и ощущает не душа, потому что душа есть олицетворенная и гипостазированная, превращенная в особое существо, функция или явление мышления, ощущения и хотения, и не мозг, потому что мозг есть физиологическая абстракция, орган вырванный из целостности, из черепа, из головы, из тела вообще, фиксированный как нечто самостоятельное. Но органом мысли мозг служит только в связи с человеческой головой и телом». К сожалению, эта по существу простая истина была надолго забыта общей психологией.

В этом отношении психоанализ идет в ногу с новейшими учениями о внутренней секреции и ее влиянии на психику, также вводящими психическую жизнь в систему органов тела. Из работ этого направления укажу лишь на новую книгу Н. А. Белова «Физиология типов», Орел, 1924.

[2]) На монистически-материалистический характер психоанализа, кроме S. Freud'a, указывали и ряд авторов, из которых ср.: Bleuler. — Physisches und Psychisches in der Pathologie. Zeitschrift f. d. ges. Neurol. u. Psychiatrie. XXXI, 1916. W. White. — Foundations of Psychiatry. L. Binswanger. — Psychoanalyse und klinische Psychiatrie. Intern. Zeitschrift f. Psychoanalyse. 1921, S. 155 (в связи с учением о характере). J. Meagher. — Psychoanalysis and its critics. Psychoanalytic Review. 1922, № 3, p. 326, а также S. Ferenczi в целом ряде статей.

[3]) «В том, что некоторые понятия психоанализа не отличаются достаточной ясностью...», говорит Freud, «и заключается разница между спекулятивной теорией и наукой, которая создается посредством эмпирических данных. Последняя охотно уступает спекулятивному умозрению все преимущества гладкой, логически безупречной обоснованности, и готова удовлетвориться туманными, едва уловимыми основными положениями». О нарцизме. Псих. и психоан. библ., т. VIII, М., 1923, стр. 121. В другом месте Freud добавляет: «У меня — отвращение к упрощениям за

нологию, которую сам Freud признал «временной», нуждающейся в замене терминологией «органической» [1]).

Нам прежде всего будет интересно узнать, с какими группами влечений, этих «постоянных» внутри-органических раздражений [2]) имеет дело психоанализ.

Он склонен грубо выделить два класса влечений: один из них имеет дело с интересами личности, как отдельной особи, стремящейся к самосохранению; другой включает группы влечений, биологически связанных с продолжением рода и называемых влечениями сексуальными [3]). Первый из них, который психоанализ называет кратко «влечениями Я» (Ich-Triebe), основан на том, что принято называть инстинктом самосохранения [4]), и связан с пищевыми и оборонительными реакциями организма [5]) и играет часто доминирующую роль в жизни организма, в судьбе поступающих извне раздражений, в заболеваниях индивида и т. д. Именно эта группа больше всего обусловливает ту единую, цельную личность, к изучению которой подходят теперь психологи; поэтому

счет истины». «Лекции по введению в психоанализ», т. II, 1922, стр. 71. Это делает изложение основных принципов психоанализа чрезвычайно трудным.

[1]) Ср. S. Freud. «Необходимо помнить, что все временно нами допущенные психологические положения придется когда-нибудь перенести на почву также органической основы». О нарцизме, цит. изд. т. VIII, стр. 122; ср. А. К. Ленц о внешне-психологичной терминологии психоанализа в ст. «Условные рефлексы и конструкция современной психиатрии». Новые идеи в медицине, № 4, Птгр., 1924, стр. 69.

[2]) S. Freud. — Влечения и их судьба. Психол. и психоанал. библ., т. III, стр. 104/105 и «Теория полового влечения», то же изд. т. VIII, стр. 83 и др., ср. также Symposium on the relative role in Psychopathology of Ego, Herd and Sex Instincts (British Journal of Psychology, XVI), статьи Brown, Campbell, Glueck, Mac Curdy.

[3]) S. Freud. — Лекции по введ., в психоан. т. II, стр. 141, 201, 202, 208 и др. О нарцизме, русск. изд. т. VIII, стр. 121/122 и др.: «Весь психоанализ построен на резком разделении сексуальных влечений и влечений «Я»... Лекции, стр. 140/141. «Обе группы представляются нам названиями двух источников энергии индивида» (стр. 201), ср. также S. Freud. — Влечения и их судьба. Психол. и психоан. библ., т. III, стр. 109 и сл.

[4]) Ср. S. Freud. — Влечения и их судьба, стр. 109: «Влечения» или «самосохранения»...

[5]) Ср. S. Freud. — О нарцизме, очерки по теории сексуальности, русск. изд. т. VIII стр. 121/122, лекции... т. II, стр. 170/171, 200 и др. Эта группа влечений принимает особо деятельное участие в таких процессах, как торможение поступающих извне раздражений (так называемое вытеснение, цензура), а также в образовании так называемых нарцистических неврозов. Об этом — ниже.

Надо отметить, что в психоанализе эта группа влечений, несмотря на ее кажущуюся простоту, еще очень мало изучена. Ср. Freud. — Лекции, т. II, лекц. 26. Влечения и их судьба, т. III, стр. 111 и одна из последних работ S. Freud'a. Das Ich und das Es. 1923.

проявления этих влечений чаще всего принято определять, как «интерес» личности [1]).

Группа сексуальных влечений изучена в психоанализе гораздо лучше. Это обусловлено прежде всего тем, что психологи классической школы, изучавшие психику отдельно, оторванно от различных лежащих вне мозга функций организма, — мало обращали внимание на влияние на психику сексуальной деятельности человека [2]); быть может — здесь играл роль какой-то особый ложный стыд, мешающий до сих пор объективно подходить к сексуальным переживаниям человека; с другой стороны, — особо-развитой теории сексуальных влечений в психоанализе мы обязаны тому, что весь психоанализ построен, главным образом, на изучении тех нервных заболеваний (так называемых неврозов перенесения), где сексуальные влечения играют особо-важную роль и особо-доступны для исследования [3]).

Эта группа влечений безусловно — эндогенного происхождения [4]), являющаяся, таким образом, одной из самых древних частей личности [5]), — рассматривается психоанализом также не как явление чисто-психическое, но, скорее, как явление органического порядка [6]), явление несколько чуждое сознательной психике в собственном смысле слова, как ее понимает обычная психология, и влияющее на нее лишь в силу теснейшей связанности отдельных сфер организма.

В определение сексуальных влечений психоанализом входят отдельные моменты, очень ярко демонстрирующие органический характер психоаналитической психологии, и мы остановимся на этой стороне подробнее.

---

[1]) Ср. Freud. — Лекции, т. II, стр. 201/202 и сл.

[2]) Ср. Freud. — Лекции, т. II, стр. 141, ср. также Bleuler, Die Psychoanalyse Freuds, 1911. O. Pfister—Die psychoanalytische Methode. изд. II, 1920, Zum Kampf um die Psychoanalyse, 1920.

[3]) S. Freud. — Лекции, т. II, стр. 169, 170. Обвинение психоанализа в пансексуализме, в узком сексуальном монизме, очень напоминает обвинение марксизма в панэкономизме, признании экономического фактора единственным определяющим моментом истории. Это недоразумение, а также основы преимущественного изучения экономического фактора прекрасно осветил Фр. Энгельс в его письме к И. Блоку от 21-го сент. 1890. Ср. Маркс и Энгельс. — Письма. Изд. Моск. рабоч., 1923, стр. 303 и сл.

[4]) Ср. F. Alexander Metapsychologische Betrachtungen. Intern. Zeitschr. f. Psychoan. 1920, S. 284: При экзогенном происхождении «влечения» из раздражений среды, эндогенное происхождение имеет лишь половое влечение.

[5]) Ср. I. C. Flügel. — On the biological basis of sexual repression, Int. Zeitschr. f. Psychoan, 1920, S. 324. «Сексуальные влечения наиболее старая и примитивная форма жизненной энергии».

[6]) Ср. Freud. — Лекции, т. II, стр. 176.

Сексуальное не нашло у Freud'a своего законченного определения [1]); однако, в качестве составных частей в это понятие входят: функции, связанные с различием полов и продолжением рода [2]), хотя последние — не обязательно [3]), получение наслаждения от функций, связанных с этим влечением органов [4]), некоторая сила притяжения к объектам, возбуждающим такое влечение; короче—существенным моментом, на-ряду с органической основой, входит сюда то отношение к вещам, которые мы называем любовью и которое, по аналогии с голодом, получило в психоанализе свое более узкое название «libido» [5]). Мы уже отметили, что сексуальное влечение имеет в психоанализе очень ясный не-психологический, но биологический смысл; сопоставляя «теорию libido» с биологическими теориями сексуальности, Freud наталкивается на близкое сходство этой теории с данными новых исследований в области сексуальной биологии, и особенно тех из них, где подчеркивается влияние половых секретов на мозг и нервную систему, и в частности — с данными исследований Steinach'a и его школы [6]); именно это наводит на мысль, что недалеко то время, когда психоанализ сможет оперировать терминами сексуальности

---

[1]) В психоаналитической системе психика в узком смысле рассматривается часто даже как нечто противоположное, враждебное сексуальности. В определение психики часто входит понятие о ней, как о «тормозящем органе», органе, регулирующем поступление раздражений. Особенно ярко это в применении к одному из важных моментов психики— к сознанию; ср. S. Freud. — О нарцизме, русск. изд. т. VIII, стр. 129; F. Alexander.—Metapsychologische Betrachtungen, цит. место, S. 273. S. Ferenczi. — Die Psyche als Hemmungsorgan. Intern. Zeitschrift f. Psychoanalyse, 1922, S. 4.

[2]) Ср. Freud. — Теория полового влечения, цит. изд. т. VIII, стр. 80, 116; Лекции т. II, стр. 177.

[3]) Freud — рассматривает широкий класс сексуальных явлений, где сексуальная деятельность не связывается с функцией продолжения рода (так называемой перверзии, детская сексуальность, невротические симптомы и т. д.); таким образом понятие сексуального у него шире понятия генитального, ср. Freud. — Теория полового влечения (passim). Лекции, т. II, стр. 110 и др., ср. также Bleuler, Die Psychoanalyse Freuds, цит. изд., S. 25.—E. Hitschmann. — Freuds Neurosenlehre, 1911, S. 4; O. Pfister. Zum Kampf um die Psychoanalyse, S. 237.— I. H. Schulz. Die Psychoanalyse. Zeitschr. f. angew. Psychologie, B. II, S. 471.

[4]) На эрогенности органов мы остановимся ниже. Пока же ср. Freud. Лекции, цит. изд. т. II, стр. 93, 113. Ср. Теор. полов. влечения, цит. изд., т. VIII, стр. 59/60 и др.

[5]) Именно такой постановкой вопроса подчеркивается то широкое значение, которое приписывается психоанализом сексуальности; ср. S. Freud, цит. изд. т. IV, стр. 46/7. Теория полового влечения, цит. изд. т. VIII, стр. 11, 91 и сл.

[6]) Ср. S. Freud — Теория полового влечения, т. VI, стр. 90 и сл.— P. Federn. Schema der Libidoaufnahme zur Begutachtung und Indikationsstellung—доклад на VII психоаналит. конгрессе. — Internat. Zeitschr. f. Psychoanalyse, 1922, S. 486/7.

и сексуальных влечений, вкладывая в них реальное содержание того специфического сексуального химизма, которым эти влечения отличаются от иных, например, «влечений личности» («Ich-Triebe») [1].

На двух моментах указанного определения сексуального влечения? Не является ли этот момент сугубо-психологичным, возможность рассеять одно возникающее по поводу этого определения сомнение; оба они углубят наше понимание психоанализа как системы материалистической психологии.

В самом деле, что мы имеем в виду, указав на момент «наслаждения», как на существенную, характерную черту сексуального влечения? Не является ли этот момент сугубо-психологичным, субъективным, и если нет, — то как понимает его психоанализ? Можем ли мы и в этом моменте констатировать ту же органическую объективность, на которую мы указывали и раньше, и нет ли здесь ультра-психологической телеологии, учения о том, что влечения эти созданы «с целью» борьбы за наслаждение? Попытаемся же кратко указать на место, которое занимает «наслаждение» в общей системе психоанализа.

Учение о «наслаждении» занимает в психоанализе безусловно крупное место. Оно рассматривается как основная детерминирующая сила, как главная тенденция, «принцип» жизнедеятельности организма.

Именно этой тенденции получить максимальное наслаждение, удовлетворив влечения, следует весь организм как в его сознательной, так и в его бессознательной части [2].

Однако, именно этим понятию «Lustprinzip» дается вполне определенное место. Мы знаем, что субъективно момент удовольствия, наслаждения, является лишь некоторым состоянием сознательной психической деятельности. Понимание же «принципа наслаждения» психоанализом резко выходит из таких границ, из понятия субъективной «психологии сознания» и превращается в понятие органическое, в общий биологический принцип работы организма.

То, что отражается в сфере сознания, как «наслаждение», скрывает под собой более глубокие органические тенденции; именно этим тенденциям следует организм в борьбе за существование и самосохранение; психический анализ ведет нас к органи-

---

[1]) Взгляд на сексуальность, как на особый химизм—см. Freud. Лекции, т. II, стр. 177. Теория полового влечения, цит. изд., т. VIII, стр. 91/92; различие обеих групп влечений с этой точки зрения см. т. VIII, стр. 43.

[2]) Ср. Freud. — Лекции т. II, стр. 146 и др. Jenseits des Lustprinzips; Положение о двух принципах психической деятельности, цит. изд. т. III, стр. 82 и сл., и мн. др.

ческим источникам, «психологическая причинность» переходит в причинность органическую [1]).

В самом деле, мы уже указали выше, что организм человека находится под непрерывным влиянием постоянных внутренних раздражений—влечений; если мы сюда прибавим постоянно доходящие до организма раздражения внешней среды, — нам будет ясен тот тонус напряжения, который должен создаться у организма. И вот— создаётся биологически необходимая тенденция — снизить уровень раздражения, который отражается в сфере сознания, как нечто «неприятное», чего нужно избежать [2]).

Создается необходимость разрешить накопившееся раздражение, будь то раздражение внутреннего или внешнего порядка.

Снизить доходящие извне раздражения, тормозить их доступ в организм, наконец, снизить тонус раздражений, исходящих от так называемых влечений, — вот задачи, которые берет на себя психический аппарат, который последние работы психоанализа метко определяют, как «орган торможения» [3]); основная тенденция всего организма, которая и отражается, если допустить психологическую терминологию, в «принципе наслаждения» (Lustprinzip) — и сводится таким образом к тенденции одолеть и освободиться от

---

[1]) Ср. L. Binswanger. — Psychoanalyse und klinische Psychiatrie, Internation. Zeitschr. f. Psychoanalyse 1921, S. 152. «В то время как у Kretschmer'a (и психологов) силы, обусловливающие психическую жизнь, происходят из психики же, у Freud'a они коренятся в биологии организма». G. Jelgersma. Psychoanalytischer Beitrag zu einer Theorie der Gefühle, там же, 1920, S. 8: «Таким образом, в психоанализе мы имеем дело с понятиями чисто-естественно-научного, а не «психологического» порядка. Ср. F. Alexander.—Metapsychologische Betrachtungen, там же, 1921, S. 270 и др. В последнее время мы встречаемся с проникновением «принципа удовольствия» и в биологию (ср., напр., Ferenczi, Versuch einer Genital Theorie, 1924) и даже в рефлексологию (ср. интересную статью В. И. Болдырева — «Два новых основных закона функции головного мозга» в «Bulletin of the Battle — Creek Sanitarium and Hospital Klinik», 1924, March, vol. XIX, № 2, реферат в Казанском медицинском журнале, 1944, № 6). — Pfister Zum Kampf um die Psychoanalyse, 1920, S. 247 ff. — W. White. — Foundations of psychiatry, N. Y. 1921, p. 10—11 и др.

[2]) Ср. Freud. — О нарцизме, цит. изд. т. VIII, стр. 128: неудовольствие является выражением высшего напряжения, т.-е. оно представляет собою известную величину материального процесса (курсив мой. *Ал. Л.*), ведущего к накоплению внутреннего напряжения, воспринимаемого психически, как чувство неприятного, неудовольствия». Ср. также Freud. Теория полов. влеч., т. VIII, стр. 84. — Jenseits des Lustprinzis, 1921, S. 3, ff. Jelgersma. — Psychoanalytischer Beitrag zu einer Theorie der Gefühle, цит. место, S. 1—2 и др.

[3]) Ср. S. Freud. — О нарцизме т. VIII, стр. 129: «Душевный аппарат — орудие, при помощи которого мы справляемся с возбуждениями». Ср. Jenseits des Lustprinzips. F. Alexander. Metapsychologische Betrachtungen, цит. место, S. 273. — S. Ferenczi. — Die Psyche als Hemmungsorgan. Intern. Zeitschr. f. Psychoanalyse, 1922, S. 203, ff.—Kempf. Psychopathology. 1920.

воспринимаемых им извне и изнутри раздражений и возбуждений» [1]), достигнуть состояния наименьшего тонуса возбуждения [2]).

Таким образом, понятие влечения получает свою энергетическую, количественную формулировку, происходящие в психике процессы сводятся к энергетическим процессам раздражений и реакций на них, а с тем пропадает и тот психологический, субъективный характер, который носит с первого взгляда Lustprinzip, как основная тенденция организма; нам хотелось бы здесь же подчеркнуть, что с этим и пропадает та мнимая телеология, которой якобы подчинен организм с точки зрения психоанализа; она заменяется строгой биологической причинностью, и в ней, конечно, не остается и следа от какого бы то ни было произвольного «стремления к удовольствию»: психологическая телеология заменяется органической каузальностью [3]).

Нам ясен органический характер влечений; однако, нам следует ближе познакомиться и с их органическими источниками; этим мы подойдем ко второму из поставленных нами вопросов и будем иметь случай еще раз указать на второй важный шаг, сделанный психоанализом для построения материалистически-монистической психологии цельного организма — введение мозга и таким образом психики в общую систему органов тела и их интерреляции.

Психоанализ уже давно заметил, что некоторые части тела обладают особой восприимчивостью к различным внешним и внутренним раздражениям и что раздражение их становится особо мощной стимулирующей силой для мозга и всей нервно-психической системы. Таким образом, оказалось совершенно невозможным при изучении психики игнорировать источники ее «движущих сил» —

---

[1]) S. Freud. — Лекции т. II, стр. 146 и 164. Ср. его же Jenseits des Lustprinzips, S. 62: «Das Lustprinzip ist eine Tendenz, welche im Dienste einer Funktion steht, der es zufällt, den seelischen Apparat erregungslos zu machen oder den Betrag der Erregung in ihm konstant oder möglich niedrig zu erhalten». — F. Deutsch. Psychoanalyse und Organkrankheiten, Intern. Zeitschr. f. Psychoanalyse, 1922, S. 290/91, а также цитированные работы F. Alexander'a и др.

[2]) Ср. особ. S. Freud. — Das Ich und das Es, S. 23, цит. cor. Jelgersma. Любопытно отметить, что система психоанализа совпадает здесь с учением Авенариуса о жизнеразностях. (Ср. Авенариус. Критика чистого опыта, напр., в изложении Луначарского М. 1909, стр. 24 и сл.)

[3]) Ср. Alexander. — Metapsychologische Betrachtungen, цит. место, S. 270/271 и L. Binswanger. — Psychoanalyse und Klinische Psychiatrie, цит. место, S. 153/154. В этом пункте особенно стоит отметить диалектический подход к проблеме телеологии: то, что нам кажется стремлением к цели (наслаждения), есть лишь осуществление биологической необходимости. Противоречие между каузальностью и телеологией сводится здесь на-нет.

отдельные органы тела — и изучать мозг вне системы интерреляции органов [1]).

Так была поставлена проблема об органических источниках влечений и реакций личности; так развилось в психоанализе учение о психологическом значении органов тела, — то, что вылилось позднее в строгую систему учения об эрогенных зонах (S. Freud) [2]) и о малоценных органах и их психической компенсации (Alfr. Adler) [3]) и что нашло себе блестящее подтверждение в физиологическом учении об интерреляции органов и влиянии эндокринной системы на мозг и его функции.

Alfr. Adler первый выдвинул вопрос о важности для психологии изучения отдельных органов тела и их функций и обосновал ее в стройной системе. По его мнению, мы часто встречаемся с органами, обладающими относительно пониженной функциональной способностью, слабостью и повышенной раздражимостью [4]); их Adler квалифицировал как «органы малоценные» и указал на то, что именно эта малоценность лежит в основе их заболевания [5]). Однако, биологически невозможно, чтоб пониженная деятельность органа осталась без компенсации со стороны чего-нибудь, заменяющего это слабое место в организме; так, в случае малоценности одного из парных органов (легкие, почки, мозг, полушария), часть функций его берет на себя второй «викарирующий» орган; при

[1]) Ср. Alfr. Adler. — Studie über die Minderwertigkeit der Organe, 1907, особ. S. 59; W. M. Wheeler.—On Instincts (The Journal of abnormal Psychology, 1920—21, vol. XV, p. 295 ff.): «Типичный психолог не изучает материал (так, как это следует, т.-е.), сравнивая и сопоставляя отдельные его части, как это делает естествоиспытатель, но ограничивает свое исследование головой, игнорируя остальные части организма»... L. Binswanger. — Psychoanalyse und Klinische Psychiatrie, цит. место, стр. 153. Н. А. Белов. Физиология типов. Орел, 1924. Общим фундаментом для психических и телесных явлений у Freud'a не является изолированный мозг, но влечение, как понятие пограничное между психическим и соматическим, представляющее органические силы. (Курсив мой. *А. Л.*)

[2]) Учение об эрогенных зонах — одно из основных учений психоанализа—получило свое обоснование в «Теории полового влечения» S. Freud'a и имеет большую литературу.

[3]) Это учение выдвинуто Alfr. Adler'ом в его классическом труде Studie über die Minderwertigkeit der Organe, 1907, и получило свою дальнейшую разработку в последующих трудах Alfr. Adler'a über den nerwösen Charakter, 1912, Praxis und Theorie des Individualpsychologie, 1920 и др.

[4]) Некоторые авторы указывают на близость понятий малоценного органа и эрогенной зоны, опираясь как раз на такое определение малоценности. Ср. E. Wexberg. Две психоаналитических теории. Русск. пер. «Психотерапия» 1912. O. Hinrichsen. Наше понимание душевных процессов в связи с теориями Freud'a и Adler'a, там же, 1913, вып. 6; ср. также Alfr. Adler. Studie über die Minderwertigkeit der Organe, S. 25.

[5]) Alfr. Adler. — Studie über die Minderwertigkeit der Organe. Passim.

малоценности одного легкого, компенсаторно развивается второе [1]). Иную картину видим мы при малоценности непарного органа; в таком случае задачу компенсировать недостаток берет на себя центральная нервная система, которая и исполняет ее путем торможения направленных на орган раздражений и путем создания над функцией данного органа соответствующей «психической надстройки», помогающей осуществлению возложенных на орган заданий [2]). При малоценном органе эта задача—компенсировать его малоценность—становится основной движущей силой психики, орган становится в центре интересов и внимания [3]), являясь таким образом источником целой системы реакции личности.

Таково в самом схематичном виде выдвинутое Adler'ом учение о значении органов для психических функций [4]).

Здесь мы переходим к учению об органической основе влечений, выдвинутому S. Freud'ом и дающему серьезную позитивную подпочву всему психоанализу. Из указанных уже выше соображений нам придется остановиться, главным образом, на органических источниках сексуальных влечений.

Крупнейший заслугой Freud'а бесспорно является то, что он обратил внимание на ту роль, которую играют для психической жизни отдельные органы и зоны, обладающие той специфически-повышенной раздражимостью, которую мы уже охарактеризовали выше как основной признак влечения. Эти зоны, дающие при возбуждении то, что мы выше назвали наслаждением (в указанном смысле), — и являются «источниками влечений» [5]). Это не обязательно область гениталий; сюда относятся также и слизистые оболочки рта, анального отверстия [6]), сюда при широком понимании могут быть отнесены также некоторые места кожного покрова и мышцы [7]).

---

[1]) Alfr. Adler, там же, S. 10 и сл.

[2]) A. Adler, там же, 28, 32, 47 и особ. 61 и сл.

[3]) A. Adler, там же, S. 62, 69.

[4]) Мы не задели в нашем изложении целого ряда важных сторон этой оригинальной теории: учение о «стигмах» малоценных органов (органических и психологических), учение о путях и исходах центральной компенсации, а также и всю построенную на этой основе «индивидуальную психологию». К ней мы надеемся вернуться в другом месте.

[5]) Ср. S. Freud. — Теория полов. влеч., т. VIII, стр. 43, 57. Лекции, т. II. стр. 103. Ferenczi. Hystherie und Pathneurosen. 1919.

[6]) Ср. Freud. — Теор. полов. влеч., т. VIII, стр. 55/56, 57, 76, 127 и др. S. Freud. О превращении влечений, в особенности анальной эротики, цит. изд. т. III, стр. 199 и сл. Характер и анальная эротика, т. V, стр. 17 и сл., а также помещенные в вып. психологически и психоаналит. библ. статьи E. Jones'a, H. Hattingberg'a, S. Sadger'a. — Lou Andreas Salomé—Anal und Sexual в «Imago», Bd. IV и мн. др.

[7]) Ср. I. Sadger. — Эротика кожных и слизистых покровов и мышечной системы, цит. библ. т. V, стр. 125—164.

Все эти области, называемые психоанализом «эрогенными зонами» [1]). создают единую мощную систему, воздействующую на психический аппарат, направляющую его деятельность и регулирующую его борьбу за «снижение тонуса напряжения», за «принцип наслаждения».

Однако, эти области, где эндогенное возбуждение сталкивается с возможностью его внешнего удовлетворения, — носящие по учению психоанализа определенно-сексуальный характер [2]), — не ограничиваются, как мы уже указали, лишь сферой гениталий. Эрогенная функция может часто присоединяться к обычным функциям органа [3]) и, таким образом, характеризует и еще ранее введенное в психоанализ понятие «Organlust», осложняя последнее; таким образом, эрогенной зоной может быть любая зона человеческого тела, и наоборот, «ни одно место на теле не свободно всецело от эрогенности» [4]).

Все эти положения основаны на изучении детских, прегенитальных форм сексуальности, сексуальности невротиков и половых извращений. Именно эти исследования подчеркнули, что эрогенность разлита по всему организму и что эрогенные функции лишь в позднейшем концентрируются на гениталиях, которые, таким образом, можно рассматривать не как единственную, но лишь как обычно доминантную эрогенную зону [5]).

Именно такое положение вещей, при котором исходным является разлитость эрогенных функций по различным органам

---

[1]) Понятие эрогенных зон имеет свою историю. Charcot обратил внимание на их повышенную чувствительность и специфические свойства, назвав их «истерогенными зонами»; Chambard (1881) рассматривал их как «centres érogènes» в соотношении с сексуальными функциями; Féré (1883) указал на сходство обеих; подробно учение об эрогенных зонах было разработано Binet и Féré, Hav. Ellis'ом и, наконец, S. Freud'ом, см. H. Ellis. The Doctrine of erogenous Zones. Medical Review of Reviews, 1920, April, p. 191.

[2]) Ср. Freud. — Теория полов. влеч., т. VI, стр. 59/60 и приведенные выше цитаты.

[3]) Ср. Freud. — Лекции, т. II, стр. 97/8, 113 и сл. и др. Здесь учение Freud'а об эрогенности близко соприкасается с учением о функциях органов Alfr. Adler'а.

[4]) Ср. Freud. — Теория полового влечения, цит. библ., т. VIII, стр. 59 и прим. S. Frenczi. Hystherie und Pathoneurosen, 1919.

[5]) Развитие примата генитальной эрогенной зоны вполне подходит под конструкцию «доминантов», как сфер наибольшей возбудимости, привлекающей к себе все, даже идущие на адрес иных органов, раздражения, введенную А. А. Ухтомским и его школой. См. ст. его и его учеников в «Русском физиологическом журнале», 1923, кн. VI. Ср. с этим развитие примата гениталий, как его описывает, напр. S. Ferenczi. — Hystherie und Pathoneurosen, 1919, S. 11. Примат генитальной зоны проявляется в том, что каждое возбуждение эрогенной области сейчас же втягивает в возбуждение и гениталии... Гениталии как центральная эрогенная зона относится к другим эрогенным зонам, как мозг к органам чувств. Ср. также Freud. Теория полов. влечения, т. VIII, стр. 82.

тела, и подчеркивает огромное значение эрогенных зон для психики. Направляя работу психического аппарата в духе осуществления «принцип наслаждения», эрогенные зоны регулируют у ребенка также и его отношение к внешнему миру, заставляя его отдифференцировывать эрогенные раздражения от иных, и тем обусловливают различные реакции ребенка на внешнюю среду.

Не следует особенно объяснять то понятное положение, что материнская грудь, соприкасающаяся с ротовой полостью ребенка и возбуждающая слизистые оболочки рта, концентрирует вокруг себя (так же точно, как и раздражители, лишенные пищевого характера, например, соски, пальцы при сосании (так наз. Lutschen) и т. д.), — все «интересы» или, как мы скажем, реакции ребенка, так же, как впоследствии это делают отдельные раздражения кожи и мышц или деятельность кишечника и раздражения, связанные с выводными отверстиями [1]) и т. д.

Не удивительно, поэтому, что эрогенные зоны могут влиять на все дальнейшее построение личности, и поставленная так проблема интерреляции психики и других органов может перевести в совершенно иную, новую для психологии плоскость, такие вопросы психологии, как формирование характера и т. п.

Учение о формировании характера, перенесенное на органическую основу, еще не достаточно развито психоанализом, но даже то немногое, что он дает нам, помогает нам понять человеческую психику несравненно больше, чем это могла сделать старая субъективная, «эмпирическая» психология.

Если функции эрогенных органов действительно занимают такое большое место в жизни ребенка, — то именно в них должны мы искать корней образования многих черт человеческого характера. Мы уже указали выше, что функции таких органов в известные периоды развития концентрируют вокруг себя главную часть интересов ребенка; раздражения, приходящиеся на их долю, и реакции на них составляют, пожалуй, самое значительное в примитивной, еще организующейся жизни ребенка; поэтому немудрено, что эти реакции часто служат моделью, к которой возвращаются формы позднейшей психической жизни. Разбирая отдельные черты характера и их происхождение из примитивных реакций на идущие со стороны органов раздражения, — мы можем установить, по крайней мере, три пути, с помощью которых примитивные влечения и формы органических реакций могут превратиться в сложные черты характера: особенность характера может или просто повторять форму примитивной реакции, или повторять ее в измененном, усложненном, «сублимированном» виде, или же,

[1]) Ср., напр.: E. Jones. Об анально-эротических чертах характера, цит. библ. т. V, стр. 24. «Акт дефекации составляет в первые годы жизни младенца один из главных интересов его жизни».

наконец, она может получиться как реактивное образование к этой форме первичного удовлетворения и подчеркивать черты, противоположные тем, которые были в детстве [1]).

Уже выше мы заметили вскользь, что развитие организма ребенка идет по пути преобладания отдельных эрогенных зон, которые уже впоследствии заменяются посредством одной доминанты генитального аппарата, мощно влияющего на психическую деятельность.

Из таких стадий преобладания эрогенных зон психоанализ отмечает прежде всего фазы так называемой оральной эротики (эрогенное значение ротовой полости, связанное с питанием, затем фазу преобладания анальной эрогенной зоны (связанную с пищеварительным аппаратом и выделительным трактом); уже затем выступают другие преобладающие зоны, заменяющиеся, наконец, генитальной [2]).

Немудрено, что преобладание каждой из этих зон сказывается на образовании характера, при чем влияние их на психическую организацию может выбрать один из указанных выше путей.

Так, например, одна из важнейших стадий в развитии ребенка — стадия преобладания анальной эрогенной зоны, характеризуется повышенной раздражимостью слизистых оболочек анального отверстия [3]), доминантным значением всех связанных с этой зоной реакций и стремлением к постоянным раздражениям ее. У ребенка это выражается в повышенном интересе, проявляемом к акту дефекации и тенденции как можно дольше задерживать кал, оттягивать акт дефекации и связанное с ним опорожнение кишечника и прекращение раздражений [4]).

Freud, а за ним и отдельные авторы описывают ряд черт характера, корни которых с несомненностью можно проследить в этих связанных с преобладанием анальной эрогенной зоны примитивных реакциях.

---

[1]) Ср., напр., E. Jones. — Об анально-эротических чертах характера, цит. изд., т. V, стр. 24. Freud. Характер и анальная эротика, там же, стр. 19 и сл.

[2]) Ср. S. Freud. О формах (стадиях) прегенитальной фазы развития ребенка. Теория полов. влечен., цит. изд. т. VIII, стр. 72 и сл., Лекции, т. II, стр. 115 и сл. Ср. также D. Forsyth: The Rudiments of Charakter—Psychoan. Rev., 1921, p. 117 ff., где различаются три главных фазы прегенитальной организации: 1) вегетативная, 2) фаза выделения эрогенных зон, связанных с питательным аппаратом, 3) фаза кожной эротики. Именно эти фазы прегенитальной организации влияют на дальнейшую судьбу «сексуальной конституции», ср. Freud. — Теория полов. влечен., т. VIII, стр. 80, 109 и др.

[3]) Ср. S. Freud. — Теория полов. влечен., т. VIII, стр. 58 и др.

[4]) Ср. S. Freud. — Характер и анальн. эротика, цит. изд., т. V, стр. 18 и сл. E. Jones. Об анально-эротич. чертах характера, там же, стр. 24 и др.

Так, например, повторение формы этих реакций в дальнейшей жизни может проявиться в чертах «упрямства», в нерешительном оттягивании своих задач и исполнения обязанностей с последующим импульсивным исполнением их и т. д. [1]). Человек в этом случае просто повторяет в других сферах жизни то «упрямство», то «стремление оттягивать конечный акт» (дефекация), которые когда-то играли такую крупную роль на заре его жизни, когда он еще был примитивным существом, в центре «интересов» которого стояла деятельность кишечника и раздражение связанных с ней зон [2]). Механизм образования таких черт характера и привычек вполне совпадает, таким образом, с механизмом образования условных рефлексов на примитивной, органической базе.

В качестве примера образования черт характера путем преобразования, сублимации примитивных анально-эротических функций, психоанализ приводит бережливость, скупость как то же стремление задерживать кал, принявшее более социальные формы и перенесенное на другой объект — будь то вещи (при коллекционировании) или деньги и т. д. [3]).

Наконец, примитивные черты анальной эротики могут быть заторможены, вытеснены в будущей эволюции организма, как социально-неприемлемые, и, даже больше, они реактивно могут быть заменены иными, противоположными им, социально-окрашенными чертами [4]). Такова, по мнению S. Freud'a и его учеников, черта чистоплотности и аккуратности, реактивно развившаяся на месте заторможенного, вытесненного стремления к нечистоплотности, обмазыванию себя выделениями и т. п. — стремлений, связанных, опять-таки, с деятельностью анальной эрогенной зоны [5]).

Как бы несовершенны ни были предложенные психоанализом примеры, какими бы странными они нам ни казались, [6]), — нам

---

[1]) Эту интересную черту E. Jones замечает в любопытном факте оттягивания ответов на письма, откладывания разных обязанностей по дому у хозяйки и т. д., ср. его цит. ст. стр. 29—30.

[2]) Мы привели лишь две указанных черты характера, оставив в стороне чрезвычайно интересное исследование, касающееся иных сторон.

[3]) Срв. S. Freud. — Характер и анальная эротика, цит. изд., т. V, стр. 21 и сл. E. Jones. Об анально-эротических чертах характера, там же, стр. 25, 42 и др.

[4]) На этих механизмах психических образований мы остановимся ниже, когда речь у нас будет итти о динамике и диалектике психической жизни.

[5]) S. Freud. — Характер и анальн. эротика, 19 и сл. E. Jones, цит. ст. 44, 47 и др.

[6]) Так, E. Jones, цит. ст. стр. 24, говорит: «Самый поразительный результат исследований S. Freud'a, вызывающий, быть может, больше всего сомнений и больше всего протестов, составляет его открытие, что определенные черты характера, зависящие от сексуальных раздражений анальной зоны, обусловливают глубокое изменение в самом раннем детстве человека».

важно подчеркнуть одно: здесь мы видим первую попытку построить учение об образовании характера человека не на основе каких-нибудь субъективных «психических качеств», не путем чисто-внешней аналогии с биологическими законами [1]), но на органической основе, путем прослеживания примитивных основ сложных черт характера в деятельности органов человеческого тела и в их влиянии на психический аппарат.

Принцип интерреляции органов, в число которых мозг входит как одна из составных частей, дает возможность, по выражению L. Binswanger'a [2]), «материализовать» учение о характерах, поставить его на позитивные основы.

Так закладываются основы психологии, построенной на фундаменте материалистического монизма, рассматривающего явления психической жизни как один из видов органических явлений, не проводящей никакой принципиальной границы между процессами, происходящими в отдельных органах человеческого тела, и психическими реакциями на них.

Психоанализ, перенося учение о психических явлениях в совершенно иную плоскость учения об органических процессах, происходящих в цельном человеческом организме, — резко порывает с метафизикой и идеализмом старой психологии и закладывает (вместе с учением о реакциях и рефлексах человека) [3]) твердый фундамент психологии материалистического монизма, позитивно подходящей к психике цельной личности.

Именно этим психоанализ отвечает на первую задачу, поставленную пред современной психологией крупнейшей философией эпохи — диалектическим материализмом: задачу материалистически подойти к цельной личности и движущим силам ее психики.

Психоанализ внес крупный вклад в решение этой проблемы, сделав один за другим два крупных шага: утвердив слит-

---

[1]) Ср., например, Fouillée. «Темперамент и характер», строящий учение о темпераменте по аналогии с биологическими процессами интеграции-дифференциации.

[2]) «В психоанализе характер представляется фиксированным, материализованным и динамически освещенным» (L. Binswanger. Psychoanalyse u. klinische Psychiatrie. Цит. место, S. 155.)

[3]) О принципиальной близости подходов психоанализа и рефлексологии ср., напр., Бехтерев. — Основы рефлексологии человека, Гиз, 1923, (1 изд. 1918, гл. 38), работы его учеников: Иванов-Смоленский, Ленц в журн. «Психиатрия, неврол. и эксперим. психология» и «Новые идеи в медиц.» сб. 4; ср. также G. Humphrey. The conditional reflex and the Freudian Wish. Journal of abnormal psychology, XIV, p. 338. Подробнее на этом мы еще остановимся.

ность отдельных психических функций и введя всю психику в общую систему органов и их биологически обусловленной деятельности.

Этим он развернул целую новую «биологию психики» [1]), сделав серьезные шаги по пути создания стройной, объективной монистической системы [2]), и мы можем вполне согласиться с O. Pfister'ом в высказанном им положении: «Freud — первый большой позитивист в психологии» [3]).

Однако, чтоб система психоанализа еще ближе подошла к требованиям, предъявляемым методологией диалектического материализма, — ей нужно было развить во всей полноте динамику, диалектику психической жизни и сделать третий шаг по пути целостного подхода к организму, — ввести его в систему социальных влияний [4]).

Этими сторонами психоанализа нам и придется заняться в следующих главах нашего исследования.

---

[1]) O. Pfister. — Zum Kamp fum die Psychoanalyse. 1920, S. 247: «Eine ganz neue psychologische Welt tut sich auf—eine grossenteils neue Biologie der Seele».

[2]) Ср. А. К. Ленц. «Условные рефлексы и конструкция современной психиатрии». «Новые идеи в медицине», сб. 4 стр. 69: «Психоанализ—система, лишь по названию психологическая; в самом же деле он объективен, физиологичен».

[3]) O. Pfister.—Zum Kampf um die Psychoanalyse. 1920, S. 241.

[4]) Только этим последним мы перейдем в учении о нервно-психической деятельности от механического материализма к диалектическому.

К ПРОБЛЕМЕ КОНСТИТУЦИИ ЧЕЛОВЕКА.

А. Н. Залманзон.

I.

Вопрос о конституции человека, привлекавший к себе с древнейших времен внимание философов и врачей, становится актуальнейшей научной проблемой нашей эпохи. Существует довольно распространенное мнение, что учение о конституции по самому существу своему является реакционным. Полагают, что успех его отражает пессимистический уклон эпохи упадка буржуазной культуры, так ярко выраженный Шпенглером. Такое мнение имеет свои глубокие основания, поскольку из поля зрения конституционалистов совершенно уплывает влияние внешней среды. Но если связать это учение широко с социальной этиологией, то оно приобретет широкое научное и революционное значение.

Проблема конституции тесно связана с новыми идеями в естествознании и отвечает назревшим тенденциям психологии, изучения личности в ее целом.

В «Критике политической экономии» Маркс писал, что «задача тогда только выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения». Наша эпоха с ее необычайным ростом техники, усилением социальных связей, ломкой буржуазных и развитием новых социалистических отношений, ставит во всей остроте задачу рационального регулирования человеческого поведения, усиления воспитательных воздействий и профилактики в широком значении этого слова. Экономика и социальные науки, переработанные диалектическим методом, служат рабочему классу верным компасом классовой революционной борьбы. Марксистская психология должна стать таким же компасом в осуществлении широких практических задач, которые уж сейчас резко и определенно стоят перед рабочим классом и Советской Республикой. Стихийность человеческого поведения при рационализации экономических отношений может быть обусловлена только непониманием истинных мотивов этого поведения. Для полного устранения из человеческого созна-

ния всех остатков фетишизма, отражающих эту стихийность, необходимо знать до тонкости механизмы самого сознания. И, таким образом, в растущей активизации человеческого коллектива на-ряду с овладением техникой и экономикой выдвигается задача овладения человеческим сознанием, задача рационального использования высшей нервной деятельности. Уж сейчас перед нами стоит целый ряд практических задач, требующих правильного теоретического подхода: вопросы организации труда и управления, подбор работников и целесообразное их использование, вопросы быта и коммунистической этики, коллективизация детского воспитания, социальная борьба с преступностью и т. п. Основным моментом диалектического метода является ясное осознание практических целей, глубокий практицизм, целевая установка в работе. Практицизм диалектического метода ярко охарактеризован следующими словами Маркса («Тезисы о Фейербахе»): «Главный недостаток старого материализма заключался в том, что он рассматривал мир лишь в форме объекта или созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно». «Философы лишь объясняли мир так или иначе, но дело заключается в том, чтобы его изменить».

Всякая научная идеология таит в себе классовые цели, но эти цели бессознательно или намеренно скрываются под красивой тогой абсолютной цели познания. Глубокий марксистский анализ неоднократно вскрывал реальную низменную основу многих буржуазных идеологий с «абсолютными целями познаний». Диалектический метод не скрывает своей классовой основы и своей скромной служебной роли, ибо он служит революционному классу, объективно заинтересованному в научном познании, для того, чтобы «измерить мир». Таким образом, в самом диалектическом методе заложена установка на революционную практику.

Каковы же должны быть способы исследования личности, с точки зрения целей коммунистического воспитания, и соответствуют ли они диалектическому методу? Основным способом практического исследования личности является в настоящее время схематическое построение этой личности из отдельных психологических качеств (тесты, профили и т. п.). В противовес этим способам практические задачи коммунистического воспитания выдвигают вопрос об исследовании не мертвых и абстрактных психологических качеств, а конкретной личности с единым комплексом психико-соматических отправлений в зависимости от влияния наследственности и социальной среды. Качества и способности, необходимые для данного производства или интересующие исследователя с точки зрения воспитательных воздействий, должны быть связаны органически с психо-физиологической организацией человека в ее целом. Современная психотехника,

прикладная наука, выросшая из субъективной психологии в условиях капиталистического производства, изучает не цельную работающую личность, а психологические качества или комплекс этих качеств, необходимых для данной профессии. Рассматривая индивидуума сквозь призму капиталистического производства, она искусственно отделяет нужные для производства способности от всей личности испытуемого. Примеряемая, таким образом, к профессии личность является только мертвой схемой живой работающей личности не адэкватной ей. Такие способы в полной мере соответствуют тэйлористским тенденциям современного капиталистического производства. При социалистическом производстве, т.-е. там, где интересы производства строго согласованы с охраной труда и профилактикой, каждое отдельное качество интересует исследователя лишь как проявление всей жизни организма.

Тов. А. Б. Залкинд в «Очерках культуры революционного времени» совершенно правильно отмечает негодность субъективно-психологических методов для целей коллективного воспитания детей. «Вся дидактика знаменитого Меймана, экспериментатика Вудта, работы наших Россолимо и Нечаева резко выделяют изолированного ребенка и на нем строят воспитательную методику. Ребенок изучается изолированно, т.-е. таким, каким в жизни никогда не бывает.»

Научные методы опровергаются только человеческой практикой. Субъективная психология, несмотря на все тенденции приблизиться к точным наукам, не могла найти себе правильного практического применения. Вильям Штерн, создатель дифференциальной психологии, отмечает весьма характерный и хорошо известный факт, что там, где необходимо понять, оценить и использовать человеческое поведение, пользуются примитивной психологией, дилетантской системой, никакого отношения к науке не имеющим. Психологические тенденции современной культуры требуют, с точки зрения Штерна, устранения ложного психологизма и введения в человеческую практику научно-психологических методов. Лазурский, пытавшийся подобно Штерну найти предпосылки для научной характерологии, говорит в своей книге «Учение о характерах», что, если бы для создания научной характерологии необходимо было предварительное решение обще-психологических вопросов, то нам пришлось бы над ней поставить крест.

Практическая непригодность субъективной психологии проявляется в основном непреодолимом противоречии, выражающемся в том, что конкретную индивидуальную психику активной действенной личности нельзя построить из отдельных психологических качеств и метафизических механизмов. Субъективная психология остается бездушным схематическим построением души или сборником поверхностных эмпирических наблюдений. Социо-

логическая школа неопозитивизма, продолжая заветы Конта, устраняет это противоречие тем, что вычеркивает абстрактную психологию из списка наук. Де-Роберти, основатель этой школы, находит научное оправдание только для конкретной психологии, дающей материал для биологии и социологии. Но «при первом серьезном приложении к ним методов отвлеченного анализа, психологические факты без остатка разлагаются на явления жизни и явления общественности». Такое разрешение основного противоречия, в корне убивающее психологию, конечно, удовлетворить психологов не может. На смену ассоциационной психологии народился целый ряд психологических направлений, представляющих вкупе смесь языков и наречий (функциональная, интенциональная, волюнтаристская и др.). Основная сущность всех этих направлений заключается в построении извне познаваемых механизмов. Но эти механизмы не мыслятся пространственно, не связаны с энергетическими процессами организма, а являются метафизическими построениями, применяемыми для динамического понимания психики. В результате всех этих исканий, имеющих глубокое научное основание, психология зашла в тупик чистой метафизики, не разрешивши все же основного противоречия. Как Штерн, так и Лазурский не нашли тех предпосылок, на основании которых можно было бы построить научную классификацию личностей. Это противоречие психологии лучше всего формулировано у Мюнстерберга, который мыслит раздельное существование двух психологий — каузуальной и целевой. Н. Ланге в «Итогах науки» так формулирует его общие выводы. «Психология как наука объективная может быть только физиологической, но в таком объективном виде она не имеет никакой цены ни для истории, ни для нормативных наук (юриспруденция, этика, педагогика, эстетика, логика). Мало того, такая единственно возможная в качестве объективной науки психология изучает не действительную реальную психологическую жизнь, а некоторую научную фикцию, душевные явления оторванных от их реального волевого субъекта». Из этих рассуждений логически вытекают следующие выводы: каузуальная психология изучает не реальность, а фикцию, целевая же психология — не наука. Таким образом, указанное выше противоречие отражает негодность таких методов, при которых причинность мыслится неподвижной связью отдельных явлений, а целевые действия, динамизм поведения, причинно не обусловливаются. Из этого тупика можно выбраться только диалектическим методом, поскольку здесь, напротив, причинность представлена динамически во всеобщей связи явлений, а целевые действия всегда причинно обусловлены. Единство причины и цели возможно только при монистическом, материалистическом понимании психических явлений. Психические процессы, с точки зрения диалектического материализма, являются материальными энергетическими процес-

сами, связанными с физиологией всего организма и подчиняющими жизнь организма целям приспособления к среде. Человеческая личность, с этой точки зрения, есть организм, централизованный высшей нервной системой, активно приспособляющийся к физической среде через социальную среду, организм детерминированный в динамике всех своих отправлений сплетающимися био-социальными связями. Все процессы организма, обусловливающие собой психическую деятельность, изучаются не психологией, а физиологией. И совершенно прав Павлов, говоря, что нет никакого резона изучать процессы мозговой коры какими-либо другими не физиологическими методами. Задача психологии иная. Она заключается в изучении поведения человека во всей его сложности и многообразии и в установлении рефлекторных связей между этим сложным поведением, центральными нервными процессами и единым комплексом взаимодействующих внутренних и внешних раздражителей, отражающих влияние социальной среды и наследственности. Отдельные элементы этих сложных связей могут быть выделены аналитически при условии глубокого понимания всей био-социальной динамики личности. Рефлексы не являются основными элементами этой сложной связи, ибо между самым простым раздражением и ответной реакцией проходит не один нервный ток, а целая сеть сплетенных нервных токов, связанных с физико-химическими процессами организма. Таким образом, в противоположность субъективно-психологическим построениям личности из отдельных элементов, встает задача изучения отдельных элементов сквозь призму личности в ее целом. Такой подход сближает психологию с психо-патологией, поскольку объектом психо-патологии является цельная реальная человеческая личность. Патологические процессы выражают черты личности в резком концентрированном виде, проливая, таким образом, свет в понимание нервно-соматических механизмов личности в ее целом. Психическая норма только ограничивает понимание био-социальной динамики личности.

II.

Мы пришли к выводу о необходимости изучения органически-цельной личности, связанной с социальной средой и био-социальными факторами, вызвавшими ее образование. Но как разделить биологические наследственные факторы от факторов социальных и как установить между ними преемственную связь? На этот вопрос современная наука еще не дает ясного ответа. При попытках разрешения этого вопроса мы вплотную подходим к проблеме конституции, являющейся предметом исследования общей патологии и психо-патологии. Само понятие конституции является крайне неопределенным и порождает большие споры. Существуют два противоположных взгляда на этот счет. По первому из них

конституция представляет комплекс присущих организму наследственных свойств. По второму — конституция является комплексом как наследственных, так и приобретенных свойств, присущих индивидууму как целому. Бауэр, один из видных конституционалистов, считает этот спор словесным. В самом деле, различие между этими течениями заключается только в том, что первое фиксирует различное происхождение свойств организма разными словесными понятиями, второе из клинико-эмпирических соображений не считает нужным это делать, довольствуясь бесформенным расплывчатым понятием. Наиболее ясное, словесное подразделение устанавливает Сименс, называя сумму наследственных свойств гено-типом или идио-типом, сумму приобретенных — пара-типом, наконец, сумму тех и других — фено-типом. Но эти ясные словесные определения не вливают конкретного содержания в понятие конституции. Для того, чтобы глубже подойти к вопросу, посмотрим, какие тенденции в биологии вызывают необходимость изучения организма в его целом. Оказывается, что эти тенденции связаны с коренной ломкой целлюлярной теории. Наука, как и жизнь, движется толчками. В XIX веке развитие естествознания в корне разрушило спекулятивную гуморальную теорию, до того, что само понятие конституции стало синонимом невежества. Сейчас развитие естествознания (био-химия, физическая химия, учение о внутренней секреции) возрождает снова гуморальную теорию в новом виде, как гуморальную корреляцию органов гормонами внутренней секреции. Если при целлюлярной теории организм строился из клеточек, как отдельных кирпичей, то сейчас, напротив, жизнь каждой клетки в свою очередь определяется химическим воздействием на нее секретов организма. Кроме того, клеточка, так же как межклеточная ткань, представляет собой сложный физико-химический аггрегат, продуцирующий в организм свои секреты. В высших организмах эти секреторные функции дифференцируются в органах внутренней секреции. Белов в книге «Физиология типов» термином эргон обозначает объединение всех физико-химических начал, влияющих на организм. «Эргоны, — говорит Белов—вырабатываются решительно всеми органами и тканями живых образований». При таком понимании старое воззрение Вирхова о том, что существуют только местные болезни, теряет все свое значение. Напротив, сейчас мы имеем дело уже не с болезнями, а с больным организмом, ибо с одной стороны каждое патологическое изменение органа влечет за собой физико-химические пертурбации в жизни всего организма, с другой — само заболевание вызывается возбудителем при условии предрасположения, т.-е. в связи с общей физико-химической структурой организма. Чем сильнее действуют внешние факторы, тем меньшее значение приобретают внутренние, — и наоборот. Таким образом, патологические процессы связаны в основе с физико-химической

структурой организма. Но физико-химические изменения вызывают на-ряду с патологическими процессами, также и изменения всех отправлений организма, всех его морфологических функциональных эволютивных свойств. Связь между физико-химическими процессами и всеми отправлениями организма является строго-установленным эмпирическим фактом. Но если под влиянием одной причины мы получаем одновременно самые различные изменения организма, то естественно, что между всеми ними необходимо установить самую тесную связь. Вот этим опытным путем установленные связи или корреляции и составляют живой нерв конституционального учения. Не останавливаясь подробно на вопросе о систематике конституций, необходимо подчеркнуть, что все схематические построения конституции на основании каких-либо общих принципов и при отсутствии корреляций не имеют существенного значения. Напротив того, приобретают существенное значение все опытным путем установленные корреляции различных признаков организма, особенно в связи с определенными физико-химическими изменениями (астеническая, артритическая, лимфатико-гипопластическая, евнухоидизм, инфантилизм и т. п.).

Таким образом, из предыдущего совершенно ясно, что конституция должна быть отождествлена с физико-химической структурой организма. При этом теоретически не является существенным, представляет ли конституция комплекс только наследственных или всех физико-химических свойств человека, ибо между теми и другими должна существовать самая тесная связь. При таком понимании словесный спор в понимании конституции теряет все свое значение. Генотип не есть нечто абсолютно устойчивое. Сами наследственные свойства или гены могут быть различной устойчивости; так, например, генотип человека устойчивее генотипа расы, последний — устойчивее генотипа рода и т. п. С другой стороны, физико-химические изменения, происходящие при жизни организма, так или иначе проявляются в наследственной изменчивости. Если б этого не было, никакой филогенез не был бы возможен. Неопределенные результаты эмпирических исследований наследственной изменчивости доказывают только несовершенства техники исследования. Немилов в «Новых идеях биологии» в IX выпуске совершенно правильно указывает: «Трудно представить себе, чтобы во всем этом круговороте влияний половые клетки могли сохранить свое полное безразличие и независимость, как это следует по старинной теории Вейсмана. Гораздо естественнее допустить, что соматическая индукция на половую плазму имеет место всегда, но только ее трудно выявить в доступной для наблюдения и безупречной с экспериментальной точки зрения форме». Интоксикации алкоголем, сифилисом и другими агентами повреждают половые клетки и отражаются, таким образом, на потомстве. Но эти повреждения не являются вполне устойчивыми и, по

современным воззрениям, не отражаются на самой зародышевой плазме. Однако нам известны и устойчивые изменения, проявляющиеся в мутациях. Мутационная изменчивость может быть обусловлена только влиянием соматической среды на идиоплазму. Всякое иное объяснение мутаций под влиянием комбинации свойств родительских клеток или по внутренним, независимым от среды изменениям зародышевой плазмы, является необоснованным виталистическим объяснением. Но при существовании мутационной изменчивости все изменения генотипа могут проявиться в следующем поколении потенциально, подготовляя почву для мутационного взрыва. Изменчивость конституции может и не проявиться в ряду поколений. Таким образом, конституция является одновременно наследственной и изменчивой, при чем оба эти ее качества ни в коей мере не противоречат друг другу. Реакционные тенденции учения о конституции как раз и проявляются в абстрактном схематическом понимании конституции, как неизменной сущности. Так, Тандлер говорит: «то, что в индивидууме изменяется под влиянием внешней среды, никогда не составляет его конституции». Матес подчеркивает: «конституция неизменна в течение всей жизни и недоступна внешним влияниям». С точки зрения указанных авторов, разделяемой и многими другими, конституция является фатумом, предопределяющим заранее, независимо от внешней среды, жизнь данного индивидуума и всех последующих поколений. Логически развивая эти взгляды о неизменяемости конституции под влиянием внешней среды мы приходим к выводу, что филогенетическое развитие происходит в основе благодаря внутренним, независимым от внешней среды, изменениям зародышевой плазмы; иначе говоря, мы имеем здесь дело с виталистическими тенденциями. Правда, здесь возможны другие выводы. Так Мартиус говорит: «то, что было в истории развития, не указ строго законченному человеку». Но такое утверждение, совершенно необоснованное, означало бы собой остановку в развитии и невозможность дальнейшего усовершенствования человеческой природы. Эти действительно реакционные тенденции конституционального учения вызывают у многих совершенно естественное предубеждение против этого учения и полное отрицание в нем всяких научных основ. Но такое полное отрицание не в силах бороться против реакционных тенденций, поскольку ничем не ограниченная возможность индивидуального развития нивеллирует индивидуальные биологические склонности личности, уничтожая, таким образом, связь между наследственной и индивидуальной изменчивостью. Пластичность человеческой природы проявляется не только в ее изменчивости, но и в более широком диапазоне развития наследственных склонностей. Чем сложнее и дифференцированнее социальная жизнь, тем, при одинаковых социальных условиях, резче, ярче и рельефнее проявляются индивидуально наследственные

черты личности. В противоположность крепким, неподвижным и устойчивым инстинктам животного, инстинкты человека, необычайно лабильны, подвижны и пластичны, являясь прекрасной почвой для развития сложных систем условных рефлексов. Фрейд вскрыл эту необычайную энергетическую подвижность полового влечения со всеми его превращениями, вытеснением, сублимацией и т. п. Именно в этой пластичной подвижности и таится возможность более многообразного, лабильного и скрытого перенесения наследственных склонностей.

III.

Переходим к вопросу психической конституции. Подобно тому, как соматическая конституция является проблемой общей патологии, психическая конституция относится к психо-патологии и психиатрии. Необходимость конституционального подхода ощущалась в психиатрии гораздо острее, чем в соматической медицине. Основной этап развития психиатрии заключался в переходе от внешних симптоматических принципов классификации к клинико-нозологическим, установленным в классической форме Крепелином. При этом очень ярко выделились, на-ряду с экзогенными, также и психогенные и эндогенные формы заболеваний. Эндогенные психозы, проявляя, главным образом, наследственное предрасположение, тесно связываются с характером и личностью больного. Отсюда появились тенденции к изучению препсихотических состояний, пограничных случаев и связанного с болезнью характера больного. В России особенно ярко эти вопросы разрабатывались Ганнушкиным и Сухановым. Так Ганнушкин еще в 1914 году писал о возможности существования шизофренической конституции, связанной с определенным острым душевным заболеванием. Учение Фрейда о механизмах бессознательного, дало мощный толчок к изучению самого содержания и механизмов психозов, благодаря чему еще больше усилились тенденции связывать психоз с психопатическим и даже нормальным характером. Между психозом и характером устанавливается самая тесная связь. Учение о внутренней секреции и наследственности углубило еще больше эту связь и в свою очередь создало новую связь с соматическими изменениями организма. Кречмер в своей книге «Телосложение и характер» завершил эти тенденции, дав сложные корреляции между психозом, темпераментом, телосложением и соматическим предрасположением.

Выше мы уже указывали на необходимость изучения личности в ее целом. Эмпирически-выделенные конституции получают реальное жизненное и научное значение только тогда, когда они представлены в психо-соматическом единстве. Кречмер как раз и сделал первую серьезную попытку представить это единство, выявив физический коррелят двух полярных психических состоя-

ний в зависимости от различного химизма крови и внутренней секреции.

Эмпирически установленной является тесная связь между инстинктами и влечениями с одной стороны, и физико-химическим состоянием организма — с другой. Инстинкты и влечения являются энергетическими выражениями физико-химических процессов, отражая наиболее глубокую интимную связь между психикой и соматикой. Бехтерев в «Основах рефлексологии» говорит, что «никакое механическое мировоззрение не может дать объяснения психических явлений, ибо психическое не может быть выведено из атомов. Но с развитием учения об энергии явилась возможность и психические процессы рассматривать как проявление энергии». Известно, что основным источником жизненных процессов является избыток энергии, получающийся в результате преобладания процессов поглощения над их тратой. Этот избыток и представляет те свойства живой материи, которые физиологически обозначаются как раздражимость, а психологически как влечение, импульсы, аффективность. В «Медицинской психологии» Кречмер определяет темперамент, как комплекс импульсов. «Темпераменты покоятся на корреляци между сецернирующими тканями и железами внутренней секреции с одной стороны, и мозгом — с другой, через посредство химизма крови. Аппараты представления и движения погружены в сферу аффективного движения, так же как нервные клетки плавают в циркулирующей жидкости». Темперамент, по Кречмеру, накладывает свой отпечаток не только на характер, но и на интеллект; вообще все то, что происходит по пути условных рефлексов, определяется и окрашивается темпераментом. В книге «Телосложение и характер» Кречмер, соответственно двум обширным кругам психозов и в тесной связи с физическим складом, выделил два основных типа темпераментов — шизоидный и циклоидный. Различие этих темпераментов проявляется в различии эмоциональных реакций, динамики темпа, моторной и социальной установки. Но в сущности, все эти проявления отражают собой различные способы движения энергии. Так называемая психо-эстетическая пропорция, характерная для шизофрении, отражает взрывчатое течение энергии в ее характерных переходах от «потенциальных» задержек к динамическим разряжениям и энергетическим опустошениям организма. Диатетическая пропорция, характерная для циклотимии, отражает равномерное течение энергии, проявляющееся в быстрых или медленных движениях. Таким образом, конституцию, в ее психосоматическом единстве, мы можем себе представить энергетически, как химический аккумулятор энергии. Книга Кречмера, представляющая интерес как результат тонких эмпирических наблюдений и широких научных обобщений, грешит теоретическими пробелами, отражающими противоречия и реакционные уклоны

учения о конституции. Так, в теоретическом обосновании конституции Кречмер отмечает изменчивость под влиянием различных экзогенных факторов всех тех компонентов, которые в сумме своей составляют конституцию. Казалось бы, что эта изменчивость конституции во всех ее коррелятивных проявлениях логически вынуждает связывать все эти корреляции с действием внешней среды. Но такая задача не приходит даже в голову Кречмеру. Напротив, все эти изменения являются только осложняющими моментами, нарушающими общую картину конституции. Между тем установление тесной связи между экзогенными и эндогенными влияниями могло бы пролить свет на этиологические моменты образования различных конституций. Во второй части книги, в изучении темпераментов, эти тенденции проявляются в игнорировании сложных социальных влияний, в конечном итоге определяющих общую установку личности. Такое игнорирование является особенно рискованным и опасным, благодаря тому, что Кречмер кристаллизирует очень широко наследственные биологические склонности во всех проявлениях социальной жизни. Широкий биологический уклон мог бы иметь большие научные основания только при самой широкой социологизации личности (т.-е. изучении классовой природы, воспитания, профессии, образа жизни и. проч.). Очевидно, к сложной системе связей, установленных Кречмером, необходимо присоединить самую основную и существенную связь, связь социальной среды, сквозь призму которой действует весь комплекс внешних влияний. Экзогенные и эндогенные влияния должны изучаться одновременно, иначе все построения оказываются односторонними и объективно не обоснованными. Если, с одной стороны, действие социальной среды развивает в определенном направлении наследственные склонности, то с другой—сами эти склонности несут на себе следы влияний социальной среды на предыдущие поколения. Очевидно, действие социальной среды должно изучаться не только в отношении к испытуемому, но и в связи с его наследственностью. Только при таком широком социальном захвате проблема конституции получает огромное научное и революционное значение. Практические тенденции, которые связаны с изучением конституции, получают, таким образом, следующую формулировку: изучение личности в ее целом в тесной связи с коллективом и всем комплексом условий социальной среды. Такие тенденции, как видим, полностью отвечают практическим целям коммунистического воспитания и соответствуют диалектическому пониманию психических процессов. Но для воплощения этих тенденций в жизнь необходима научная разработка вопроса о методе изучения социальных факторов и самой методики психологического исследования. Разработка этих вопросов и является ближайшей задачей психопатологической секции Государственного Института Экспериментальной Психологии.

ПРОБЛЕМА ОДАРЕННОСТИ И МАРКСИЗМ.

В. А. Артемов.

Постановка и некоторое разрешение проблемы одаренности в современной, так называемой, эмпирической психологии наиболее типично для последней, поскольку в ней четко и вполне определенно отображаются все ее специфические черты, интересные для нас с точки зрения их недостаточности. С другой стороны, эта проблема в науке о поведении человека, очевидной и вполне законной наследнице всех прошлых направлений психологии, является, быть может, наиболее благодарной для ее обоснования с марксистской точки зрения. Поэтому анализ интересующей нас темы будет иметь две цели:

1. Критику проблемы об измерении одаренности в так называемой эмпирической психологии и

2. Утверждение через эту критику принципиальных положений постановки вопроса о социальной пригодности, которым мы всецело заменяем первую проблему.

В силу последнего соображения, т.-е. в силу замены проблемы об измерении, так называемой, общей или умственной одаренности вопросом об измерении социальной пригодности, в то время, когда первая проблема уже имеет свою историю, наш анализ будет строго ограничен тем кругом вопросов, которые в ней более или менее уже оформлены. Он будет касаться дошкольного и школьного возраста человека, хотя казалось бы, что для вопроса об измерении социальной пригодности наиболее интересен был бы взрослый человек. Это нам необходимо предпринять из чисто полемических целей, поскольку вопрос об измерении одаренности, повторяем, имеет свое вполне определенное прошлое и положение в настоящем.

Затем, хотелось бы также указать и на то, что настоящая статья является выборочной частью из моей значительно более широкой работы на ту же тему. В силу печатных условий, она не могла быть особенно обширной, поэтому пришлось некоторые ее положения высказывать в значительной степени догматически

без доказательств в то время, когда они тщательно проанализированы мною в специальной работе, которая будет сдана в печать в самое ближайшее время.

Объективные данные, обусловившие возникновение проблемы об измерении одаренности, как в теоретическом, так и в практическом отношениях, образовались лишь в последних десятилетиях прошлого столетия, когда эволюция рациональной психологии в эмпирическую окончательно была завершена ее переходом на экспериментальный метод исследования. Эта проблема ярче всего характеризовала новое течение психологии, но она в то же время не менее ярко указывала на все еще продолжающуюся связь эмпирической психологии с рациональной, поскольку в первой изменился, по преимуществу, лишь метод, а содержание, предмет изучения неизменно остался все тот же. Эмпирическая психология по-прежнему изучала и изучает все ту же душу, только вместо термина «субстанция» применяет к ней определение «центральной духовной способности», сущности, которая не зависит ни от среды, ни от воспитания—образования, т.-е. неизменна, иначе—является «субстанцией».

В дальнейшем мы укажем также на связь, так называемой, эмпирической психологии с метафизической. Сейчас же нам важно дать анализ постановки проблемы об измерении, так называемой общей одаренности в эмпирической психологии.

Собственными признаками, так называемой, эмпирической психологии, вообще говоря, являются следующие:

1. Перевод души—субстанции рациональной психологии в явления психического порядка «единой душевной жизни», которая, наряду с материальным содержанием, имеет также и формальные свойства. Основой этой «единой душевной жизни» является «центральная духовная способность» (сущность), качественная высота которой не зависит ни от какого опыта;

2. расчленение психической личности на унаследованные, в значительной своей части, еще от метафизической психологии абстрактные функции—способности (представления, апперцепция, мышление, сознание и т. п.), которое основано на убеждении, что подобные функции действительно существуют и могут даже быть обследованы и измерены «эмпирически»—(путем самонаблюдения, по преимуществу!).

3. Оперирование с человеком внеклассовым, бесполым, не имеющим никакого воз-

раста, национальной принадлежности и т. п., — так называемый, абстрактный человек.

4. В отношении метода — попытка перейти на количественое измерение проявлений психических функций на основе их экспериментального исследования. Хотя последнее положение по своему существу является для эмпирической психологии скорее декларированным, чем реальным, так как нет никакого сомнения в том, что для нее этот способ исследования не является самым существенным и основным,—он скорее необходимая дань времени, чем ее собственный признак. В ее основе, безусловно, лежит метод самонаблюдения.

5. Самонаблюдение, как фундамент всех построений эмпирической психологии, — ее наиболее характерный признак. Самой крайней в этом отношении является Вюрцбургская школа, где на основе самонаблюдения высокообразованных психологов - философов строятся психологические законы, распространяемые ошибочно на человека вообще. Но и в самых обычных курсах эмпирической психологии мы всегда можем найти указание на то, что психическую жизнь другого человека мы можем понимать лишь путем умозаключения о ней по своим собственным переживаниям.

6. Связь с физиологией на основе учения о психо-физическом параллелизме.

7. Связь с философией на основе тех или иных систем идеалистического порядка. В лучшем случае, но весьма редко, эта связь устанавливалась также с системами позитивными, но никогда не материалистическими.

Таковы были условия, в которых зародилась проблема об измерении одаренности. Естественно, они наложили на нее свой вполне определенный отпечаток, допустив в данном случае некоторую вариацию, которая была необходима по существу дела, поскольку в самой постановке вопроса об измерении одаренности были существенные противоречия с общими фактическими, а не только декларированными принципами, так называемой, эмпирической психологии.

Основной задачей в проблеме об измерении одаренности был вопрос об установлении дифференциальных различий в психическом развитии детей. Следовательно, казалось бы, прежде всего, необходимым было изучение этих различий не применительно к какому-то абстрактному, среднему, так называемому, нормаль-

ному ребенку, а к различным типам детей, соответствующим их социально-классовым, национальным, половым и т. п. признакам. На деле мы видим совсем не то. Правда, некоторая уступка в сторону реальной жизни эмпирической психологией в данном случае сделана, — вместо внеклассового, вненационального, бесполого и не имеющего никакого возраста человека, предметом исследования в вопросе об измерении одаренности стал человек также внеклассовый, бесполый и т. п., но все же имеющий некоторый возраст. Но такой человек младшего возраста, как объект для измерения его одаренности, все же остался крайне абстрактным.

Мало того, самый вопрос об измерении качественных и количественных типических различий психического развития был поставлен таким образом, что он был сведен к исследованию «центральной духовной способности», сущности.

Вопрос об измерении одаренности возник в экспериментальной психологии, как вполне реальная, конкретная, уже достаточно назревшая проблема. Этот вопрос, конечно, был всегда наиболее значительным для великих педагогов всех времен. Только у них не было соответствующего метода, которым они могли бы подвергнуть количественному измерению процесс развития детей, а равно вскрыть данное его состояние. Экспериментальная психология это новое оружие приобрела, но воспользовалась им все для тех же старых целей рациональной психологии, которую принципиально она иногда даже отрицала. Такова сила традиций.

Следовательно, вопрос был поставлен о качественном и количественном измерении так называемых психических способностей, при той принципиальной предпосылке, что эти кусочки, наподобие отдельных кусочков мозаики, составляют цельную картину. Казалось бы, и следовало измерять эти способности, чтобы на их различиях строить дифференциальные различия среди детей.

Но в эмпирической психологии вопрос был поставлен иначе: «И та, и другая задача (исследование качественных и количественных различий) разрешалась и разрешается прежде всего на пути этого дробного исследования отдельных функций, но как по отношению к первой, так и по отношению ко второй задаче естественно возникает вопрос, что же — структура данной психической организации в ее качественном своеобразии, то, что можно назвать в собственном смысле слова индивидуальностью данной личности, исчерпывается суммой ее особенностей в отдельных психических функциях или нет, и по отношению к количественным различиям общая высота психического развития определенной личности есть ли только сумма высот развития отдельных способностей?» [1]).

---

[1]) В. М. Экземплярский, «Проблема одаренности», 1924, стр. 7.

Поставив такой и таким образом вопрос, эмпирическая психология указала, что она слишком недалеко ушла от психологии рациональной. В своем же ответе на этот вопрос она несомненно связала себя с психологией метафизической.

А ответ таков.

Одаренность — общая высота психического развития индивидуума. От понятия общей одаренности следует строго отличать понятие таланта, так как последний всегда лишь высокое развитие определенных способностей, а очевидно не общая одаренность. С точки зрения логической, между прочим, такое определение оставляет желать много лучшего.

Для того, чтобы определить, что такое общая одаренность, на сцену выдвигается уже совсем метафизическое понятие «центральной духовной способности». — «Если взять теоретическую сторону нашей проблемы, пишет В. М. Экземплярский («Проблема одаренности», стр. 8), — выяснение тех предпосылок, из которых исходит установление методов определения одаренности, то можно наметить прежде всего два различных определения понятия «одаренность»: или мы признаем существование общей одаренности, или, отрицая таковую, мы считаем себя вправе говорить лишь об отдельных способностях. Как будто бы признанию наличности лишь отдельных способностей соответствует тенденция современной биологии, которая в ее учении о наследственности исходит из понятия отдельных признаков, так называемых, «генов», передающихся наследственным путем, совершенно независимо один от другого. Со стороны представителей биологических наук нам приходилось слышать такое отрицание общей одаренности, но история нашей проблемы указывает, что у всех исследователей в качестве предпосылки являлось это признание общей одаренности. Правда, в понимании таковой можно отметить несколько тенденций: или предполагается существование отдельной, качественно определенной, центральной духовной способности, высота развития которой и определяет высоту этой общей одаренности; или исходит из понимания одаренности в смысле повышения интенсивности и энергии всей душевной жизни, при большей или меньшей высоте развития отдельных ее сторон. Дается такого рода наглядный образ для этого второго понимания: на данном участке земли могут быть отдельные возвышения и углубления, но таковые нисколько не меняют общей высоты той местности, в которой находится данный участок, над уровнем моря. Даже среди исследователей, которые склонны видеть естественный путь исследования одаренности в определении высоты развития отдельных свойств или способностей и как будто бы исходить при этом из признания, что одаренность равна лишь сумме

этих способностей, мы все же отмечаем ясно выраженное стремление найти зависимость между этими отдельными функциями, установить некоторое основное ядро, которое является определяющим для одаренности, понять таковую в конечном итоге, как некоторый цельный комплекс, а не только, как сумму изолированных функций».

Далее в высшей степени интересным является тот факт, что эта «центральная духовная способность» определяется всецело в терминах интеллектуального порядка и не имеет никакого отношения ни к сфере чувств, ни к воле, употребляя старую классификацию психических явлений эмпирической психологии. Правда, в данном случае мы снова найдем, но лишь у некоторых представителей эмпирической психологии, декларацию о том, что и чувства, и воля одинаково с интеллектом важны в их измерении для определения высоты одаренности, но, во-первых, не все психологи эмпирической школы согласны с этой декларацией, а во-вторых, те, кто ее признает, в своей практической работе чаще всего ее игнорируют. При чем, это игнорирование совершается или без всякого объяснения, или со ссылкой на то, что состояние современной экспериментальной психологии таково, что оно не допускает вполне научного экспериментального измерения этих функций. И лишь очень немногие из психологов эмпирической школы действительно пытались измерить и чувства, и волю, но тогда им было очень трудно оставаться в рамках классификации психических качеств ортодоксальной эмпирической психологии и они так или иначе против нее прегрешали, равно как и против других принципиальных положений этого направления эмпирической психологии, приближаясь к потребностям реальной жизни.

Мы лично полагаем, что в данном случае вина не в неприспособленности даже эмпирической экспериментальной психологии к исследованию сферы чувств и воли, а в традиционном нежелании подойти к этим вопросам, что называется, вплотную. Было бы в высшей степени странным утверждать, что первоначально должен появиться метод, а затем уже конкретно оформиться та задача, которая при помощи него может быть разрешена. Следует достаточно серьезно поставить задачу, появится и метод. Беда вся в том, что никто из представителей эмпирической психологии этой задачи не ставит. И, по нашему мнению, это зависит не от их злой воли, а от того, что эта задача и не может быть поставлена в рамках так называемой эмпирической психологии, поскольку ее постановка означает собой принципиальный пересмотр существующих основ проблемы об измерении общей или умственной прирожденной одаренности, так как ни один достаточно вдумчивый и добросовестный психолог, подойдя к вопросу об измерении одаренности в области эмоций

и воли, не может быть удовлетворен существующими положениями в измерении интеллектуальной одаренности, сводящейся к исследованию «центральной духовной способности». В равной мере, постановка этой задачи повлекла бы за собой коренной пересмотр вопроса о структуре личности, который ни в каком случае не мог бы закончиться в пользу эмпирической психологии. Но, повторяем, известное значение в этом вопросе играет и реакционная традиция научной мысли представителей эмпирической психологии. При чем сама по себе эта традиция имела и имеет глубокие социальные и философские корни, которые часто оставались и остаются непонятными для тех, кто на их основании строит свое научное миропонимание.

В самом деле, почему это в конце XIX и начале XX в.в. так называемая эмпирическая психология, считающая себя к тому же научной, получив достаточно сильный толчек от естественных наук, прежде всего, в форме метода — эксперимента, затем также и в форме детерминирующих указаний на изучение реальной жизни, в нашем случае — дифференциальных различий между детьми, — почему она свернула на изучение «центральной духовной способности», мы сказали уже лучше, сущности, если она не зависит в своем развитии и в каждом данном состоянии ни от какого опыта и определяется исключительно в терминах рациональной психологии?

Для нас ответ один, — таковы были объективные (социально-экономические) условия жизни общества, в которых зарождалась и родилась так называемая эмпирическая психология.

В данном случае для нас было бы необходимым указать:

1) на то философское наследство, которое получила эмпирическая психология от ее матери — психологии рациональной, и

2) На те социально-экономические условия, которые обеспечили передачу этого наследства в достаточной неприкосновенности. Правда, мы должны оговориться, что в процессе передачи наследства некоторые, уж очень старомодные платья были перешиты по-новомодному, но суть дела от этого не изменилась.

К сожалению, в условиях размера данной статьи мы лишены возможности привести тот анализ истории психологии, который приводит нас к подобному заключению. Поэтому в данном случае эти положения, в силу необходимости, приходится высказывать до некоторой степени догматически, имея за собой тщательный анализ этого вопроса.

В результате этого анализа мы пришли к следующим основным положениям, которые, по нашему мнению, вполне ясно указывают на определяющую зависимость современной эмпирической психологии от психологии рациональной, а следовательно свидетельствуют о далеко не эмпирическом характере ее основ:

1) Отнесение психических явлений к единой личности, при том принципиальном условии, что в структурном отношении ее стержнем служит центральная духовная способность, прирожденная и независящая ни от какого опыта, определяемая чисто интеллектуалистически, — является лишь словесной заменой понятия души, как субстанции рациональной психологии;

2) самое понятие центральной духовной способности в таком понимании является не чем иным, как последовательной трансформацией третьего отделения души Платона — души разумной и главенствующей и потому присущей, очевидно, лишь благородному человеку. Поскольку же это третье отделение души было сконструировано Платоном исключительно в целях социальной метафизики и никакого опыта за собой не имело, — это понятие, лежащее в основе постановки проблемы об одаренности в современной, так называемой эмпирической психологии, не имеет никакого отношения ни к какому опыту и потому совсем не эмпирично;

3) основы классификации психических процессов в эмпирической психологии (ум, чувство и воля с мельчайшими подразделениями каждого, особенно первого) — всецело определяющие методическую сторону проблемы одаренности, такая же трансформация Платоно-Аристотельских измышлений, разработанных также в значительной мере и дальнейшими метафизиками так называемых средних веков и нового времени, а в равной мере продолжающихся разрабатываться представителями современной «опытной» метафизики духа;

4) оперирование, с так называемым абстрактным человеком (идеальная норма, а не дифференциальный тип), внеклассовым, вненациональным, бесполым и часто не имеющим никакого возраста (не по декларациям, а на деле) указывает на традиционную передачу этой «научной» привычки от того же Платона-Аристотеля, которые всегда имели дело с «идеальными», а не реальными понятиями и даже предметами. Таковы были принципы их метафизических учений, которые совершенно не подходят для современной науки, считающей себя эмпирической;

5) процесс развития психологии носит строго диалектический характер, поскольку на всем протяжении ее истории мы замечаем две волны — материалистическую и идеалистическую. В условиях современности эмпирическая психология — представительница второй волны, а объективная наука о поведении живого организма — первой.

В настоящее время существует достаточно большое количество различных методик исследования, одаренности детей, по преимуществу, в возрасте школы 1-й ступени, сводящееся к очень немногим основным их типам. Большинство этих методик никакого принципиального психологического обоснования не имеет вовсе. Их авторы в качестве идеологического базиса своей работы имеют лишь современные им традиции наиболее распространенной эмпирической психологии, не относясь к ним достаточно критически. Часто это врачи, плюсом которых является их натуралистическая школа, давшая им научный объективный метод исследования; но их большой минус состоит в том, что иногда они оказываются недостаточно ориентированными в принципиальных положениях психологии, что и ведет к таким курьезам, который случился, например, с Бинэ, трактующим об общей прирожденной умственной одаренности, не зависящей ни от какого опыта жизни человека, т.-е. о понятии неизменяющейся субстанции метафизического порядка в то время, когда его задача имела практически-педагогический характер.

У нас не имеется ни возможности, ни надобности подробно анализировать все эти методики. Мы выберем из них лишь те, которые: 1) наиболее типичны для постановки и разрешения вопроса об измерении одаренности и 2) пользуются наибольшим признанием и распространением. Такими методиками являются системы Бинэ, Россолимо, Мёде-Пиорковского и Лазурского. Предлагая, в данном случае, что эти системы читателям достаточно хорошо известны, мы излагать их не будем [1]), а дадим лишь их принципиальную критику, не вдаваясь, к тому же, в менее важные для нас подробности.

Система Бинэ, пользующаяся в настоящее время всемирным распространением и в свое время послужившая образцом для многих других, более или менее аналогического характера, прежде всего отличается своей общей беспринципностью с точки зрения психологической,—при всем желании, в ней невозможно отыскать какую-либо одну точку зрения, принципиально определяющую выбор отдельных испытаний—тестов. В этом отношении Бинэ бесконечно противоречил сам себе на всем протяжении организации его метода и, конечно, не по своей доброй воле, а в силу необходимости, поскольку он — эмпирик — встал совсем не на эмпирическую точку зрения в принципиальных взглядах на проблему одаренности.

[1]) Желающие могут обратиться к первоисточникам. — 1. А. Бинэ и Т. Симон. «Методы измерения умственной одаренности». Гос. Издат. Украйны, 1923 г. 2. Г. И. Россолимо, «Психологические профили», изд. 2-ое М. 1917 г. и Психологические профили дефективных учащихся». М. 1914 г. 3. Mo de-Piorkowski-Wolff, Die Berliner Beg btenschulen. 3-te Aufl ge, 1919. 4. Под ред. А. Ф. Лазурского. Естественный эксперимент и его школьное применение. Птгрд. 1918 г.

В самом деле, первоначальная задача Бинэ имела чисто педагогически-практический характер. По предложению министерства народного просвещения во Франции, он должен был дать «научно обоснованную» систему испытаний для выделения в школах детей, стоящих по своему умственному развитию ниже нормы. Казалось бы, что наиболее простым и целесообразным разрешением такой задачи, если бы Бинэ не был подвергнут традиционному влиянию далеко неэмпирической «эмпирической» психологии, было бы составление такой схемы испытаний, в основе которой лежало бы принципиальное предположение, что характер разрешения детьми типичного материала школьных занятий, наиболее затрагивающих их умственную деятельность, определяюще указывает на характер их умственной деятельности, — при чем типичность этого материала, в смысле нормализации его разрешения, должна была бы варьировать в зависимости от возраста, пола, социально-классового положения и национальной принадлежности детей. Однако, Бинэ вопрос принципиально поставил иначе. Он стал искать общую, прирожденную интеллектуальную одаренность — метафизическое понятие современной нам эмпирической психологии, не зависящее ни от какого опыта и свойственное абстрактному ребенку, не имеющему ни социально-классового положения, ни национальной принадлежности, ни пола и, очевидно, в первой редакции схемы, и возраста, поскольку испытания в ней не были разнесены по возрастам.

Первые же опыты Бинэ ясно ему показали, что эта метафизическая, абсолютно неизменная и ни от какой среды независящая сущность — общая прирожденная интеллектуальная одаренность — зависит прежде всего от возраста. И во второй редакции своей системы Бинэ расположил тесты уже по возрастам.

Дальнейшие проверки уже второй редакции системы указали: 1) на зависимость некоторых тестов от школьных знаний и 2) на наличие таких тестов, которые требуют знаний, не характеризующих прирожденную умственную одаренность. «Знание своего возраста, знание числа пальцев, название дней недели, — всеми этими маленькими сведениями дети обязаны родителям; мы сочли лучшим эти три испытания устранить [1]). Кроме того, ясно вскрылась качественная и количественная зависимость прирожденной и неизменной общей умственной одаренности от социальной среды. В результате, Бинэ в 1911 году выпустил третью редакцию системы, где, по его мнению, первый и второй недостатки были устранены.

Дальнейшие исследования по системе Бинэ все более и более указывали на тесную зависимость прирожденной умственной ода-

[1]) А. Бинэ и Т. Симон. «Методы измерения умственной одаренности», стр. 132, русск. перевод.

ренности от социальной среды, школьных навыков, пола и т. п., что, казалось бы, должно было подорвать всяческое доверие к такого рода понятию. Однако, последователи Бинэ, не дав себе труда разобраться в принципиальных положениях вопроса, начали упрекать его в недостаточной последовательности и тщательности при выборе тех или иных тестов. Взамен скалы Бинэ они начали предлагать свои исправленные, ничуть не лучшие, по нашему мнению, чем это делал сам Бинэ.

Здесь интересно отметить тот факт, что последователи Бинэ, наконец, дошли до того момента, когда они перестали понимать, что же они, в конце концов, испытывают при помощи его системы. «Самый существенный недостаток скалы Бинэ, по мнению Меймана («Лекции по экспериментальной педагогике», ч. II, русск. перевод, стр. 251 — 2), быть может, заключается в неясности цели всего испытания. И Бинэ не уяснил себе этого, и в определении цели своих испытаний он проделал известную эволюцию. Сначала он, главным образом, хотел провести установление слабоумия или отсталости, значит — достичь разграничения нормальных детей от ненормальных (или развитых выше нормы). Постепенно наиболее важным становилась для него идея установления нормальной одаренности различных возрастных ступеней, а средством для нахождения «постепенно повышающегося мерила интеллигентности» должно было послужить постепенное повышение трудности испытаний. Только тогда у него появляется мысль, что и эта цель не однородна, потому что было неясно, что собственно следовало понимать под этой «интеллигентностью», — тогда он ввел различие между «зрелостью» и «правильностью» интеллигентности. Но как показывают различные мнения американских психологов, и эти понятия не уясняют цели испытаний. Вопрос, главным образом, сводится к тому, хотим ли мы получить общую картину качественного общего психического уклада ребенка в разные годы его жизни, или же должны установить отдельные его способности, или же, наконец, мы, может быть, достигнем первого лишь при помощи второго?»

В конце концов, по нашему мнению, создалось такого рода положение, когда никто из современных последователей Бинэ, если он достаточно добросовестен и если он ставит себе такой вопрос, не знает, что же собственно он исследует.

В чем дело?

Дело в ложности основной принципиальной предпосылки Бинэ — в ложности понятия общей прирожденной умственной одаренности, не зависящей ни от какого опыта. В этом вопросе Бинэ отнесся слишком некритически к эмпирической психологии. Мы уже знаем, что слишком многое в эмпирической психологии

не эмпирично и носит следы влияния, а иногда и непосредственной передачи, со стороны психологии метафизической. Лишь марксизм, как система материалистического монизма, основанного непосредственно на опыте и только на нем, дает достаточные основания вскрыть эту ошибку Бинэ, а вместе с ним и так называемой эмпирической психологии.

В понимании общей прирожденной умственной одаренности Бинэ делает следующие ошибки:

1) предполагает в личности человека, на которую мы должны смотреть, с материалистической точки зрения, как на величину зависимую, в ее филогенетическом развитии, всецело от среды, понимаемой в самом широком смысле, а в онтогенетическом развитии — от среды и отчасти наследственности, — в этой личности Бинэ предполагает наличие какой-то совершенно метафизической прирожденной общей умственной одаренности — способности, не зависящей ни от какого опыта и среды, т.-е. являющейся своего рода субстанцией. Во всяком случае Бинэ ее ищет, хотя весь процесс его искания, казалось бы, должен был настоятельно толкать его на обратное. Для нас, после того, как мы достаточно внимательно проследили историю развития понятия о душе, вполне ясно, что наличие в современной эмпирической психологии такого субстанциального понятия, как общая прирожденная умственная одаренность, не зависящая ни от какого опыта, всецело обусловлено традиционной исторической, трансформацией души Платона, которая имела специальную часть, в целях возможности общения души с умопостигаемым миром. Для нас также достаточно ясны те социально-экономические причины, которые определяли подобные взгляды Платона, этого заклятого врага демократии. В связи с этим, для нас не безынтересны те социологические взгляды Меймана, которые он по данному поводу высказывает на стр. 110 и 111 своих «Лекций по экспериментальной педагогике».

«Чисто практической специальной проблемою, которая должна быть решена на основании исследования одаренности, является столь много обсуждаемый теперь вопрос о группировке учеников по их работоспособности. Крайние формы слабой одаренности, от тупоумных, отсталых учеников до слабоумных идиотов, требуют особых способов воспитания и обучения. И в этом вопросе также голос принадлежит не одной только психологической педагогике; здесь должны приниматься в соображение и экономические и социальные условия. Но все же решающее значение принадлежит психологическому исследованию этих «слабых»; наиболее важно здесь определение того, в какой мере они способны к образованию, группировка их по степеням слабой одаренности, определенное отграничение слабого ученика от среднего ученика и слабоумного от слабого ученика; главным же

образом, только с помощью педагогического эксперимента можно уверенно разрешить вопрос о том, как влияет известное смешение одаренности учеников на весь класс и на его успехи, до какого предела может доходить это смешение, не причиняя вреда в одно и то же время и способным и неспособным ученикам. Совершенно наивным возражением против участия психологии в разрешении этого вопроса является требование, выставленное некоторыми социал-демократами, которые говорят, что родители неодаренных детей имеют такое же право на обучение, как и родители детей одаренных *(курсив наш)*. Какая польза для неодаренных детей от того, что они будут тащиться за общим классом, где им уделяется мало внимания или где они должны напрягаться свыше сил, если в специальных классах они пользуются индивидуальным обучением, улучшающим их способности?».

Очевидно, подобные взгляды могут служить «научным» основанием для отрицания единой школы. А поскольку (по Бинэ) дети обеспеченных классов, в их общей массе, всегда получат по наследству значительно лучшую «общую прирожденную умственную одаренность», чем дети пролетариата, а вернее, к известному возрасту первые окажутся более развитыми, чем вторые, в силу лучших экономических условий их жизни, для детей пролетариата будут закрыты пути встать на ту же высоту их образования, на которой находятся дети буржуазии. Так можно прикрывать «научной» теорией об одаренности в достаточной мере реакционные мысли. Постановка проблемы одаренности у Бинэ, как мы видели на примере Меймана, представляет для этого достаточно благодарную почву в силу своих принципиальных положений об общей прирожденной умственной одаренности;

2) по смыслу всех работ Бинэ возможно заключить, что понятие прирожденной умственной одаренности, как это делает и Мейман, равно понятию социальной пригодности и полноценности. В этом заключается его вторая существенная ошибка. Отсюда же возникли все работы по установлению корреляции между результатами исследования по системе Бинэ и школьной успешностью, при чем целевой установкой таких работ всегда являлось желание найти между ними полное совпадение, — ошибка, основанная на убеждении, что для школьной успешности нужен только ум, при чем всеми последователями Бинэ и им самим делается, помимо того, еще другая весьма крупная ошибка, когда они предполагают, что школьная успешность предопределяет наибольшую социальную пригодность в дальнейшей жизни. Из этих двух ошибок и возникает вся та неразбериха, которая связана с вопросом о корреляции между результатами исследования по системе Бинэ и школьной

успешностью. Хотя, казалось бы, вполне должно быть ясным из повседневного опыта, что школьная успешность базируется вовсе не только на интеллекте, во-первых, и, во-вторых, она вовсе не является гарантией за соответствующий успех в дальнейшей жизни. Лишь конструкция старой школы, в отношении психологии связанная с извращенным интеллектуализмом ее эмпирического направления, могла совершать подобные ошибки. Если бы эти положения были достаточно продуманы, то не было бы никакой необходимости в установлении корреляции между результатами исследования по Бинэ и школьной успешностью в той форме, как это делалось и делается еще до сих пор. Отсюда прекратилась бы нужда в препирательствах о том, что же вскрывают тексты — ум или школьные навыки. Очевидно, и то, и другое, поскольку они самым тесным образом друг с другом связаны, но при всем том, одно из них не может всецело покрыть другое, поскольку школьная успешность базируется не только на интеллекте. Конечно, причиной — уже здоровой — подобных изысканий была естественная потребность в практических результатах, как конечном итоге исследования по такой системе, которая как раз и имела такие практически-педагогические цели, но они ни в каком случае не могли быть получены, поскольку принципиальная теоретическая основа испытаний была построена совершенно неправильно. Это одно из лучших указаний на несостоятельность в практических вопросах так называемой эмпирической психологии. Бинэ в этом виноват лишь постольку, поскольку он не дал себе труда разобраться в принципиальных основаниях эмпирической психологии;

3) третья ошибка в понятии о б щ е й п р и р о ж д е н н о й у м с т в е н н о й о д а р е н н о с т и, — это также относится и к Бине и к эмпирической психологии вообще, — заключается в том, что э т а «с п о с о б н о с т ь» р а с с м а т р и в а е т с я в а б с о л ю т н о й н е з а в и с и м о с т и о т э м о ц и й и в о л и, употребляя старую терминологию. Хотя в данном случае Бинэ снова был обязан заметить противоположные показания жизни и сделать из них соответствующие выводы, когда подобная одаренность не могла проявиться или проявлялась не так, как это было об испытуемом известно заранее, в зависимости от его эмоционально-волевой конституции. Вот почему также не может получиться соответствия между Бинэ, школой и жизнью.

Следовательно, заключая, мы должны указать на то, что Бинэ своей основной задачей имел разрешение вопроса о социальной пригодности ребенка (этому свидетель Мейман) на основе понятия о прирожденной общей умственной одаренности, не зависящей ни от какого опыта и среды и потому, как мы видели, носящей метафизический характер. При чем, во всех своих основных положениях он следовал указаниям так называемой эмпирической психологии, не относясь к ней достаточно критически.

По нашему мнению, весь опыт Бинэ и его последователей — наилучшее доказательство полной несостоятельности его, а равно и эмпирической психологии, в этом вопросе.

Переходим к системам Россолимо и Мёде-Пиорковского [1]).

Обе эти системы также исследуют одаренность на основе признания наличия общей одаренности, определяемой в интеллектуалистических терминах. Если же (у Россолимо) и имеются указания и даже тесты для измерения воли, то эти испытания носят чисто словесный характер и воли, конечно, не испытывают. Но если в системе Бинэ эта общая прирожденная умственная одаренность была краеугольным камнем ее, так сказать, философии, и сама система развивалась в зависимости от изменений взглядов Бине по этому вопросу, то у Россолимо и Мёде-Пиорковского она играет роль лишь как бы само собой разумеющейся предпосылки, имеющей традиционный характер современности. Поэтому наша критика этих систем будет направлена не в эту сторону. По данному же вопросу мы могли бы повторить то же самое, что нами было высказано в связи с критикой Бинэ.

Наше преимущественное внимание мы направим на другие стороны систем Россолимо и Мёде-Пиорковского.

1. Прежде всего обе эти системы грешат порочным интеллектуализмом современной эмпирической психологии. Этот факт особенно непонятен в отношении Россолимо — невролога, имеющего дело с детьми дефективными не только в области интеллекта, но также в области характера, где дефективность определяется прежде всего известными извращениями в эмоциях и воле, говоря языком эмпирической психологии, а умственная недостаточность или играет второстепенную роль или вовсе отсутствует. Вот почему при обследовании по методу профилей дети дефективные в отношении их характера иногда определяются как умственно-отсталые, в то время, когда они умственно или нормальны, или даже одарены. Ясно, что их легкая эмоциональная возбудимость или волевая заторможенность оказались причинами их умственной дефективности. Казалось бы, для Россолимо вся его громадная клиническая практика должна была бы указывать на весьма значительную ценность исследования чувств и воли в определении «силы психомеханики» [2]). И тем более подобные факты обязывают представителей эмпирической психологии подойти достаточно критически к их принципиальным положениям в проблеме одаренности.

---

[1]) Хотя эти системы и разнятся друг от друга по своему содержанию и методической технике, в их основе лежат достаточно одинаковые принципы, позволяющие нам дать критику на ту и другую одновременно.

[2]) Проф. Г. И. Россолимо. «Психологические профили дефективных учащихся», М. 1914 г., стр. 15.

Для Мёде-Пиорковского подобный факт более понятен, но в условиях современной действительности, когда для общества нужен не только умный человек, но и организатор, мы бы не могли уже в силу одного этого признать систему Мёде-Пиорковского удовлетворительной.

В данном случае Россолимо и Мёде-Пиорковский оказались в рамках терминологии и традиций эмпирической психологии, которая далеко не эмпирически подразделяет психическую жизнь на ряд искусственно изолированных одна от другой психических функций. В условиях практической работы было возможно или разрушить эти искусственные, имеющие порочное прошлое, рамки, или на их основе создать систему испытания одаренности, практические выводы из которой оказываются сомнительными.

2. Если система Бинэ была недостаточна в ее принципиальных обоснованиях или, во всяком случае, привела к тому, что последователи Бинэ перестали понимать, что же они при помощи ее исследуют, то она все же имела определенную целевую установку на измерение общей прирожденной умственной одаренности, и каждый тест применительно к этой цели и подбирался, отпадая, если он ей не удовлетворял. Не то мы видим у Россолимо и Мёде-Пиорковского. В их системах каждый тест существует как бы сам по себе, не будучи коррелирован с тем или иным психическим качеством «силы психомеханики» (Россолимо) или умственной одаренности (Мёде-Пиорковский). В конце концов, очень трудно ответить, почему выбраны для испытания именно эти тесты, а не какие-либо иные. Поэтому подбор их задач случаен и, в сущности говоря, тот или иной характер их разрешения ни на что определенное не указывает. Вот почему также одаренные по Россолимо иногда оказываются дебиликами, а Мёде-Пиорковский не может вывести формулу одаренной или неодаренной личности.

3. Та и другая система в своих принципиальных положениях ни в какой мере не связаны с социальной средой. В равной мере, они не учитывают ни пола, ни возраста своих испытуемых в подборе испытаний.

Переходя к естественному эксперименту, предложенному Лазурским, мы должны указать на то, что принципиальные положения этой системы оказываются более удовлетворительными, чем у Бинэ, Россолимо и Мёде-Пиорковского, поскольку Лазурский:

1) совершенно не интересуется вопросом об общей одаренности;

2) содержанием своих задач говорит об измерении личности, в ее психо-физическом целом, — в его системе на-ряду с интеллектом исследуются также чувства и воля.

Кроме того, Лазурский сделал попытку построить такую методику исследования личности ребенка, которая вскрывала бы его поведение в обстановке естественной школьной жизни. К сожалению, Лазурский остался в рамках традиционной классификации психических качеств, как она дается в эмпирической психологии.

Во всем остальном система Лазурского обладает теми же недостатками, как и системы Бинэ, Россолимо и Мёде-Пиорковского, к ним присоединяется лишь невозможность количественного учета результатов исследования.

Подводя итоги нашей принципиальной критики постановки и разрешения проблемы одаренности в современной, так называемой эмпирической психологии, мы приходим к выводу, что в основе этого учения лежат следующие положения:

1) Оперирование с абстрактным человеком, внеклассовым, вненациональным, бесполым и не имеющим психо-физической конституции. Единственным реальным признаком подобного человека является его возраст, определяемый чаще суммарно, а не соотносительно каждому году. Этот человек служит той абсолютно идеальной нормой, применительно к которой измеряется все остальное;

2) собственным признаком этой нормы является известная высота состояния общей прирожденной умственной одаренности, соответственно чему, непосредственным предметом измерения всех систем, за исключением Лазурского, служит эта общая одаренность, характеризуемая как «центральная духовная способность» (сущность), не изменяющаяся, а потому и неизменная (метафизическая субстанция!), не зависящая ни от социально-экономической среды, ни от воспитания и обучения;

3) классификация психических качеств — способностей на ум, чувство и волю, с мельчайшими их подразделениями, что всецело определяет методику систем измерения одаренности;

4) декларация, но именно лишь декларация, о том, что идеальная система измерения одаренности, на-ряду с интеллектом, должна исследовать также чувства и волю. И не следует думать, что невыполнение этой декларации зависит только от несовершенства экспе-

риментальной техники, вернее, здесь следовало бы установить обратный принцип: нет метода, так как в нем не имеется потребности.

Практические результаты от применения всех систем измерения одаренности почти не имеют никакого сколько-нибудь существенного значения. Самая распространенная система Бинэ, как мы видели, в результате своих внутренних противоречий привела к тому, что исследователи перестали понимать, что они исследуют.

Нетрудно заметить, что все принципиальные положения, лежащие в основе современного учения об одаренности, до поразительности совпадают с теми, которые мы выставили выше, как определенно указывающие на полную зависимость современной, так называемой эмпирической психологии от психологии метафизической. И это вполне понятно, так как иначе чем объяснить отсутствие практически-полезных результатов от применения систем измерения одаренности. Современное учение об одаренности находится на ложном пути, поскольку его представители не отнеслись достаточно критически к основаниям эмпирической психологии, характер которых таков, что их слишком трудно назвать эмпирическими, опытными. И это обстоятельство для нас особенно ценно, поскольку, следовательно, ложно обоснованные системы, пущенные в практику, через эту же практику оказались ложными, так как не дали никаких практических результатов. Иначе говоря, пробный камень эмпирической психологии, а таковым безусловно является проблема одаренности, служит не для ее оправдания, а является одним из самых существенных источников ее обвинений. И это особенно важно, так как подобное свидетельство носит уже не теоретический, а практический характер. Вот почему совершенно справедливо мнение: «Прочти сто книг так называемой эмпирической психологии, и ты ничего не узнаешь о поведении человека», так как основа этой психологии не опытная, а метафизическая. Хуже всего в данном случае то, что эта метафизика принимает с внешней стороны опытный характер. В этом смысле в высшей степени интересны мысли Грота, высказанные им в предисловии к «Очерку психологии Вундта», стр. XIX. «Весьма замечательно, что во всех трудах лучших современных представителей экспериментальной психологии в Германии, Франции, Англии и Америке замечается широкая примирительная тенденция по отношению к метафизической психологии. Проблема души не только уже

не изгоняется безусловно из опытной психологии и философии, но делаются часто попытки новой постановки ее на почве опыта, как вообще попытки основания новой «опытной» метафизики»[1]). Состояние проблемы одаренности в эмпирической психологии служит этому лучшим доказательством.

Наша точка зрения на проблему одаренности принципиально иная.

1. Для нас психика — лишь особое свойство высоко организованной материи, при чем внешними объективными формами проявления этого свойства материи являются различные виды ее движения, — пантомимика, мимика, соматические и речевые реакции. Поэтому психологию мы можем определить лишь как науку о поведении животных и человека (зоопсихология и психология просто), при чем формой этого поведения являются уже указанные пантомимика, мимика, соматические и речевые реакции.

2. Поскольку мы не представляем себе иной формы базы для подобного рода науки, кроме марксизма, как системы материалистического монизма, мы не можем рассматривать поведение человека вне его зависимости от социально-экономической среды. Поэтому предметом нашего исследования является не поведение абстрактного, внеклассового, вненационального, бесполого и т. п. человека, а поведение человека, принадлежащего к определенному классу, того или иного экономического состояния, национальности, имеющего пол, возраст и психо-физическую конституцию, соответственно чему мы не имеем никакого права искать абстрактные нормы поведения человека, а должны искать его типические различия применительно к указанным положениям.

3. Вполне понятно, что мы отдаем себе отчет в характере принципиальных положений так называемой эмпирической психологии, достаточно ясно представляем их «опытное» происхождение и потому отбрасываем как несостоятельные. Поэтому для нас понятие «центральной духовной способности» (сущности), иначе прирожденной общей умственной одаренности, не зависящей ни от какого опыта и среды, не может служить критерием одаренности.

[1]) Курсив наш.

Мало того, самое понятие одаренности, в силу его значения в эмпирической психологии, для нас настолько неприемлемо, что мы его всецело заменяем понятием социальной пригодности, что будет более правильно. Иначе, мы будем изучать поведение человека, как организма социального порядка.

4. Поскольку на поведение человека в каждый данный момент, помимо социально-экономических условий, влияет также и его конституция, как фактор биологический, в свою очередь, также зависящий от социально-экономических условий в своем филогенетическом развитии, постольку мы должны учитывать и анатомо-физиологическую конституцию человека, т.-е. в конечном счете мы должны изучать поведение человека, как организма био-социального порядка.

5. В отношении детского возраста проблема социальной пригодности должна иметь две задачи:

а) задачу определения количественной и качественной стороны поведения ребенка, как основы его школьной успешности;

и б) задачу определения дифференциальных типичных форм поведения детей и в целях постановки диагноза их будущей социальной пригодности.

Вследствие последней задачи проблема социальной пригодности должна служить также основой для консультации по вопросам профессиональной пригодности.

ОСНОВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ФРЕЙДА И ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА [1]).

Б. Д. Фридман.

«Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о... революционной эпохе по ее сознанию». Маркс. (Предисловие к «Критике полит. экон.»)

«Явления, воспринимаемые нами в нашем понимании, должны отступить на задний план пред стремлениями, которые мы только еще предполагаем».

(Фрейд. «Лекции по введению в психоанализ», т. I, стр. 72.)

Общая характеристика учения Фрейда и задачи статьи.

Психология, как самостоятельная дисциплина, не может разрешить ряд основных своих проблем, не пользуясь данными или предпосылками других наук, ибо, по существу, она наука, лежащая на границе нескольких дисциплин.

---

[1]) За последнее время теория Фрейда была у ряда авторов предметом разбора в свете марксизма:

А. М. Рейснер в своем докладе «Проблемы психологии и теория исторического материализма» («Вестн. Социал. Акад.» № 3, 1923) выдвигал перед современной психологией, имея в виду, очевидно, теорию Фрейда, задачу объяснения вопросов, поставленных теорией исторического материализма. В своей недавней статье «Фрейд и его школа о религии» («Печать и Революция» № 2, 1924 г.) тот же автор подчеркивает значение сопоставления социологического метода Маркса — Энгельса с методом Фрейда в изучении социальной психологии.

А. Б. Залкинд в статье «Фрейдизм и Марксизм» («Очерки культуры Революционного времени») дает сжатую критическую оценку методологии Фрейда с точки зрения марксизма.

Б. Быховский в статье «О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда («Под знаменем марксизма». 1923, № 12) подробно рассматривает «исходные методологические посылки и итоговые выводы психоаналитического учения в свете диалектического материализма».

В самом деле, человек—объект психологического изучения—должен быть рассматриваем с двух сторон: органической, т.-е. со стороны физических его потребностей и связанных с ними побуждений, и общественной, т.-е. со стороны условий внешнего мира, в которых человек борется за существование.

Раз так, то психология соприкасается в определенных пунктах с биологией и социологией.

Такой психологической теорией, связанной с основными биологическими принципами и пытающейся дать социальное обоснование психическим явлениям, можно считать психологические воззрения венского психопатолога Фрейда, — творца психоаналитического учения.

Психологические воззрения Фрейда представляют собой лишь теоретическую основу его учения о неврозах, или, вернее, обобщающие выводы из него, поскольку это учение является, по существу, «психологической» теорией психо-неврозов. Учение Фрейда, как известно, разбирает вопрос о происхождении некоторых форм нерво-психических заболеваний, при исследовании которых Фрейду пришлось натолкнуться на определенную роль сексуального момента в их образовании. Учение о неврозах возникло под влиянием стремления творца его не только понять эти заболевания, но и найти правильный путь их лечения. Таким образом, и психологические воззрения Фрейда являются продуктом практической задачи, которую он себе в начале поставил. Имея своим предметом данные наблюдения над больными, добытые выработанным Фрейдом психоаналитическим методом, это учение с самого начала получило характер эмпирического обобщения. Фрейд не исходил из каких-либо психологических учений или посылок, а все время шел своим, самостоятельным путем, развивая свои взгляды постепенно, по мере роста его опыта наблюдений и углубления в основную проблему неврозов.

Начав с вопросов об этиологии и сущности неврозов, т.-е. вопросов психопатологии, Фрейд в дальнейшем, на основании своих выводов, получил опорные пункты для исследования некоторых явлений социальной жизни, как, например, религии, мифологии и др.

Таким образом, учение Фрейда, упираясь одним своим концом в биологию, своей вершиной касается социологических проблем (с психологической точки зрения). Это дает возможность рассматривать его учение в свете теории исторического материализма.

Психологические же воззрения Фрейда, по существу, занимаются вопросами об источниках и способах возникновения конкретных форм человеческих мыслей и действий.

В настоящей статье мы намерены подвергнуть оценке психологическое учение Фрейда, как метода исследования человеческой

деятельности, под углом зрения теории исторического материализма. При этом мы постараемся сопоставить воззрения Фрейда с основными психологическими положениями исторического материализма. Однако, прежде чем приступить к нашей задаче, мы считаем необходимым дать сначала краткое изложение основных психологических воззрений Фрейда в определенной концепции [1]). Таким образом, план статьи будет соответствовать обратному порядку намеченных только что целей.

I. Психологические воззрения Фрейда.

1. *Назначение и принципы деятельности психического аппарата.*

Психический аппарат играет подчиненную роль и служит целям организма. Фрейд рассматривает его в эволюционном аспекте. С самого начала психический аппарат является защитным, оберегающим от всевозможных раздражений механизмом.

... «Иначе обосновываемые предположения говорят нам, что этот аппарат следовал вначале стремлению оберегать себя от раздражений и потому при своей первоначальной конструкции принял схему рефлекторного аппарата, которая давала ему возможность отводить по моторному пути все поступающие к нему извне чувственные раздражения». *(Фрейд.* «Толков. сновид.». М. 1913, стр. 403).

Внешние раздражения побуждают аппарат к устранению их. Это осуществляется помощью целесообразных мускульных движений, направленных на изменение организма или его частей. Внутренние же раздражения, в виде определенных физических потребностей, не могут быть устранены указанным способом. Они требуют деятельности, направленной на изменение внешнего мира, при помощи которого возможно устранение этих раздражений.

«Мы можем сказать, что душевный аппарат имеет своей целью одолеть и освободиться от воспринимаемых им извне и изнутри раздражений и возбуждений». *(Фрейд.* «Лекции по введению и психоанализ», т. II, стр. 146).

С количеством раздражения связано ощущение приятного и неприятного. «Накопление раздражения — различными, нас не интересующими способами — испытывается в форме неприятного ощущения и приводит аппарат к движению,

[1]) В нашей литературе до сих пор не было сжатого систематического изложения не принципов Фрейдовской психологии, а ее самой. Когда статья была сдана в печать, появилась критическая статья А. Б. Залкинда («Красная Новь», 1924, № 4), где автор дает также изложение учения Фрейда с общепсихологической стороны.

чтобы вызвать чувство удовлетворения, при котором ослабление раздражения испытывается в форме приятного ощущения. *(Фрейд.* «Толков. сновид.», 430). Такую точку зрения на деятельность психического аппарата, которая принимает во внимание количественную сторону раздражения, Фрейд называет «экономической».

«Мы ставим вопрос, можно ли найти одну главную цель в работе нашего психического аппарата, и с некоторым приближением отвечаем на этот вопрос, что целью этой работы является переживание наслаждения. Как кажется, вся наша душевная деятельность стремится к тому, чтобы получить наслаждение и избегать неудовольствия, что она совершенно автоматически регулируется принципом наслаждения». *(Фрейд.* «Лекции по введ. в психоан.», т. II, стр. 146).

Сущность принципа удовольствия (наслаждения) сводится к регулированию количеств энергии (возбуждения) в психическом аппарате. Поэтому принцип удовольствия, или наслаждения, следует понимать не в субъективном, т.-е. качественном смысле, а в объективном, т.-е. количественном. С этой точки зрения, принцип удовольствия получает у Фрейда следующую формулировку: «Конечную цель человеческой деятельности, которую в качественном отношении можно описать как стремление к получению наслаждения и избегания неудовольствия, с экономической точки зрения представляется задачей, состоящей в том, чтобы справиться с действующим в душевном аппарате количеством возбуждения (массой раздражения) и не допустить его до такого застоя, который вызывает неудовольствие». («Лекции по введ. в психоанализ», т. II, стр. 164).

Принцип удовольствия, хотя и является верховным, господствующим в психическом аппарате, но все же не без известных ограничений. Эти ограничения он встречает с двух сторон: со стороны самих внутренних раздражений и со стороны реальных условий, с которыми связано их устранение. Внутренние раздражения по природе своей отличаются от внешних тем, что соответствуют не мгновенно толкающей силе, а непрерывно действующей. Таким образом, устранение или уменьшение их не может осуществляться, согласно идеальному требованию принципа удовольствия, т.-е. немедленным отводом раздражения по моторному пути.

С другой стороны, внешний мир, при помощи которого только возможно устранение этих раздражений, не всегда к услугам принципа удовольствия.

Под влиянием этих двух обстоятельств — психический аппарат должен был, во-первых, быть готовым дольше переносить внутренние раздражения, во-вторых — учитывать соотношение условий внешнего мира и стремиться к их изменению.

Перед аппаратом возникают потому задачи познания внешнего мира и воздействия на него.

«Таким образом был введен новый принцип душевной деятельности». «Это введение принципа реальности повлекло за собой большие последствия» *(Фрейд)*. Основные функции психического аппарата — рецепторная и моторная — стали теперь служить выдвинутым принципом реальности задачам.

«Возросшее значение внешней реальности повысило роль обращенных к внешнему миру органов чувств и связанного с ним сознания, которое, помимо до тех пор исключительно интересовавших психику качеств — удовольствия и неудовольствия — научилось воспринимать и качества, определяемые органами чувств». *(Фрейд.* «Основные психологические теории в психоанализе», стр. 84.)

Были выработаны функции внимания и памяти. Первая служила предварительному обследованию внешнего мира, вторая — должна была сохранять продукты деятельности первой.

Моторное проявление, осуществлявшее устранение раздражения через направляемые внутрь тела иннервации, стало теперь — при господстве принципа реальности — служить целесообразному изменению внешнего мира. «Оно превратилось в действие». *(Фрейд)*.

Изменились также и способы проявления моторной энергии. Вместо немедленного отвода по моторному пути, как это свойственно примитивному рефлекторному механизму, стала необходимой задержка этого моторного проявления, осуществлявшаяся в форме мышления. «По существу, это (мышление *Б. Ф.*) есть пробное действие, оперирующее с перемещением меньших количеств нагрузки и при меньшей затрате последней». *(Фрейд.* «Осн. психолог. теории в психоан.», стр. 85).

Моторная функция, следовательно, приобрела свойство, во-первых, изменять путь оттока энергии (вместо изменений внутри организма, она стала производить изменения во внешнем мире, что связано с новыми путями иннервации) и, во-вторых, превращать моторную энергию в другие виды психической деятельности (задержка действия заменилась целесообразной функцией — мышлением).

Таким образом, при господстве принципа реальности — достижение конечной цели психического аппарата стало в зависимость от задач, выдвинутых реальностью. Принцип реальности не противоречит принципу удовольствия; он ограничивает его в отношении способа осуществления, но сам же служит ему. Ведь благодаря принципу реальности вообще возможно осуществление принципа удовольствия, так как новые задачи и функции психического аппарата являются, в сущности, только средствами для конечной цели. При господстве принципа реальности, «Я», говорит

Фрейд, «не подчинено вполне принципу наслаждения, а следует принципу реальности, который в сущности тоже стремится к наслаждению, хотя и уменьшенному и отсроченному, но зато вполне верному, благодаря тому, что принималась при этом во внимание и реальность». («Лекц. по введ. в психоанализ», т. II, 147.)

Оба принципа — удовольствия и реальности — которыми регулируются деятельность психического аппарата, указывают на двоякого рода целесообразность, которой аппарат подчинен. Первая — биологическая, вторая — внешняя, имеющая в виду первую же. Следовательно, и вся наша деятельность следует этой двойной целесообразности: внутренней и внешней.

Нам необходимо теперь рассмотреть те моменты, которыми эти два вида целесообразности представлены в психике. Начнем с внутренней целесообразности.

2. Основные источники, или цели человеческой деятельности.

Психический аппарат приходит в движение под влиянием поступающих в него изнутри и извне возбуждений, которые вызывают целесообразные моторные проявления (или их видоизменения).

«Вся наша психическая деятельность исходит из внутренних (и внешних) раздражений». *(Фрейд.* «Толков. сновид.», стр. 384).

Но вся сложность психической деятельности вызывается, главным образом, внутренними раздражениями, которые для своего устранения вынуждают психический аппарат подчиняться принципу реальности. Этот принцип и является настоящим условием развития нашей психики, так как постепенно выдвигает ряд новых целей. Потому мы остановимся здесь только на этом источнике нашей деятельности, т.-е. на внутренних раздражениях.

Внутренние раздражения Фрейд называет влечениями. «Под влечением мы понимаем только психическое представительство непрерывного внутри соматического источника раздражения, в отличие от «раздражения», вызываемого отдельными возбуждениями, воспринимаемыми извне». *(Фрейд.* «Очерки по психологии сексуальн.», стр. 43.)

Влечение есть, следовательно, следствие органического процесса, являющегося раздражением для психики. «Раздражение влечения лучше называть потребностью». *(Фрейд.)* Влечение не совпадает с биологическим явлением в источнике раздражения, а только обозначает его отношение к психике.

Влечения, следовательно, являются научно-вспомогательным понятием, стоящим на границе между психическим и соматическим; «они являются мерилом работы, которая требуется от психики вследствие ее связи с физическим».

Влечение поэтому характеризуется количественным моментом.

«Влечение представляет из себя известную долю активности»... «Признак импульсивного напряжения составляет общую особенность всех влечений, самую сущность их»...

«Под напряжением влечения понимают его двигательный момент, сумму силы или мерило требуемой работы, которую он олицетворяет». *(Фрейд.)*

Все влечения, по существу, однородны, как выражение движущей силы.

«Следует ли предполагать, что различные влечения, исходящие из телесного и действующие на психическое, отличаются различными качествами, и потому в качественном отношении роль их в душевной жизни тоже различна? Для этого как будто нет достаточных оснований; вполне удовлетворительным кажется предположение, что все влечения однородны и действие их зависит от заключающейся в них величины возбуждения, быть может, еще и от некоторых функций этой количественной стороны». *(Фрейд.* «Основы психотеории в психоан.», стр. 109.)

Влечение само по себе не обладает никакими свойствами или признаками. «Самым простым и естественным предположением о природе влечений было бы то, что они сами по себе не обладают никаким качеством...» Только отношение к их соматическим источникам и их целям составляет отличие их друг от друга и придает им специфические свойства». *(Фрейд.* «Очерки по психол. секс.», стр. 43).

«Под источником влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в душевной жизни воплощается во влечении». *(Фрейд.* «Основан. психол. теории в психоанализе», стр. 107.)

«Целью влечения всегда является удовлетворение, которое может быть достигнуто только посредством устранения состояния раздражения в источнике влечения» (там же).

Психологическое изучение влечений касается, главным образом, их целей. «Изучение источников влечения уже больше не относится к области психологии.» «Иной раз, можно, зная цели влечения, с полной уверенностью сделать заключение о природе и характере его источника». *(Фрейд.* «Основн. теор. в психоан.», стр. 108.)

Постоянным признаком данного влечения является отношение к его цели, так как она связана с характером раздражения, обусловленным определенным органическим процессом. Поэтому этот признак и является качественным определением для влечения, как раздражения для психики.

Если действие влечений на психический аппарат однородно, поскольку оно обусловливается количественной стороной, то качественное различие влияний влечений проявляется в различии их отношения к цели и зависит, в конечном счете, от источника раздражения. «То, благодаря чему отличаются друг от друга психические влияния различных влечений, можно объяснить различием источников этих влечений». *(Фрейд.* «Основные псих. теор.», стр. 109.)

Принципом разделения влечений, следовательно, должно быть признано отношение влечения к цели.

С этой точки зрения, Фрейд предложил разделить влечения на две основных группы: влечения «Я», или самосохранения, и сексуальные влечения. Влечения первой группы имеют своей целью сохранение индивида (вида), целью влечений второй группы является сохранение рода.

В пользу разделения на такие группы Фрейд приводит следующие биологические соображения: «Индивид, действительно, ведет двойное существование — как самоцель и как звено в цепи, которой он служит против или, во всяком случае, помимо собственной воли»... «Подразделение на влечения «Я» и сексуальные влечения в таком случае явилось бы только выражением двойной функции индивида». («Очерки по псих. секс.», стр. 122.)

Целям этих двух групп влечений в организме должны соответствовать различные органические процессы. «Обе группы представляются нам только названиями источников энергии индивида, и обсуждение вопроса о том, являются ли оба в своей сущности одним и тем же или чем-то существенно различным, не может вестись относительно понятий, а только относительно тех биологических фактов, которые обозначаются этими понятиями». *(Фрейд,* там же, стр. 201).

Таким образом, конечная цель деятельности психического аппарата, выраженная принципом удовольствия, проявляется в целях различных влечений. Теперь необходимо выяснить, каким образом влечения из чисто количественного момента в психике превращаются в явление, имеющее и качественную сторону. Другими словами, возникает вопрос, каким путем конкретно устанавливается отношение влечения к своей цели. Хотя цель влечения заключается в удовлетворении, т.-е. в устранении раздражения, исходящего из определенного источника, и, следовательно, совпадает с конечной целью деятельности психического аппарата, однако, различие влечения, как мы видели, заключается в различии их целей, т.-е. в стремлении к определенному способу устранения данных раздражений. Отношение влечения к цели, следовательно, связано с отношением к способу удовлетворения влечения.

3. Процесс образования желаний.

Для удовлетворения влечения, т.-е. осуществления цели его — необходимо определенное средство или объект. «Объектом влечения является тот объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели». *(Фрейд.)*

Но объект влечения становится таковым только благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение влечения. Это свойство объект приобретает, когда посредством него, благодаря определенным обстоятельствам, влечение было раз удовлетворено. Тогда ближайшей целью влечения становится получение удовлетворения при помощи данного объекта, обладающего способностью к устранению раздражения.

«Существенной составной частью этого переживания (чувства удовлетворения. *Б. Ф.)* является наличность определенного восприятия, воспоминание о котором с этого момента ассоциируется навсегда с воспоминанием об удовлетворении. Как только в следующий раз проявляется эта потребность, так сейчас же благодаря имеющейся ассоциации вызывается психическое движение, которое стремится вызвать воспоминание о первом восприятии, иными словами, воспроизвести ситуацию прежнего удовлетворения. Вот это-то психическое движение мы и называем желанием» [1]). *(Фрейд.* «Толкование сновидений». М. 1913, стр. 403.)

Желание, следовательно, есть стремление к определенному раз испытанному удовлетворению. Только путем опыта удовлетворение — влечение приобретает характер стремления к конкретной цели, связанной с определенным объектом.

Необходимо выяснить взаимоотношения этих двух понятий.

Влечение есть научно-вспомогательное понятие, стоящее на границе между психическим и соматическим; желание есть конкретное психическое явление.

Влечение — необходимое условие желания, как источник стремления вообще —но для своего существования желание требует удовлетворения влечения. Влечение — результат восприятия раздражения (извнутри), желание — следствие воспринятого удовлетворения (извне), т.-е. устранения этого раздражения. Влечение выражает количественный момент, меру потребной работы для устранения раздражения, желание характеризует и качество данного влечения своим отношением к определенной цели и объекту.

---

[1]) Понятия «воспоминание» и «желание» не должны мыслиться здесь, как сознательные, как это может казаться вследствие субъективного значения этих слов. Текст относится к примеру с ребенком.

Для нашей деятельности необходимо наличие не только влечения, но и желания. Первое есть движущая сила, второе есть направление силы на конкретную цель.

Следовательно, чтобы влечение, как источник активности, могло появиться в виде определенной деятельности, необходимо наличие промежуточного момента в виде направленного на определенный объект желания. Оно является ближайшим мотивом деятельности.

Чтобы выяснить, как возникают различные желания, следует ознакомиться с судьбой желаний в психическом аппарате. Для этого необходимо сначала рассмотреть «структуру» последнего в функциональном отношении.

Психический аппарат не является чем-то однородным целым, а представляет собой сложный механизм, составленный из различных по своим функциям частей. «Мы представляем себе психический аппарат в виде сложного инструмента, составные части которого мы назовем инстанциями или, наглядности ради, системами». *(Фрейд.* «Толк. сновид.», стр. 384.)

Деятельность психического аппарата, с этой точки зрения, следует мыслить всегда в связи с функцией определенной инстанции аппарата. Эту точку зрения Фрейд называет «топической».

Проявление нашей психической деятельности следует рассматривать, как результат взаимоотношения функций этих инстанций, что Фрейд называет «динамической» точкой зрения в психологии.

Эти инстанции Фрейд назвал «системами» бессознательного, предсознательного и сознательного. В основе этого разделения лежит не описательная точка зрения, а функциональная. Отличительным свойством их служат специфические особенности психической деятельности этих систем, а не признак сознательности. Сознание не может характеризовать психическое явление, как таковое; психическое может существовать, не будучи вовсе или до некоторого момента осознанным нами. «Психоанализ не может перенести сущность психического в сознание, но должен рассматривать сознание, как качество психического, которое может присоединиться или не присоединиться к другим качествам». *(Фрейд.* «Я» и «Оно», изд. «Academia», стр. 7.) Психическое по природе своей бессознательно и существует независимо от того, приобрело ли оно качество сознательности или нет.

«В психоанализе нам не остается ничего другого, как объявить душевные процессы сами по себе бессознательными и восприятие их сознанием сравнить с восприятием органами чувств внешнего мира. *(Фрейд.* «Основн. теор.», стр. 130.)

Чтобы подчеркнуть, что признак сознательность не характеризует этих систем, Фрейд предложил обозначать их соответственно буквами «*Бсз*», «*Прсз*» и «*Сз*» («бессознательное», предсознательное» и «сознательное» — соответственно немецким обозначениям — «Ubw», «Vbw» и «Bw», чего мы и будем придерживаться в дальнейшем изложении.

Переходим к рассмотрению функций этих систем.

«Бессознательное составляет регулярную, неизбежную фазу в процессах, лежащих в основе нашей психической деятельности; каждый психический акт начинается как бессознательный, и может таким и остаться, или же, развиваясь дальше, проникнуть в сознание в зависимости от того, наталкивается ли он на сопротивление или нет». *(Фрейд.* «Основн. теории», стр. 79.)

«. . . Психический акт в общем проходит через две фазы различных состояний, между которыми включено своего рода испытание (ц е н з у р а). В первой фазе всякий психический акт бессознателен и принадлежит к системе *Бсз,* если цензура при испытании его отвергает, то ему закрыт переход во вторую фазу, он тогда называется в ы т е с н е н н ы м и должен оставаться бессознательным. Если же он выдерживает испытание, то он переходит во вторую фазу, входит в состав второй системы, которую мы назовем «*Сз*». *(Фрейд.* «Основн. теории», стр. 132). Он принадлежит по своим свойствам сознательно, однако, еще несознателен; он только с п о с о б е н проникнуть в сознание, т.-е. при известных условиях он может без особого сопротивления стать объектом сознания. В виду этого Фрейд выделяет особую систему *Прсз,* которая имеет те же особенности, что и *Сз.*

Таким образом, существование «систем» связано с характером развития психического акта.

Чтобы выяснить, чем этот характер обусловливается, необходимо ознакомиться с с о д е р ж а н и е м *Бсз.*

Если психическая деятельность исходит из внутренних (и внешних) раздражений, то нетрудно понять, что основным содержанием бессознательного—первой фазы психического акта—являются ж е л а н и я, как конкретные психические проявления влечения.

«Ядро *Бсз* состоит из психического коррелята влечений, которые стремятся дать выход своей энергии, т.-е. и з ж е л а н и й». *(Фрейд.* «Основн. психол. теории», стр. 144). Психический акт из системы *Бсз* стремится к моторному проявлению, но осуществить отток энергии при помощи двигательных механизмов аппарата системы *Бсз* не может.

«Сама по себе при нормальных условиях система *Бсз* не могла бы произвести ни одного целесообразного мускульного действия, за исключением организованных уже в рефлексы». *(Фрейд.* Там же, стр. 145.)

Моторная сфера подчинена системе *Бсз.* «Оно *(Сз,* «Я» *Б. Ф.)* господствует над подступами к моторности, т.-е. к оттоку возбуждений во внешний мир». *(Фрейд.* «Я и Оно»).

Таким образом вытеснение создает затруднение для оттока энергии влечения. Осуществление желания, следовательно, связано с переходом психического акта в *Прсз,* т.-е. с процессом их осознания. Последний зависит от отношения системы *Прсз* к характеру направляющихся в нее из *Бсз* желаний. «Психоанализ не оставляет места никакому сомнению в том, что это недопущение бессознательных мыслей в сознание обусловлено исключительно заключающимися в содержании их тенденциями». *(Фрейд.* «Основн. психол. теор.», стр. 79.)

Смысл вытеснения состоит в том, чтобы избегнуть неудовольствия в случае неудовлетворения влечения.

«Опыт показывает нам, что удовлетворение влечения, подлежащего вытеснению, вполне возможно и вызвало бы всегда наслаждение, но оно несовместимо с другими требованиями и планом личности; оно было бы связано, с одной стороны, с наслаждением, с другой — с неприятным чувством. В таком случае необходимой предпосылкой вытеснения является то обстоятельство, что мотив неудовольствия приобретает большую силу, чем наслаждение от удовлетворения». *(Фрейд.* «Основные теории», стр. 91.)

Теперь необходимо выяснить, какое значение имеет вытеснение для влечения, т.-е. какова судьба влечения после вытеснения.

«Несмотря на вытеснение, влечение может находиться в самых различных состояниях, быть бездеятельным, т.-е. располагать очень небольшим количеством психической энергии, или обладать ею в различной степени и благодаря этому быть способным на активность». *(Фрейд.* «Осн. теор.», стр. 98).

Нас должна здесь интересовать участь влечений во втором случае. Сохраняя свою активность, влечение, следовательно, стремится найти соответствующее себе выражение, выход, короче, оно продолжает стремиться к удовлетворению.

Вытеснение, таким образом, не устраняет задачи удовлетворить влечение, а следовательно и стремления как-нибудь проникнуть в *Сз.*

«Доступ в сознание оказывается для них (влечений. *Б. Ф.)* совершенно свободным, если они, благодаря искажению или вследствие большого числа заключенных между ними соединяющих звеньев, достаточно отдалились от основного психического представления, первично связанного с влечением». *(Фрейд.* «Основн. психологич. теории», стр. 93.)

Смысл этого искажения заключается в том, чтобы связь искаженного со своим источником, с первоначальным вытесненным влечением, не была заметна для цензуры, чтобы последняя в искаженном не узнала бы неприемлемой тенденции.

Сущность искажения сводится к тому, что изменяется психическое представительство (представление) влечения.

Дело в том, что влечения, как мы читали, есть лишь мерило активности. В сознании же мы воспринимаем влечения соответственно качественной и количественной его сторон в виде двоякого рода психических коррелятов: представления и аффекта.

«Влечение никогда не может быть объектом сознания, им может быть только представление, отражающее в сознании это влечение, но и в бессознательном, влечение может быть отражено не иначе, как при помощи представления». *(Фрейд.* «Основн. псих. теории», стр. 135.)

На-ряду с представлением, как качественным моментом, необходимо иметь в виду еще и другое, что воплощает влечение и что также может подвергнуться вытеснению. «За этим другим элементом психического коррелята влечения утвердилось название аффекта; последний соответствует влечению, поскольку оно отделилось от представления». *(Фрейд.* Там же, стр. 97.)

Таким образом, говоря о вытеснении влечения и о судьбе его после вытеснения, мы в данном случае имеем в виду не самое влечение, а его отражение бессознательным представлением, не затрагивая количественной стороны, т.-е. активной силы, психический коррелят которой выражается аффектом.

Возвращаемся к вопросу о судьбе влечения после вытеснения.

Одним из путей, посредством которого сохранившее свою активность влечение находит себе удовлетворение или доступ к системе *Прсз,* является, как мы видим, искажение, которое ведет к замене первичного представления влечения другим. «Если мы ограничимся в нашем наблюдении только последствиями вытеснения в части психического коррелята влечения, состоящей из представления, то узнаем, что обычно вытеснение ведет к возникновению заменяющего образования». *(Фрейд.* «Осн. псих. теор.», стр. 98.)

Эти заменяющие образования должны быть так изменены, «искажены», чтобы быть приемлемыми для системы *Прсз,* т.-е. чтобы не встретить отпора со стороны вытесняющей инстанции, «цензуры». Работа этого искажения совершается в системе *Бсз* по законам («механизмам»), свойственным ей [1]), и только результат этой работы становится для нас сознательным. Возникновение заменяющего образования делает возможным возвращение вытесненного, так как противодействие, оказываемое со стороны *Прсз,* чтобы не допустить обратного вторжения влечения, теперь прекращается.

---

[1]) Значительная часть этих механизмов выяснена Фрейдом, особенно в отношении образования такого продукта *Бсз,* как сновидения.

Чем менее приемлемо для сознания влечение, тем строже «цензура» и тем сильнее противодействие, оказываемое ею влечению после вытеснения.

При таких условиях, чтобы вернуться в сознание, влечение должно подвергнуться более значительному искажению, приближающему тенденцию влечения к требованиям цензуры. Может случиться, что заменяющее образование будет обладать тенденцией, совпадающей с тенденцией вытесняющей инстанции, т.-е. будет носить характер, диаметрально противоположный вытесненной тенденции. Тогда заменяющее образование поддерживает своей активностью противодействие первичному влечению. Сила влечения направлена теперь на осуществление не первоначальной тенденции, а как раз противоположной, т.-е. обусловившей вытеснение [1]). Следовательно, заменяющее образование, проникнув в *Сз*, служит теперь цели противодействия проникновению первичного влечения в *Сз*. Этот вид «заменяющих образований» Фрейд называет реактивными образованиями. «Вытеснение часто совершается так, что противоположное вытесняемой мысли чрезмерно усиливается. Я называю это реактивным усилением, а мысль, которая в сознании чрезмерно сильно держится и подобно предрассудку непреодолима, реактивной мысли. С избытком интенсивности реактивная мысль удерживает неприемлемую в вытесненном состоянии». *(Freud.* «Sammlung kleiner Schriften zur Neuroselehre». II Folge., s. 47).

Реактивные образования проявляются особенно интенсивно и не допускают никаких возражений. Сознанием реактивные тенденции воспринимаются, как первично возникшие в «Я» (*Сз*).

Значение «искажения» и «заменяющих образований» заключается в том, что благодаря им создается доступ к *Прсз* вытесненным влечениям, которые в противном случае были бы осуждены на постоянную борьбу с *Сз*.

«Мы можем себе представить, что вытесненное производит беспрерывное давление в направлении сознания, в противовес которому необходимо создать такое же постоянное давление в противоположном направлении. Сохранение вытеснения предполагает, поэтому, постоянное напряжение сил, и прекращение, с экономической точки зрения, означает экономию сил». *(Фрейд.* «Осн. псих. теории», стр. 95).

Таким образом, «искажение», устраняя «вытеснение» и создавая условие для проявления активности влечения, подчинено цели

---

[1]) Примером такого реактивного процесса может служить вытеснение в бессознательное аггрессивности и возвращение ее в сознание в форме крайней кротости и смирения, принимаемой личностью за первичное явление.

удовлетворения последнего. При этом бессознательные стремления должны подчиниться тенденциям *Сз*.

Стало быть, как «вытеснение», так и «искажение», преследуют один и тот же мотив — предупреждение неудовольствия: первое — в случае проникновения влечения в *Сз*, второе — в случае неудовлетворения влечения. Следовательно, оба служат, в конечном счете, принципу удовольствия.

Возникновение же обоих механизмов обусловлено необходимостью для психического аппарата подчиняться принципу реальности, который противостоит влечениям в виде тенденций цензуры (об этом ниже).

Итак, процесс образования определенных стремлений сводится к обработке представлений влечений путем ограничения, либо резкого изменения их тенденций, в результате чего возникают такие «заменяющие образования», которым доступ в сознание легко может быть открыт. Ближайшими мотивами нашей деятельности являются, следовательно, не только первичные влечения, но и заменяющие их тенденции. Первичное влечение сохраняет при этом свое значение источника активности.

Таким образом, значительная часть наших стремлений является р е з у л ь т а т о м борьбы тенденций в психическом аппарате, отражаемой психической динамикой.

4. *Процесс образования рациональных мотивировок.*

Источники или мотивы значительной части наших стремлений, как мы видели, исходят из системы *Бсз*. Но бессознательные влечения становятся доступными нашему сознанию в форме определенных психических продуктов *Бсз*, «отпрысков» его, по выражению Фрейда. Рассматриваемые со стороны сознания, они кажутся последнему либо непосредственно присущими *Сз*, либо результатом деятельности этой системы. Происходит это оттого, что сознанию не дана возможность замечать связь отпрысков *Бсз* с их действительным источником, особенно в тех случаях, когда имело место сильное вытеснение с последовавшим резким искажением влечения, т.-е. при реактивном образовании. Ведь условием доступа в *Сз* является такое искажение, которое не давало бы возможности *Сз* обнаружить в заменяющем образовании признаков его происхождения из вытесненных, а следовательно неприемлемых влечений. Отсюда и свойство *Сз* считать заменяющее образование влечений за тенденции, первично возникшие в самой системе *Сз*. Таким образом, для сознания действительные источники определенных стремлений остаются скрытыми, вследствие чего объяснение их происхождения, даваемое сознанием, не может быть признано фактическим.

«... Явления, воспринимаемые нами в нашем понимании, должны отступить на задний план, перед стремлениями, которые мы только еще предполагаем». *(Фрейд.* «Лекции по введ. в психоан.», т. I, стр. 72.)

Если вспомнить, что реактивные образования обладают тенденциями, противоположными первичным, то ясно, насколько ошибочно в этом случае суждение *Сз* об их источнике. «Ведь тот факт, что в сознательной душевной жизни господствуют определенные тенденции, вовсе не может служить доказательством того, что в психической жизни не имеется и бессознательных тенденций противоположного характера». *(Фрейд.* «Лекции по введ. в психоан.», т. I, стр. 150.)

Возникновение таких замещающих образований с противоположными тенденциями, как мы читали, обусловлено господствующей в системе *Сз* сильной тенденцией, требующей, чтобы первичное влечение оставалось вытесненным. «Возможно даже, что именно преобладание какого-нибудь душевного движения и создает условие для того, чтобы противоположное ему стало бессознательным». *(Фрейд.* «Лекц. и т. д.», т. I, стр. 151.)

Таким образом, разобщенность систем *Бсз* и *Сз,* обусловленная «цензурой» по отношению к определенным тенденциям, является условием неправильного суждения *Сз* о происхождении воспринимаемых им в себе стремлений.

Благодаря свойству *Сз* приписывать себе роль источника в происхождении ряда наших стремлений создается новый способ проникновения в *Сз* вытесненных стремлений. Кроме механизма искажения, изменяющего характер тенденции влечения, *Бсз* пользуется так называемым механизмом рационализирования. Сущность «рационализирования» заключается в том, что сознание старается придавать неприемлемым сначала стремлениям значение тенденций, направленных на осуществление высоких стремлений, господствующих в сознании. Другими словами, *Сз* старается рассматривать эти влечения не как конечные цели, каковыми данные стремления являются в действительности, а как производные от других, вполне приемлемых целей, коим они должны служить. Таким образом, при «рационализировании» конечная цель влечения не только не отрицается, но и оправдывается более высокими мотивами, исходящими из *Сз,* благодаря чему соответствующее влечение получает доступ в сознание.

Смысл механизма рационализирования состоит в том, что при этом связь стремления с истинным его источником, первичным влечением, остается незамеченной сознанием, которое принимает за источник его те мотивы, которые господствуют в *Сз.* В этом отношении «рационализирование» имеет общее с искажением, которое также стремится придавать вытесненному стремлению характер приемлемой для *Сз* тенденции. Но разница заключается

в том, что при искажении конечная цель должна быть заменена другой, при «рационализировании» — конечная цель сохраняется благодаря той новой оценке, которую ей теперь дает сознание. С точки зрения последнего, результат искажения и «рационализирования» сказывается в том, что продукт искажения рассматривается *Сз*, как первично-данное стремление; при «рационализировании» же *Сз* рассматривает стремление, как продукт р а с с у д о ч н о й (логической) деятельности сознания, как вывод из других первичных целеустремлений, господствующих в *Сз*.

Итак, «рационализирование» осуществляет задачу устранения вытеснения, придавая стремлению смысл сознательной целесообразности; при «искажении» же видоизмененная тенденция признается *Сз* без дальнейших мотивировок приемлемой. «Рационализирование» призвано оправдать тенденцию, «искажение» же должно представить ее оправданной. Искажение призвано изменить первичную тенденцию, «рационализирование» — служить прикрытием тенденции перед цензурой. Но самое характерное для механизма «рационализирования» заключается в том, что оно совершается функцией системы *Сз* — мышлением — в то время как процесс искажения совершается в системе *Бсз*. Это, однако, не означает, что «рационализирование» не зависит от *Бсз*. Уже то обстоятельство, что оно имеет своей задачей путем новой мотивировки сделать определенную тенденцию, исходящую из *Бсз;* приемлемой для *Сз*, указывает, что «рационализирование» служит целям *Бсз*. Значение последнего при «рационализировании» состоит, следовательно, в том, что оно определяет логический вывод.

Таким образом, и «рационализирование» есть результат борьбы тенденций обеих систем, который, однако, не приводит к ограничению тенденции *Бсз,* а наоборот, служит даже поддержкой ее. Вопреки связи механизма рационализирования с системой *Бсз,* продукты «рационализирования» принимаются сознанием за истинное основание соответствующих стремлений.

Как и в случае реактивных образований, при механизме рационализирования сознание не замечает, что являющиеся мотивом «рационализирования» «высокие» стремления имеют своим первичным источником очень «низкие» цели [1]). Сознание рассматривает явления в обратном порядке: продукты (соображения) «рационализирования» считает источником, а целью логические выводы из них.

Таким образом, не зная истинного источника стремления, сознание принимает следствие (вытеснения) за причину, так как полагает, что высокая цель, выдвигаемая «рационализированием»,

[1]) Это не значит, что они преследуют низкие цели, а только возникли из неприемлемых для сознания целей.

является настоящей. Но как раз только при этом условии создается доступ тенденции в *Сз*.

Механизмом рационализирования объясняется образование одной сложной психической деятельности, именно «рассудочной системы». Такая «система» характеризуется тем, что все мысли данной «системы» имеют в виду доказать определенное положение (вывод). При этом скрытая цель, которая лежит в основе «системы», не выражена прямо. Характерно для такой «системы» то, что эта цель не осознана самим субъектом. Этим «система» приближается, по своему значению, к «рационализированию», которое является, собственно, «системой» в миниатюре. Поэтому к «системе» относится все, сказанное о происхождении и смысле «рационализирования». Сущностью рассудочной «системы», следовательно, является то обстоятельство, что то, что имеется в виду доказать рассуждениями, не совпадает с тем, что преследуется бессознательно творцом «системы».

Сз же опять-таки принимает вывод «системы» за исходный пункт или движущий мотив рационализирования. Фрейд дает следующее определение «системы», относящееся, правда, к бредовой «системе» при болезненном состоянии, называемом паранойей. «Лучшим признаком образования системы является то, что любой ее результат допускает, по меньшей мере, две мотивировки: одну, исходящую из предпосылок системы, т.-е. возможно и бредовую [1]), и другую — скрытую [2]), которую мы должны признать как, собственно, действительную, реальную. («Тотем и Табу», стр. 106.)

Таким образом, продукты мышления могут иметь свои корни в бессознательном и ошибочно приниматься сознанием за непосредственный результат работы одного только *Сз*.

Роль сознания, в действительности, ограничивается, как мы видели, участием функции логического мышления, источником же и направляющим моментом является тенденция, исходящая из системы *Бсз*.

Таким образом, не только наша активная деятельность, но и мыслительная работа определяются нашими желаниями, часто происходящими из системы *Бсз*. Мышление, следовательно, не может быть понятно вне связи с общими тенденциями психики.

5. Значение бессознательного для сознания.

Нам необходимо теперь резюмировать, на основании сказанного, роль системы *Бсз* для нашего сознательного поведения и мышления. Деятельность *Бсз* является как бы подготовительной стадией работы психического аппарата. Система *Сз* является,

---

[1]) Т.-е. рассудочную (*Б. Ф.*).
[2]) Т.-е. бессознательную (*Б. Ф.*).

с одной стороны, препятствием к осуществлению бессознательных влечений, а с другой—и условием этого, поскольку оно господствует в известной степени над моторной деятельностью.

Но взаимоотношения систем *Бсз* и *Сз* далеко не ограничиваются одним только антагонизмом, выражающимся в «вытеснении», так как нельзя все содержание *Бсз* целиком противопоставить, по своим тенденциям, содержанию *Сз*. Тенденции обеих систем могут иногда совпадать, и тогда они действуют совместно. Если создается такая ситуация, при которой бессознательное стремление представляет из себя тенденцию, совпадающую с таковой же, господствующей в *Сз*, то не только бывает открыт ему доступ в сознание, но последнее идет навстречу, оказывая полную поддержку в осуществлении этого стремления. *Сз* принимает подобные стремления за усиленные тенденции, непосредственно происходящие из *Сз*. Деятельность, направленная на осуществление таких стремлений, подкрепленных бессознательным, отличается особой интенсивностью и непреодолимостью.

«Усиленные стремления проявляются все-таки иначе, чем нормальные: они создают способность к исключительной по совершенству деятельности и проявляют такую же сопротивляемость против возражений, как навязчивые симптомы». (*Фрейд*. «Осн. псих. теории», стр. 51.)

Между системой *Бсз* и *Сз* существует также отношение взаимного влияния. «*Бсз*... всегда влияет на *Прсз* и со своей стороны даже подвергается влиянию *Прсз*». (*Фрейд*, там же, стр. 147.)

Далее, *Бсз* является одним из источников содержания *Сз*; оно обусловливает значительное количество наших сознательных стремлений.

Поэтому то, что мы называем мотивами наших поступков, большей частью следует искать в *Бсз*. «За явными мотивами наших действий стоят несомненно тайные причины, в которых мы не сознаемся, а за ними еще более тайные, о которых мы даже не знаем». «Большая часть наших повседневных поступков есть проявление с к р ы т ы х, нами неосознанных мотивов». (*Freud*. «Massenpsychologie und Ich-Analyse) [1]).

Но не только побудительные стимулы зависят от *Бсз*, но и ряд запрещающих мотивов также имеют связь с *Бсз*, особенно в случае реактивного запрещения.

«Вследствие имевшего место в ы т е с н е н и я, связанного с забыванием — амнезией, мотивировка ставшего сознательным запрещения остается неизвестной». (*Фрейд*. «Тотем и Табу», стр. 44.)

[1]) Цитаты из этой работы Фрейда мной приводятся по русскому переводу (рукописному), сделанному д-ром Р. А. Авербух, любезно предоставившей его в мое распоряжение.

Таким образом, не только неприемлемые, т.-е. вытесненные влечения находятся в *Бсз,* но и вытесняющая тенденция может быть не осознана нами.

«В действительности, не только психически вытесненное остается чуждым сознанию, но также и часть господствующих в нашем «Я» душевных движений, т.-е. самое сильное, — функциональная противоположность вытесненного». (Фрейд. «Осн. псих. теор.», стр. 149.)

Следовательно, с бессознательным связаны не только низкие, неприемлемые тенденции, но и противоположные им. Система *Бсз* приобретает, таким образом, значение не только для органических влечений, но и для «идеальных». «Не только самое глубокое, но и самое высокое в «Я» может быть бессознательным». (*Фрейд.* «Я и Оно».)

6. Роль сексуальных влечений в психике.

До сих пор мы говорили о влечениях вообще и о механике психического аппарата. Собственно говоря, сказанное является лишь абстрагированием от конкретной психической деятельности, связанной, преимущественно, с сексуальными влечениями, так как теория Фрейда занимается изучением последних.

Выяснение взглядов Фрейда на возникновение некоторых сложных психических феноменов возможно в связи с рассмотрением роли сексуальных влечений в психике человека. Предварительно сделаем несколько общих замечаний о сексуальных влечениях вообще.

Прежде всего, необходимо отметить, что в группу сексуальных влечений входят ряд влечений, имеющих значение средства к достижению конечной цели — продолжению рода; их цели — предварительные.

Фрейд называет эти компоненты сексуального инстинкта «частичными» сексуальными влечениями.

Далее, сексуальные влечения отличаются рядом важных особенностей.

«Сексуальные влечения вообще представляются нам более пластичными, гибкими и более способными к перемещению». «Это способное перемещаться либидо работает в интересах принципа удовольствия, содействуя уменьшению перегрузки, и облегчает разряд. При этом нельзя отрицать известного безразличия того, по какому пути пойдет разряд, если только он вообще происходит». (*Фрейд.* «Я и Оно». Ленинград. 1924, стр. 44 — 45.)

Эта способность сексуальных влечений совершать отток своей энергии по различным путям сказывается на отношении их к объектам влечения.

Объектом влечения может стать все то, что способно удовлетворить влечение, т.-е. устранить раздражение.

«Это (т.-е. объект. *Б. Ф.*) — самый изменчивый элемент влечения, с ним первоначально не связанный, и присоединенный к нему благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение».

Эта способность влечения перемещаться с одного объекта на другой может сыграть самую большую роль». (*Фрейд.* «Основные психол. теор. и т. д.», стр. 108.)

Другой особенностью сексуальных влечений является отношение их к цели (влечения).

Достижение конечной цели сексуальных влечений связано с достижением предварительных целей или с удовлетворением частичных влечений. Цели этих влечений могут становиться одна вместо другой, а иногда — по крайней мере, временно — стать на место конечной.

«. . . К одной и той же конечной цели могут вести различные пути, так что у какого-нибудь влечения могут явиться разнообразные и более близкие промежуточные цели, которые могут комбинироваться друг с другом или заменять друг друга». (*Фрейд.* «Осн. псих. теор.», стр. 107.)

Возможна з а д е р ж к а в осуществлении конечной цели вследствие удовлетворения частичного влечения. «Опыт позволяет говорить о влечениях с з а д е р ж к о й в достижении цели при таких процессах, при которых допускается часть удовлетворения влечения, а затем поступает задержка или отклонение от цели». (Там же, стр. 108.)

Наконец, при известных условиях, влечения могут о т к л о н я т ь с я от своей цели и направляться на цели, непосредственно не связанные с целью влечения. При этом, конечно, происходит изменение к а ч е с т в а влечения, десексуализирование его. С «экономической», или количественной, точки зрения, удовлетворение влечения и в этом случае будет иметь место, ибо отток энергии влечения все же происходит.

Этот процесс Фрейд называет с у б л и м и р о в а н и е м. Он становится понятным, если вспомнить природу влечения. Оно представляет только величину раздражения, мерило работы, требуемой от психического аппарата. С этой точки зрения, все влечения однородны. Качество же, как мы видели, определяется отношением влечения к цели. Но вы только что отметили, что сексуальные влечения способны менять свои цели и объекты, в чем, собственно, и заключается сублимирование. Процесс сублимирования нетрудно представить себе, если принять во внимание значение психической динамики.

При помощи последней, под влиянием принципа реальности, первичные влечения могут менять свои тенденции, вплоть до пре-

вращения их в противоположные. Таким образом, уже реактивное образование представляет процесс сублимирования.

«Особым видом сублимирования является подавление, посредством реактивного образования». (*Фрейд.* «Очерки по психологии сексуальн.», стр. 112.)

«Он (процесс сублимирования. *(Б. Ф.)* состоит в том, что сексуальное побуждение отказывается [1]) от своей цели, состоящей в получении наслаждения от удовлетворения частичного влечения или удовлетворения влечения к продолжению рода, и ставит себе другую цель, имеющую только генетическую связь с той, от которой пришлось отказаться, но само по себе уже не сексуальную, а заслуживающую названия социальной». (*Фрейд.* «Лекции», II том, стр. 135.)

Сущность сублимирования заключается в изменении цели влечения, т.-е. в качественной модификации последнего.

«Сублимирование — процесс, происходящий с объектом либидо, и состоит в том, что влечение переходит на иную цель, далекую от сексуального удовлетворения; суть при этом заключается в отвлечении от сексуального». (*Фрейд.* «Очерки по псих. секс.», стр. 136.)

Значение процесса сублимирования состоит в том, что при этом снабжается активностью, т.-е. двигательными импульсами, деятельность, направленная на достижение несексуальных целей.

Таким образом, сублимирование указывает на один из путей, посредством которого сексуальные источники могут питать своей энергией влечения, имеющие другое происхождение.

«Сублимирование, впрочем, представляет из себя только частный случай присоединения сексуальных побуждений к иным, не сексуальным». (*Фрейд.* «Лекции», II т., стр. 136.)

Способность к сублимированию имеет значение для культуры, так как благодаря ему последняя черпает запасы активности человека.

«Он (сексуальный инстинкт. *Б. Ф.*) отдает в распоряжение культуры необыкновенно большую силу вследствие особенной своеобразной способности его замещать свою непосредственную цель без существенной потери в интенсивности. Эта способность замещать первоначально сексуальную цель [2]) другой не сексуальной, но родственной психической, называется способностью к сублимированию». (*Фрейд.* «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность». «Психотерапия». 1912, № 1.)

С психологической точки зрения, значение сублимирования состоит в том, что оно объясняет механизм происхождения

---

[1]) Особым вопросом является, как и когда это происходит.
[2]) Имеется в виду цель частичных сексуальных влечений.

многих из тех проявлений человека, которые оцениваются нами как социальные или этические.

Первично служившие сексуальным целям частичные влечения, отклонившись от последних, могут проявляться как самостоятельные и лишенные материальных целей.

«... Мы приходим к взгляду, что все чувства и отношения, оцениваемые в жизни как симпатия, дружба, доверие и т. п., г е н е т и ч е с к и связаны с сексуальными и развились [1]) из чисто сексуальных вожделений, благодаря ослаблению сексуальной цели, хотя и представляются нашему внутреннему сознательному восприятию абсолютно чистыми и лишенными чувственности». (*Фрейд*. «О динамике перенесения» в сборн. «Методика и техника психоанализа», стр. 99.)

В данном случае мы имеем дело с задержкой на предварительных целях.

Фрейд указывает условия образования нежных чувств из первоначально чувственных стремлений.

«Нас не удивит, если мы услышим, что задержанные сексуальные стремления возникают из непосредственных сексуальных, когда на пути к достижению сексуальных целей стоят какие-нибудь внутренние или внешние препятствия». (*Freud* «Massenpsychologie und Ich-Analyse».)

Таким образом, эмоциональные привязанности людей обязаны своим происхождением частичным сексуальным влечениям, отклонившимся от конечной цели или задержавшимся на пути к ней. Другими словами, сублимирование отдельных компонентов сексуального поведения обусловливает то, что принято в жизни называть любовью не в узко-половом смысле слова.

«Ядро того, что мы называем любовью, образует то, что вообще называют любовью и что воспевают поэты, т.-е. половая любовь с целью полового соединения. Однако, мы не исключаем отсюда и всего того, что вообще совмещается в понятии любви, с одной стороны, себялюбие, эгоизм, с другой — любовь к родителям и детям, дружба и человеколюбие, а также привязанность к реальным предметам и абстрактным идеям». (*Фрейд*, в цитир. месте.)

Процесс сублимирования в виде «реактивного» вытеснения определенных частичных сексуальных влечений обусловливает возникновение многих заповедей морали.

У некоторых невротиков этот процесс — вследствие определенных причин — ведет к усиленной моральности.

«...В характере невротиков, страдающих навязчивостью, нередко проявляется черта преувеличенной совестливости, как симптом реакции против притаившегося в бессознательном искушения». (*Фрейд*. «Тотем и Табу», стр. 80.)

[1]) Представляется задачей особого рассмотрения, как именно это происходит.

Эти нравственные тенденции, являющиеся, по существу, запрещениями, имеют для личности обязательный, принудительный характер, благодаря их связи с *Бсз*.

«Запрещение [1]) обязано своей силой, своим навязчивым характером, именно его отношению к своей бессознательной противоположности, к незаглушенному в скрытом состоянии наслаждению». (*Фрейд*. «Тотем и Табу», стр. 44.)

Вытеснение жестоких или эгоистических стремлений вызывает реактивно противоположные или резко усиленные, компенсированные.

«Если невроз оказывается... нежно альтруистическим, то он этим только компенсирует лежащую в основе его противоположную направленность жестокого эгоизма». (*Фрейд*. Там же, стр. 84.)

Механизм образования отдельных моральных принципов позволяет понять существенную особенность морального явления вообще, заключающуюся в том, что оно не нуждается во внешней санкции, а кажется субъекту вытекающим из сознания необходимости данного поступка или недопустимости другого без дальнейшей мотивировки. Единственным мотивом и стимулом субъект считает свое с о з н а н и е необходимости, называемое совестью.

«Совесть представляет собой внутреннее восприятие недопустимости известных имеющихся у нас желаний, но ударение ставится на том, что эта недопустимость не нуждается ни в каких доказательствах, что она сама по себе несомненна». «Обоснование тут кажется излишним; всякий, имеющий совесть, должен почувствовать справедливость осуждения, упрек за совершонный поступок». (*Фрейд*. «Тотем и Табу», стр. 80.)

Происхождение основного аттрибута совести — немотивированного сознания необходимости—объясняется тем, что противоположное требованию совести стремление вытеснено и поддерживается в бессознательном состоянии, а потому сознательное требование воспринимается как первично данная сознанию тенденция.

Сублимирование частичных сексуальных влечений, таким образом, участвует в образовании так называемых социальных эмоций.

«Мы назовем душевные движения, которые определяются тем, что принимают во внимание другое лицо, но не выбирают его сексуальным объектом, с о ц и а л ь н ы м и». (*Фрейд*. «Тотем и Табу», стр. 84.)

Сексуальные влечения, отклонившись от своей непосредственной цели, присоединяются к другим. «... Сами социальные влечения развились в особые комплексы благодаря слиянию эгоистических и эротических [2]) компонентов». (*Фрейд*. «Тотем и Табу», стр. 84.)

---

[1]) В неврозе навязчивости. *Б. Ф.*
[2]) Сублимированных. *Б. Ф.*

Таким образом, частичные сексуальные влечения, подвергшись реактивному вытеснению или сублимированию, вообще участвуют в возникновении культурных образований. «Наша культура в общем построена на подавлении страстей. Каждый человек поступился частью своего достояния, своей власти, аггрессивных и мстительных наклонностей своей личности; из этих вкладов выросли материальные и идеальные блага культуры». (*Фрейд.* «Культурная сексуальная мораль и т. д.». «Психотерапия». 1912, № 1.)

Явление сублимирования объясняет нам способ («механизм») превращения влечений, преследующих удовлетворение потребностей субъекта, в стремления, имеющие в виду интересы другого лица или общества. Процесс возникновения бескорыстных стремлений из первоначально эгоистических путем реактивного вытеснения позволяет понять, почему сознанию свойственно рассматривать эти стремления как первичные, непосредственно данные *Сз:* благодаря вытеснению, поддерживаемому теперь реактивным образованием, первоначальная тенденция не может связаться с системой *Сз.*

7. Роль реальности для психики.

Мы рассмотрели источники нашей деятельности и способы возникновения стремлений и их мотивировок, т.-е. влечения и их значение в психике.

Выше было указано, что влечения, или внутренние раздражения, потому играют огромную роль в развитии психического аппарата и нашей деятельности, что объектом их удовлетворения является внешний мир. Зависимость их от реальных условий вызвала подчинение деятельности психического аппарата принципу реальности. В психическом аппарате этим принципом представлена внешняя целесообразность нашей деятельности. Под влиянием этого принципа, как мы читали, не только возникли новые психические функции, но все функции аппарата должны были руководиться внешней целесообразностью. Нам необходимо теперь выяснить, какими, именно, моментами последняя представлена в нашей психике. Другими словами, мы должны выяснить влияние внешней целесообразности в процессе образования конкретных целей нашей деятельности и форм ее проявления.

Реальный мир является условием не только удовлетворения влечений, но, как мы видели, также и предварительного формирования их в конкретные целеустремления.

Эту задачу принцип реальности осуществляет психической «динамикой», путем испытания («цензурой») влечений на пути их из *Бсз* в *Сз.* Вытеснение и искажение, обусловливающие окончательный вид представлений влечений, хотя имеют целью удовлетво-

рение неприемлемых для сознания тенденций, т.-е. в конечном счете следуют принципу удовольствия, однако, находятся под влиянием принципа реальности, репрезентируемого функцией системы *Сз* — «цензурой».

Что представляет собой «цензура»?

«Под «цензурой» мы не представляем себе какой-либо особенной силы, а воспользовались этим словом для обозначения вытесняющих тенденций». (*Фрейд.* «Очерки по псих. секс.», стр. 140.) Эти тенденции исходят из особого образования в психике, которое Фрейд называет «идеал Я».

«Побуждением к образованию «идеала Я» послужило влияние критики родителей. . ., а к родителям современем примкнули воспитатели, учителя и весь необозримый сонм других лиц, составляющих общественную среду (окружающие, общественное мнение)». (Там же, стр. 138.)

Следовательно, тенденции, которыми руководится «цензура» при вытеснении, отражают требования внешнего мира, поскольку они выражаются в господствующих социальных правилах и нормах. Таким образом, цензура олицетворяет препятствие в виде внешних запретов, воспринимаемых личностью, как внутренние. Процесс вытеснения становится поэтому возможным только тогда, когда восприятие личностью внешних требований уже совершилось.

Возникает вопрос, каким образом внешние запреты превращаются во внутренние препятствия? Другими словами, как образуется критикующая инстанция — «идеал Я»? Этот процесс Фрейд объясняет механизмом идентификации, т.-е. стремлением субъекта (ребенка или взрослого) отожествить себя с объектами, от которых исходят ограничения. Процесс идентификации происходит через превращение объекта в свой «идеал Я». Результатом идентификации, т.-е. образования «идеала Я», является «водворение» внутрь личности требований объекта. Тогда внешние требования становятся своими, как бы исходящими первично от самого субъекта — из своего «идеала Я».

Таким путем возникает у отдельного человека и совесть, т.-е. сознание необходимости подчиняться определенным правилам.

«Институт совести сначала был, в сущности, воплощением родительской критики, в дальнейшем критики общества — процесс, который повторяется в тех случаях, когда под влиянием сначала внешнего запрета или препятствия развивается склонность к вытеснению». (*Фрейд.* «Очерки по психол. секс.», стр. 138.)

Совесть заменяет санкцию внешней необходимости (боязнь наказания, осуждения) внутренней.

Таким образом, «цензура» («идеал Я» и совесть) у отдельного человека отражают внешние запреты, а процесс вытесне-

ния олицетворяет собой столкновение влечений внутри психического аппарата с этими внешними запрещениями, ставшими внутренними.

Нам необходимо, однако, выяснить условия первоначального происхождения в обществе именно этих последних. Фрейд указывает, «что внутренние задержки в древние периоды человеческого развития произошли от реальных внешних препятствий». («Лекции», том II, стр. 140.) Вытеснение возникло вследствие необходимости подавлять под влиянием реальных внешних условий эгоистические стремления. Заменяющим образованием их становились реальные требования социального порядка.

Таким образом, и «искажение» некогда соответствовало подчинению реальным требованиям, а у отдельного человека характер искажения, определяющего окончательный вид влечения, в настоящее время обусловлен также требованиями реальности в лице тенденций «цензуры». Таким образом, и те стремления, которые воспринимаются нашим сознанием после возвращения вытесненного (искаженного), в действительности, отражают тенденции вытесняющей инстанции, т.-е. опять-таки воспринятое извне.

В таком случае, может возникнуть недоразумение по поводу того, что, с одной стороны, условием образования моральных стремлений является реактивное вытеснение влечений, как мы показали в предыдущей главе, а с другой — они представляют собой воспринятые извне требования среды.

Дело все в том, что там мы говорили о механизме возникновения в обществе нравственных тенденций под влиянием реальных препятствий. Здесь же мы говорили о механизме, образования их у отдельного человека под влиянием социальных требований, т.-е. создавшихся уже вытеснений. По этому поводу Фрейд пишет:

«Тут скрывается тот только смысл, что культура покоится на результатах вытеснения прежних поколений и что каждому новому поколению приходится оберегать культуру, совершая те же самые вытеснения». («Очерки истории психоан.» в сборн. «Основн. теор.», стр. 64.)

То, что было когда-то внешним препятствием, то стало социальным требованием, которое воспринимается развивающимся индивидом и воплощается в «цензуре» и совести.

Реальность имеет значение для развития психики человека. С одной стороны, оно обусловливает возникновение новых свойств, которые, под влиянием тех же условий, в ряде поколений могут унаследоваться. С другой стороны, она у отдельного индивида вызывает к жизни некогда человеческим родом приобретенное.

«По существу, унаследованное вновь приобретается в процессе индивидуального развития, вероятно потому, что те же самые обстоятельства, которые некогда вызвали необходимость приобретения новых свойств, продолжают еще существовать и действовать на каждого в отдельности. Я сказал бы, что в свое время они оказали творческое влияние, теперь они вызывают к жизни уже созданное». («Лекции», II т., стр. 144.)

Но и в настоящее время реальность продолжает оказывать «творческое» влияние на психику. «Не подлежит никакому сомнению, что ход предуказанного развития может быть у каждого в отдельности нарушен, изменен непосредственным влиянием извне». (Там же.)

Приобретение новых предрасположений происходит под влиянием однородных переживаний многих поколений. «Конституциональные предрасположения несомненно представляют собой следы влияния переживаний далеких предков, и когда-то они были благоприобретенными; без такого благоприобретения нет наследственности. И можно ли допустить, что таким благоприобретениям, имеющим своим последствием передачу по наследству, наступил конец как раз у рассматриваемого поколения?». (*Фрейд*. «Лекции», II т., стр. 151.)

Таким образом, реальность является, в конечном счете, решающим условием развития психики.

На-ряду с этим решающим фактором необходимо иметь в виду также и законы биологического развития человека. «Признание жизненной необходимости как двигателя развития не должно, впрочем, побудить нас отрицать значение «внутренних тенденций развития», если можно доказать их влияние. (*Фрейд*. «Лекции», II т., стр. 145.)

Если мы сделаем беглый обзор роли реальности для психики, то увидим, что как характер деятельности, так и развитие психики обусловлены, в конечном счете, реальностью. Разделение психического аппарата на системы *Бсз* и *Сз* вызвано необходимостью подавить такие стремления, осуществление которых встречает препятствия со стороны реальности. Вытеснение есть внутренний механизм, заменяющий и предупреждающий борьбу стремлений с внешними препятствиями. Антагонизм между *Бсз* и *Сз* репрезентирует вражду внутренних тенденций с внешними условиями. Психический аппарат в целом есть арена, на которой происходят столкновения внутреннего с внешним.

Но сами внутренние побуждения—влечения—возникли в зависимости от реальности и конкретизируются ею; в таком случае психическая динамика представляет, в конечном итоге, отражение борьбы самих внешних условий между собой, из которых одни соответствуют более древним периодам жизни человека, следовательно, и развития психики, а другие — соответствуют более позд-

ним. И, может быть, сама борьба оттого и происходит, что старое, закрепленное не хочет уступить и покориться новым условиям реальности!

В итоге, психический аппарат отражает в себе внешний мир не только в смысле восприятия органами чувств определенных впечатлений, но также фактов («динамики») и условий реальности, претворяемые в определенные психические «механизмы» или действующие «институции». Реальность, следовательно, не только обусловливает развитие психики в определенном направлении, но сама как бы переносится в психический аппарат, оседая в нем в форме определенных тенденций. Психика не только отражает, но, следовательно, определенным образом и «переваривает», если можно так выразиться, в себе реальность, так что психику можно назвать внутренней реальностью в противовес внешней.

Резюмируем: как назначение и структура, так предварительная и окончательная— внутренняя и моторная — работа психического аппарата обусловливались и обусловливаются, в конечном итоге, реальностью. Другими словами, то, что в психике есть уже сложившегося, консервативного, то некогда было обусловлено реальностью так же, как в настоящее время действующая (динамическая) сторона психики обусловливается внешними обстоятельствами.

Психика сохранила в себе отпечаток всей истории своего развития от примитивного рефлекторного механизма до сложнейшего нервного аппарата, регулирующего целесообразно всю нашу деятельность, направленную, в последней инстанции, на осуществление жизненных потребностей человека.

II. Психологические воззрения Фрейда в свете исторического материализма.

Для оценки значения учения Фрейда с точки зрения исторического материализма рассмотрим сначала основные социально-психологические положения последнего в свете изложенных нами воззрений Фрейда.

Соответственно плану и концепции предыдущей части статьи, мы здесь остановимся только на двух главных вопросах: во-первых, об источниках и целях нашей деятельности (и мышления), и во-вторых, о роли психики в ряду условий образования конкретного их проявления.

Начнем с первого.

«Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории, в последнем счете, является производство и воспроизводство непосредственной жизни. Оно, в свою очередь, двоякого рода. С одной стороны, это производство средств, необходимых для жизни, предметов пропитания, одежды, жилища

и требующихся для этого орудий. С другой — создание самих людей — продолжение рода». (*Энгельс.* «Происхождение семьи, частной собственности и т. д.». Предисловие.)

Энгельс, следовательно, признает два основных мотива человеческой деятельности: поддержание индивидуальной жизни и продолжение рода. По учению Фрейда, источником деятельности человека являются влечения двух видов: влечения «Я», имеющее своей целью сохранение вида, и сексуальные, цель которых сохранение рода.

Человеческая деятельность направлена на достижение не только этих основных целей, но на осуществление также и таких, которые не имеют непосредственно отношения к ним. Эти цели находятся, однако, в полной зависимости от основных мотивов деятельности и, собственно, служат средством для их осуществления. Конечным мотивам принадлежит, следовательно, не исключительная роль, а только решающая нами.

«Если кто-нибудь это положение (вышеприведенное нами. *Б. Ф.*) извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу». (*Энгельс.* Из письма 21 сентября 1890 г.)

Сложность и многосторонность человеческой деятельности обусловливается, кроме указанных основных мотивов, наличием еще производных, промежуточных целей. Основные мотивы деятельности остаются неизменными, — промежуточные же цели зависят от внешних условий и влияют только на конкретные проявления ее. Будучи связанными с деятельностью, направленной на осуществление конечных целей, эти промежуточные цели служат условием образования форм деятельности. Таким образом, содержание человеческой деятельности, или истории, обусловливается стремлением к осуществлению многочисленных целей, а не только непосредственно связанных с насущными жизненными потребностями; последние являются лишь источником или конечным мотивом деятельности вообще.

Такую же роль источника деятельности Фрейд приписывает, как мы это могли видеть, первичным влечениям. Все другие стремления суть либо производные от них путем того или иного «механизма» — сублимирования или реактивного вытеснения — либо промежуточные, образовавшиеся под влиянием принципа реальности.

Перейдем ко второму вопросу — о роли психики среди условий образования нашей конкретной деятельности. У Маркса и Энгельса этому термину (психике) должно, очевидно, соответствовать «сознание» [1]). Следует напо-

[1]) Термин «сознание», употребляемый нами в смысле Маркса-Энгельса, будем брать в кавычки.

мнить, что термин «сознание» у Маркса и Энгельса употребляется не в том смысле, в каком им пользуется психология вообще или, в частности, учение Фрейда. Творцы исторического материализма понимали под «сознанием» не психическое свойство или качество, а содержание сознательной психики, т.-е. представления, стремления, убеждения.

Как известно, Маркс и Энгельс рассматривали «сознание», как явление обусловленное, подчиненное, в конечном счете, основным мотивам нашей деятельности. «Сознание» есть только другая сторона последней, одно из средств к осуществлению основных мотивов жизни. Оно имеет свою ближайшую цель, определяемую, опять-таки, внешними условиями. «Психология [1]) общества всегда целесообразна по отношению к его экономии, всегда соответствует ей, всегда определяется ею» — пишет Плеханов. «Целесообразная психология так же полезна для общества, как хорошо соответствующие своей цели органы полезны для организма». («К развитию монистического взгляда на историю».) Выражая точку зрения Маркса по этому поводу, Плеханов там же пишет: «У него (Маркса. *Б. Ф.*) экономия общества и его психология представляют две стороны одного и того же явления «производства жизни» людей, их борьбы за существование»... «Борьба за существование создает их экономию, на ее же почве возрастает и их психология».

Сопоставим теперь точку зрения марксизма на роль психики со взглядами Фрейда. В основу воззрений последнего на психику положен, во-первых, принцип биологической целесообразности, который гласит: «Нервная система представляет собою аппарат, на который возложена функция устранять доходящие до него раздражения». Это есть формулировка принципа удовольствия. Кроме этой биологической целесообразности, Фрейд указывает еще на другой принцип, которым регулируется деятельность психического аппарата. Это — принцип реальности. По существу, и этот принцип имеет значение целесообразного момента, только обусловленного не внутри-органическими требованиями, а соотношением условий внешнего мира. Таким образом, деятельность нашего психического аппарата, по Фрейду, руководится принципом двоякой целесообразности, внутренней и внешней, что можно было бы назвать био-социальной целесообразностью.

Что по существу представляет собой «сознание»?

«Сознание, это — отраженное бытие. Отвлеченные, туманные представления в мозгу человека являются неизбежными продуктами возгонки его материального жизненного процесса». (Из работы Маркса «Немецкая идеология» — цитиров. по Адоратскому.)

[1]) Понятие «психология» здесь употребляется в смысле явления, а не научной дисциплины. *Б. Ф.*

Что следует понимать под «отражением», указывает Энгельс в «Людвиге Фрейербахе».

«Все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову; даже за еду и питье человек принимается под влиянием отразившихся в его голове ощущений голода и жажды, а перестает есть и пить, потому что в его голове отражается ощущение сытости». Следовательно, одни побуждения человека представляют собой отражение в психике («голове») ощущений физических потребностей организма.

По Фрейду, влечения организма — источники нашей деятельности — являются психическим представительством внутренних раздражений. Восприятие их *Cз* происходит двояким образом: либо непосредственно, беспрепятственно, либо посредственно, т.-е. преодолением «цензуры» помощью искажения.

«Впечатления, производимые на человека внешним миром, выражаются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, волевых движений, словом в виде «идеальных стремлений»—продолжает Энгельс. (Там же.) Побуждения, являющиеся отражением влияний внешнего мира, Энгельс называет «идеальными стремлениями». Очевидно, под ними следует разуметь такие стремления, которые не имеют непосредственного отношения к удовлетворению основных потребностей человека, а потому выводятся ошибочно из «идей». «Идеальные стремления» — являются продуктом внешних условий, так как они (условия) выдвигают ряд новых целей, ошибочно принимаемых сознанием за самостоятельные. При постоянстве основных мотивов деятельности изменение этих «идеальных» стремлений «сознание» приписывает себе, игнорируя факт собственной зависимости от внешних условий.

«Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями существования людей, с их общественным бытием, изменяются и их представления, взгляды, понятия, одним словом, их сознание?». (*Маркс*. «Нищета Философии.)

Но как это происходит?

По учению Фрейда, зависимость наших стремлений от внешних условий бывает двоякая: непосредственная и посредственная.

В первом случае возникновение стремлений является результатом подчинения психики принципу реальности, выдвигающему ряд новых задач в зависимости от условий внешнего мира. Процесс образования стремлений тут происходит таким путем, что под влиянием внешней целесообразности возникают новые предварительные цели, которые служат основным влечениям и потому пользуются активностью последних. Это — промежуточные или частичные влечения. Они будут казаться сознанию первичными, когда конечная цель их отодвигается под влиянием реальных условий или вытесняется

в *Бсз.* Кажущаяся самостоятельность стремлений в последнем случае объясняется тем, что связь сознания с первоначальным влечением нарушена.

Кроме того, реальные препятствия к достижению целей становятся психическими задержками, а внешние требования превращаются во внутренние побуждения, образуя психические силы, называемые институтами совести и «идеала Я». Источник силы этих психических моментов, отражающий силу реальности, остается для сознания скрытым, так как сами вытесняющие тенденции стали бессознательными.

Во втором случае возникновение производных стремлений под влиянием внешних обстоятельств связано с вытеснением под влиянием воспринятых личностью требований среды, отражающих реальные соотношения внешнего мира. Возвращение в сознание вытесненного в форме «заменяющего» образования, искаженного под влиянием тенденций «цензуры», отражающей внешние требования, является условием образования стремлений для личности.

Эти образования фактически не создают новых стремлений, а только представляют имевшиеся уже в лице «цензуры». Зависимость их от внешних обстоятельств, следовательно, посредственна.

Условием, благодаря которому эти стремления кажутся сознанию непосредственно данными изнутри, является вытеснение, преграждающие доступ в *Сз* первоначальному влечению.

«Идеальная» мотивировка сознанием этих стремлений основана на том, что и вытесняющая тенденция («цензура») рассматривается сознанием первично внутренне данной.

Итак, по учению Фрейда, «идеальными» становятся, во-первых, стремления к предварительным целям («частичные влечения») при «вытеснении» конечных целей, которым они служат средством, вследствие чего они и кажутся первично самостоятельными, независимыми стремлениями, или при отклонении их на другие цели (сублимирование в случае сексуальных влечений), благодаря чему генетическая связь этих стремлений с первичными влечениями не сознается, во-вторых, реактивные образования, заменяющие первоначальные желания требованиями внешнего мира, ставшими внутренними. Таким способом возникают в психике «общественного» человека «идеальные» стремления, которые становятся господствующими в обществе в определенную эпоху.

Системой неправильных отражений мотивов или источников человеческой деятельности является «идеология» [1]). Энгельс дает

[1]) Мы употребляем термин «идеология» в том смысле, в каком их обычно употребляют Маркс и Энгельс, а потому будем брать его в кавычках. По этому поводу см. статью Разумовского об идеологии в «Вестн. Соц. Акад.» за 1923 г., № 4.

точное определение и вместе с тем исчерпывающее объяснение возникновению «идеологии», с психологической точки зрения. «Идеология, это — мыслительный процесс, который проделывает так называемый мыслящий человек, хотя и с сознанием, но с сознанием неправильным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Человек создает себе, следовательно, представление о ложных или призрачных побудительных силах. Так как это процесс мысли, то человек и выводит как содержание, так и формулу его из чистого мышления своих предшественников. Этот человек имеет дело исключительно с материалом мыслительным, без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением и не занимается исследованием никакого другого процесса, более отдаленного и от мышления независимого. Такой подход к делу ему кажется само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие основано, в последнем счете, на мышлении, потому что совершается посредством мышления». (Из письма Энгельса к Мерингу от 14 июля 1893.) Здесь Энгельс ясно указывает, отчего происходит ошибочный характер суждения «идеолога». Так как всякая деятельность совершается посредством мышления, ибо все, что побуждает человека к деятельности, проходит через его голову, то мышление принимается за источник побуждения. Ошибка «идеологии» заключается в том, что она допускает независимость мышления («сознания») от других явлений, которых потому и не исследует. Все дело здесь в том, что истинные движущие силы, побудительные мотивы остаются для «идеолога» скрытыми [1]).

Сущность «идеологии» заключается, следовательно, в том, что она стремится выводить определенную человеческую деятельность или побуждения к ней первично из работы или содержания мышления, считая последнее, в свою очередь, не обусловленным извне процессом.

С точки зрения учения Фрейда, способ происхождения «идеологии» объясняется механизмом рационализирования, которым обусловлен процесс образования «рассудочных систем» вообще. При описании этого явления мы уже указывали, что целью его является прикрытие истинных мотивов стремления более высокими, «идеальными», исходящими первично якобы из *Сз*. То обстоятельство, что действительные источники стремле-

[1]) См. у Разумовского: «Основная черта идеологов — субъективная искренность, бессознательное для самого себя выражение представлений и интересов какого-либо класса». («Вестник Соц. Академии» 1923 г., № 4, стр. 251.)

ния остаются для личности незамеченными, объясняется связью этого процесса с системой *Бсз.* Условием образования «системы», или рационализирования, является необходимость избегнуть осуждения определенной тенденции со стороны *Сз*, почему возникает необходимость оправдать их [1]).

Механизм рационализирования объясняет нам способ образования в обществе определенной «идеологии» через посредство творящего её человека — «идеолога». Прежде всего требуется, чтобы «идеолог» не сознавал истинного источника побуждений, которые он старается выводить из «сознания». «Что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается данный процесс мышления, определяют его собой, этого, конечно, не сознают эти люди, потому что иначе всякой идеологии пришел бы конец». (*Энгельс.* «Людвиг Фейербах».) Далее, необходимо, чтобы то побуждение, которое «идеология» старается мотивировать, носило характер неприемлемого для общества или части общества. Другими словами, предпосылкой «идеологии» является возможность конфликта в случае истинной мотивировки побуждения. Таким образом, условием возникновения «идеологии» является противоречие между стремлениями отдельных групп общества. Во избежание столкновения этих стремлений «идеология» старается замаскировать это противоречие.

«Идеолог», создавая «идеологию», отражает эти условия в своей психике. Истинные мотивы побуждения являются у него вытесненными, так как его миросозерцание является продуктом вытеснения, имевшего место у предшественников его, тенденции которых он воспринял (воспитание, среда) [2]). Таким образом, «идеолог» проделывает процесс рационализирования как бы для себя, т.-е. бессознательно создает «идеальные» мотивировки для своей «цензуры», так как определенные побуждения, которые служат поводом к созданию «идеологии», встречают у него сопротивление со стороны вытесняющих тенденций, представляющих собой те же внешние, но воспринятые им и рассматриваемые теперь как исходящие из его внутреннего «идеала Я». «Идеология» его потому и отражает реальные внешние условия, что сам «идеолог» продукт их же условий, прошлых и настоящих [3]).

---

[1]) См. у Разумовского: «Другими словами, идеологические формы духовной жизни, различные виды идеологии обязаны своим существованием противоречиям материальной жизни и неизбежны при этих противоречиях: противоречия ведут к тому, что выдвигаются различные принципы, во имя которых люди борются». (Там же, стр. 241.)

[2]) «Что все идеологи имеют один общий корень—психологию данной эпохи — это понять нетрудно». (*Плеханов.*)

[3]) «Во всех идеологических областях традиция является большой консервативной силой». (*Энгельс.*)

*

Таким образом, в способе образования «идеологии» мы можем усматривать одну из форм отражения в общественном «сознании» при посредстве «механизма» рационализирования, (т.-е. одного из способов бессознательной мотивировки), борьбы определенных противоречий в обществе.

В связи с вопросом об истинных мотивах нашей деятельности и условиях образования наших стремлений стоит вопрос об детерминизме. Сущность проблемы «о свободе и необходимости» Энгельс выясняет в «Анти-Дюринге»:

«Гегель был первым, правильно определившим отношение между свободой и необходимостью. Для него свобода есть понимание необходимости». «Слепа необходимость лишь постольку, поскольку она непонятна». «Свобода воли означает не что иное, как способность человека решать вопросы со знанием дела». «Не в воображаемой независимости от законов природы состоит свобода, но в познании этих законов и в созданной этим возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей». «Свобода, следовательно, заключается в господстве над самим собой».

Здесь, следовательно, свобода и необходимость не противопоставляются одна другой. «Необходимость» (психологически) не исключает «свободы». Дело только в осознанности или неосознанности ее. «Необходимость» становится для нас «свободой», когда она нами осознана, но этим она вовсе не отрицается.

Постараемся осветить это положение с точки зрения учения Фрейда. Мнимая «свобода» наших действий, т.-е. кажущаяся их произвольность, обусловлена тем, что корни мотивов наших поступков находятся в бессознательном и недоступны сознанию. Сознательное поведение и мышление, большей частью, связаны с бессознательными влечениями, как мы уже читали выше.

Таким образом, способом происхождения представления о «свободе воли» является известная разобщенность системы *Сз* от *Бсз*.

Чем больше связь наших поступков с системой *Бсз*, тем они являются непреодолимее. Особенно это замечается в случае «реактивных» образований. Одно и то же, по своему характеру, стремление проявляется иначе в зависимости от того, как оно возникло: путем ли непосредственного восприятия извне или путем реактивного вытеснения. В последнем случае оно приобретает даже навязчивый характер.

С другой стороны, если содержание бессознательных влечений посредством известных психологических приемов сделать доступным сознанию, то устраняется или уменьшается характер их «слепой» «необходимости».

Личностью приобретается теперь «свобода», которая является таковой в этом случае не в смысле ошибочного суждения *Сз о* себе, как об источнике наших желаний, но, действительно, дает ей возможность руководить своими поступками. (Это опять-таки не значит, что этим устраняется «необходимость», т.-е. что это руководство ничем не обусловлено, но устраняется «слепой» характер подчиненности. Личность сознает целесообразность поступка и ею руководится.)

«Вы поймете, — говорит Фрейд, касаясь психоаналитической терапии, — что перевод... бессознательного в душевной жизни больных в сознание должно иметь следствием... уничтожение гнета, под которым находится их душевная жизнь, потому что сознательная (а не свободная. *Б. Ф.*) воля простирается только на сознательные психические процессы, а всякая психическая навязчивость обусловлена бессознательным». (*Фрейд.* «Методика и техника психоанализа», стр. 26.)

Система *Сз* обладает функцией контроля. «Мы создали себе представление о связной организации душевных процессов в одной личности и обозначаем его, как Я этой личности... Это та душевная инстанция, которая контролирует все частные (частичные. *Б. Ф.*) процессы». (*Фрейд* «Я и ОНО», стр. 12.)

«Мы владеем всеми нашими движениями только благодаря тому, что обращаем на них наши высшие, связанные с сознанием душевные акты». (*Фрейд.* «Методика и техника», стр. 26.)

Итак, гегелевское «понимание» необходимости, с точки зрения учения Фрейда, соответствует осознанию бессознательного («необходимости»). Тогда человек чувствует или сознает свою «свободу» (в указанном выше смысле умения сознательно распоряжаться собой). Другими словами, сознание своей «свободы» есть лишь осознание «необходимости».

Наконец, вопрос о происхождении наших желаний и их роли.

«Прежде чем стать причиной, воля является следствием. И задача социологии, как науки, заключается в том, чтобы понять, как следствие, ту волю общественного человека, которая направляется на поддержание или на создание данной системы общественных отношений». (*Плеханов.* «От обороны к нападению», стр. 201.) («В защиту эконом. материализма».)

В истории действуют люди, ставящие себе определенные цели и руководимые определенными желаниями.

Но — «Желание совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные себе людьми, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по своему существу, частью по недостатку средств». (*Энгельс.* «Л. Фейербах».)

Первоначальные желания под влиянием различных условий — противодействия желаний других или невозможности осуществить — превращаются, в конце концов, в такие побуждения, которые претворяются в деятельность. Эти побуждения представляют компромисс или равнодействующую борющихся желаний.

«История происходит так, что конечный результат всегда вытекает из конфликтов многих отдельных воль, из которых каждая опять-таки становится таковой благодаря влиянию большого количества особых условий существования». (*Энгельс.* Письмо от 21/IX — 1890.)

По учению Фрейда, процесс образования конечного желания совершается в психике посредством функций систем *Бсз* и *Сз*, взаимоотношения которых отражают реальное столкновение тенденций. Результатом этой борьбы тенденций является окончательное побуждение к деятельности.

Первоначальные желания являются лишь источником окончательных побуждений. Условием же, определяющим их окончательное направление, являются внешние моменты. «Искать тех причин, которые ясно или не ясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже фантастической форме, отражаются как сознательные побуждения в головах масс и ее вожаков — так называемых великих людей, значит — выступить на единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще». (*Энгельс.* «Людвиг Фейербах».)

Вопрос о детерминирующих моментах нашей деятельности сводится, следовательно, к вопросу о тех условиях, которые определяют окончательные побуждения.

Это — «вопрос о том, каковы же те силы, которые дали воле людей то или иное направление, каковы же те исторические причины, которые отразились в головах деятелей в виде данных побуждений». (*Энгельс.* Там же.)

Образование желаний у «общественного» человека под влиянием внешних сил, с точки зрения учения Фрейда, происходит при помощи механизмов вытеснения и замещения. Столкновение различных желаний, отражающих реальные соотношения сил, в психике человека — «вожака» — ведет к вытеснению одних — в зависимости от реальной силы противоположных — и возникновению в сознании «заменяющих» побуждений, принявших иной раз — при посредстве механизма рационализирования — ту или другую «идеологическую» форму.

Итак, как первоначальные желания (не основные мотивы деятельности), так и окончательные, результирующие желания определяются, в конечном счете, внешней необходимостью. Учение Фрейда, таким образом, показывает нам, как это психологически происходит.

С другой стороны, желания же создают внешние обстоятельства. Роль первоначальных желаний при этом сказывается, прежде всего, в том, что они участвуют в образовании окончательного побуждения.

«Но из того, что отдельные желания (из которых каждое стремится к тому, к чему побуждает его устройство[1]) тела и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства или же его личные или вообще социальные условия) не достигают того, к чему они стремятся, а соединяются в нечто среднее, в общую равнодействующую — из всего этого еще нельзя заключить, что отдельные желания можно приравнять к нулю. Наоборот, каждое желание вносит свою часть в равнодействующую и постольку содержится в ней». *Энгельс.* Письмо от 21/IX 1890.)

Всякое действие, направленное к созданию тех или иных условий, сначала существует как стремление. «Для того, чтобы войти в жизнь... подсказываемые экономикой политические учреждения должны предварительно пройти через головы людей в виде известных понятий. И вот почему человечество никогда не может перейти от одной поворотной точки зрения своего экономического движения до другой, не пережив предварительно целого переворота в своих понятиях». (*Плеханов.* «От обороны к нападению», стр. 213.) («В защиту экономического материализма».)

По учению Фрейда, требования реальных условий, воспринимаемые психикой, превращаются в побуждения путем переработки при помощи психической «динамики». (См. главу: «Роль реальности для психики».)

Итак, характер желаний является следствием, продуктом, в конечном счете внешних обстоятельств, но в то же время сами желания являются условием создания последних. «Задача материализма в области истории — как понимал эту задачу Маркс — заключалась, стало быть, именно в том, чтобы объяснить, каким образом «обстоятельства» могут изменяться теми людьми, которые сами создаются обстоятельствами». (*Плеханов* «Основные вопросы марксизма».)

Таким образом, положение исторического материализма, что «сознание» есть отраженное бытие в свете воззрений Фрейда, получает следующее психологическое объяснение.

Деятельность нашей психики репрезентирует определенным образом сами соотношения условий внешнего мира. Психические «механизмы» и «институции» являются не чем иным, как воплощением реальных факторов, а «динамика» психики, борьба тен-

[1]) Разрядка наша. *Б. Ф.*

денций, есть процесс, при посредстве которого, под влиянием внешних условий, ставших внутренними, создается направление деятельности человека. Наконец, психика, в своем неправильном («идеологическом») отражении реальности, соответствует реальному стремлению групп общества замаскировать действительные противоречия.

Психика является не только отражением «бытия», но и продуктом его.

«Маркс объясняет историческое развитие человечества не природой человека, а свойствами тех общественных отношений между людьми, которые возникают при воздействии общественного человека на внешнюю природу». (*Плеханов.* «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».)

Приведем точку зрения Фрейда по этому поводу:

«Мы знаем силу, которая вынудила человечество пойти по пути... развития и продолжает оказывать свое давление в том же направлении; эта сила — все та же несостоятельность реальности, или если называть ее настоящим именем — жизненная необходимость». («Лекции по введ. в психоан.», II т., стр. 144.)

Резюмируем: исторический материализм рассматривает общественное «сознание», как продукт и отражение хода истории, т.-е. борьбы различных «желаний» (интересов) в обществе [1]). Учение Фрейда дает объяснение тому, как совершается процесс образования желаний и отражения их борьбы в «головах» людей, под влиянием внешних обстоятельств.

III. Методологическое значение психологических воззрений Фрейда.

Чтобы выяснить значение психологических воззрений Фрейда как метода изучения человеческой деятельности, с точки зрения теории исторического материализма, необходимо ответить на вопрос, во-первых, о том, почему это сопоставление вообще возможно, и, во-вторых, в каком, именно, отношении.

Сопоставление двух учений предполагает наличие общих сторон или соизмеримых моментов. Между тем с первого взгляда может показаться, что ни по предмету, ни по задаче исследования эти учения — Маркса-Энгельса и Фрейда — не имеют между собой ничего общего. В самом деле, исторический материализм ставит себе задачей изучение развития общественных явлений, учение Фрейда — психоанализ—имеет в виду развитие отдельной личности.

[1]) См. вышеприведенное письмо Энгельса от 21 сентября 1890 г.

Однако, если рассматривать их с более о б о б щ а ю щ е й точки зрения, то можно обнаружить все же общие обоим учениям моменты.

Предметом исторического материализма, как и психологических воззрений Фрейда, является, по существу, д е я т е л ь н о с т ь ч е л о в е к а в о б щ е с т в е.

Далее, сущность целей обоих учений, вообще говоря, сводится к в ы я с н е н и ю у с л о в и й, определяющих эту деятельность.

В таком случае, наша задача — не столько с о п о с т а в и т ь, сколько п р о т и в о п о с т а в и т ь эти учения, как методы. Для этого необходим определенный критерий. Почему же критерием в данном случае взят исторический материализм?

Во-первых, потому, что в основу последнего положены принципы, имеющие общегносеологическое и общеметодологическое значение. Во-вторых, и это главное, потому, что исторический материализм является более объемлющей, более общей теорией о человеческой деятельности. «Мы имеем полное право сказать, что материалистическое объяснение истории дает необходимые пролегомены для всякого учения о человеческом обществе, которое захочет выстроиться как наука». (*Плеханов*, «Основные вопросы марксизма».)

Теперь следует указать, в каком отношении мы намерены противопоставить оба метода. Для этого необходимо сначала рассмотреть сущность и границы каждого метода в отдельности.

«Объектом материалистического объяснения истории является не о б щ е ч е л о в е ч е с к о е, не то общее, что присуще людям во все времена, а то исторически отличное, что разделяет людей различных эпох. Но, с другой стороны, ее объектом являются лишь те черты, которые о б ъ е д и н я ю т людей данной эпохи, данной нации, данного класса, а не те, которые выделяют отдельную личность из всей совокупности других личностей, среди которых она живет и действует». (*К. Каутский*. «Что хочет и что может дать материалистическое понимание истории».)

З а д а ч е й исторического материализма как метода является выяснение источников и целей деятельности «общественного» человека и связанных с ней общественных явлений.

«Социология становится наукой лишь в той мере, в какой ей удается понять возникновение ц е л е й о б щ е с т в е н н о г о ч е л о в е к а (общественную «телеологию»), как необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого, в последнем счете, ходом экономического развития». (*Плеханов*. «Основные вопросы марксизма».)

Выясняя происхождение м о т и в о в, непосредственно не связанных с основной потребностью жизни, исторический материализм стремится выяснить их зависимость, в конечном счете, от этой потребности. «Исторический материализм нисколько не

отрицает действия идейных сил. Он только подвергает их основательному исследованию, он только выясняет, откуда эти идеи черпают свою силу». (*Меринг.* «Об истор. материализме».)

Но исторический материализм, признавая экономический фактор решающим в конечном счете, нисколько не отрицает других факторов или моментов, определяющих характер мотивов нашей деятельности или содержания нашего мышления. «Материалистическое понимание истории вовсе и не претендует на то, чтобы объяснить и без остатка свести к экономическим условиям, например, тот факт, что Цезарь не имел детей и усыновил Октавиана, что Антоний влюбился в Клеопатру, а Лепид был импотентом». (*Каутский.* «Что хочет и что может дать материалист. понимание истории».)

В отношении психологических явлений исторический материализм исследует зависимость хода духовного развития общества от других общественных явлений.

«Исторический материализм отыскивает только закон духовного развития, и он находит корни этого закона в том, что сделало человека человеком, а именно в производстве и воспроизводстве непосредственной жизни». (*Меринг.* «Об историч. материал.».)

Исторический материализм старается выяснить происхождение содержания человеческого «сознания», т.-е. взглядов, убеждений, представлений, а не этих явлений, как таковых вообще. В цитированной статье «В защиту экономического материализма» Плеханов разграничивает вопрос о происхождении способности к мышлению вообще от вопроса об образовании содержания нашего мышления, которым занимается исторический материализм. «Вы возразите мне, что происхождение «психического фактора» объясняется физической организацией человека. Но я отвечу, что речь идет не о происхождении человеческой способности к мышлению, а о происхождении человеческих понятий, о происхождении данных, совершенно определенных взглядов на собственность, на отношение между мужчиной и женщиной, на взаимое отношение членов семьи и общества, на отношения людей к первоначальным языческим божествам. Этих взглядов ни в каком случае нельзя считать продуктом биологической эволюции».

В применении к исследованию проявлений духовного творчества, исторический материализм старается найти связь его содержания с общественными условиями. Каутский приводит следующий пример: «Я полагаю, что если материалистическое понимание истории может объяснить нам, хотя бы только идейное содержание, общее у Шекспира или Гёте с их современниками, то

и этим, однако, не следует пренебрегать». («Что хочет и что может дать материалист. поним. истории».)

Точно так же в отношении «идеологических» явлений, обусловленных, в конечном счете, экономическим моментом, нельзя все условия их образования без остатка свести к последнему.

«Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе — религии, философии и т. д., то у них имеется доисторическое содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей», «Хотя экономическая потребность была главной пружиной, двигающей вперед познания природы . . ., все же было бы педантизмом искать для всех этих первобытных глупостей экономических причин». (*Энгельс*. «Письмо к Шмидту» от 27/X 1890.)

Всякое «идеологическое» явление делается человеком, который, как продукт биологической организации и влияния среды, несомненно привносит свое в образование данной формы. Следовательно, изучение способа происхождения (а не только источника) «идеологического явления» связано с изучением и «идеолога», его личности.

«Выбор того круга проблем, которому личность себя посвящает, выбор точки зрения, с которой она подходит к их разрешению, направление, которым она его ищет, и, наконец, сила, с которой она защищает свою точку зрения, не могут быть без остатка сведены к одним только экономическим условиям; наряду с последними здесь выступают и индивидуальные особенности, развившиеся благодаря своеобразию природных способностей и той среды, в которой находилась данная личность». (*Каутский*. «Что хочет и что может дать материалистическое понимание истории».)

Однако, необходимо подчеркнуть, что исторический материализм, имея в виду, главным образом, выяснение источников «идеологических» явлений, т.-е. конечных мотивов, лежащих в основе их, не изучает ближе способа их образования, т.-е. механизма «отражения» их в «голове».

В письме к Мерингу (от 14/VII 1893 г.) Энгельс говорит: «Мы все на первых порах считали и должны были считать особенно важным выведение политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных этими представлениями действий из основных экономических фактов. При этом мы из-за содержания не обратили достаточного внимания на формальную сторону: на род и способ, каким указанные представления и пр. создаются».

Переходим теперь к рассмотрению сущности и задач психоаналитического метода Фрейда.

«Психоанализ, как науку, характеризует не разрабатываемый им предмет, а техника, при помощи которой он работает. Не наси-

луя его сущности, психоанализ можно применять с таким же успехом к истории культуры, к науке о религии и к мифологии, как и к учению о неврозах. Цель у него только одна — открыть бессознательное в душевной жизни» (курс. наш). (*Фрейд*. «Лекции по введению в психоанализ». т. II, стр. 177.)

Психоанализ, следовательно, имеет целью обнаружить проявление бессознательных тенденций в мотивах деятельности и продуктах духовного творчества человека.

Смысл обнаружения бессознательного заключается в том, чтобы установить действительные источники или мотивы исследуемых проявлений человека. Бессознательное, как мы знаем, репрезентируется, главным образом, в форме искаженных представлений или стремлений («заменяющих образований»). Вследствие этого сознательные мотивы не совпадают в таких случаях со своим источником, т.-е. с первоначальными влечениями. Открыть бессознательное, значит, во-первых, отыскать первичные влечения, лежащие в основе данных стремлений, и, во-вторых, выяснить те психические «механизмы», при помощи которых последние образовались.

Другими словами, психоанализ стремится вскрыть ту психическую динамику, в результате которой сформировалось данное психическое проявление (идея, мотив).

«Наша задача не только описывать и классифицировать явления, но и понять их как результат борьбы душевных сил, как выражение направляющих к определенной цели стремлений, действующих или совместно, или друг против друга. Мы стремились к динамическому пониманию душевных явлений». (Фрейд. «Лекции», I т., стр. 72.)

Психоанализом, как известно, лучше изучено связанное с сексуальными влечениями содержание бессознательного, а потому понятно, что целью его является исследование, преимущественно, роли этих влечений в жизни человека и общества. Это не значит, что он игнорирует другие тенденции (ибо, как мы уже видели, борющиеся тенденции относятся к сексуальным влечениям и к влечениям «Я»), но ставит своей главной задачей обнаружение участия и сексуальных влечений в различных проявлениях человека.

«Психоанализ никогда не забывал, что существуют и несексуальные влечения, он построен на резком разделении сексуальных влечений и влечений «я». . . У него нет и никакого разумного мотива для того, чтобы оспаривать существование и значение влечений «я», в то время, как сам изучает в болезни и в жизни роль сексуальных влечений». (*Фрейд*. «Лекции». II т., стр. 141.)

Больше того, Фрейд указывает, что сексульный момент находится в зависимости от основного мотива человеческого общества.

Таким образом, понимание направления р а з в и т и я сексуальных влечений и связанных с ним последствий невозможно без того, чтобы не иметь в виду конечный, решающий фактор. «Основной мотив человеческого общества, в конечном результате, оказывается экономическим; так как у него не хватает достаточно жизненных средств, чтобы содержать своих членов без помощи их труда, то оно должно ограничить число своих членов и энергию их отклонить от сексуальных переживаний в сторону труда». (*Фрейд.* «Лекции», т. II, стр. 101.) Задача психоаналитического исследования ограничивается обнаружением влияния сексуальных источников в деятельности и творчестве человека, т.-е. выяснением, каким образом участие сексульных влечений, при определенных условиях, вызвало данные проявления психической деятельности. При этом не мыслится, что они могли возникнуть без участия других факторов; психоанализ же изучает значение только сексуальных источников. Разбирая в своей работе «Тотем и Табу» роль сексуальности в образовании религии, Фрейд указывает (стр. 110): «Если он (психоанализ. *Б. Ф.*) по необходимости, собственно говоря, из обязательной для него односторонности, настаивает на признании только одного источника (сексуального. *Б. Ф.*) этого института (религии. *Б. Ф.*), то он так же мало настаивает на и с к л ю ч и т е л ь н о с т и этого источника, как и на том, что ему принадлежит п е р в о е место среди совокупности действующих моментов».

В таком же смысле Фрейд высказывается (там же [1]), когда говорит о роли «эдиповского комплекса» в развитии определенных сторон нравственности, подчеркивая, «что данные здесь объяснения не означают, что мной забыта сложная природа разбираемых феноменов, но что я хочу только прибавить новый момент [2]) к известным уже или еще не открытым источникам религии, нравственности и общества, момент, вытекающий из требований, подсказанных психоаналитическими взглядами».

Следовательно, психоанализ старается изучить роль и другого фактора, кроме решающего, в возникновении явлений общественной психологии. «Он (психоанализ. *Б. Ф.*) никогда не предъявлял претензий на то, чтобы дать исчерпывающую теорию душевной жизни человека, но требовал только, чтобы применяли его положения для дополнения и корректуры нашего знания, приобретенного любым иным путем. (*Фрейд.* «Очерки истории психоанализа» в сборнике «Основные псих. теор.», стр. 57.)

Таким образом, благодаря изучению сексуальных явлений человека, психоанализ отыскивает влияние этого момента на-ряду с другими (которых он ближе не изучает), а открывая содержание

---

[1]) Примечание на стр. 166.
[2]) Сексуальный. (*Б. Ф.*)

бессознательного в психике, он выясняет способы происхождения определенных психологических явлений.

Попытаюсь теперь противопоставить оба метода.

Исторический материализм исходит при изучении общественных явлений из стремлений человека к удовлетворению основных потребностей жизни, беря их уже создавшимися; психоанализ же исследует способ образования этих стремлений. Исторический материализм ставит себе целью выяснение развития общественных условий, которые определяют деятельность человека; психоанализ же, исходя из создавшихся социальных условий, выясняет способ их влияния на возникновение определенной деятельности. Исторический материализм исследует влияние производственных отношений как основы на все другие сферы человеческой деятельности в обществе; психоанализ только учитывает или имеет в виду их роль. Исторический материализм ограничивается выяснением влияния социальных условий на происхождение содержания психологического явления, психоанализ же старается изучить способ («механизм») образования форм его.

В свою очередь, психоанализ, исходя из данных общественных условий, имеет основной своей целью изучение развития под их влиянием отдельной личности; исторический материализм — при своем исследовании общества берет личность уже развившейся. Психоанализ исследует сексуальные отношения людей как один из источников деятельности; исторический материализм изучает формы их, поскольку они являются следствием других социальных условий. Психоанализ изучает деятельность психического аппарата как средство образования человеческих представлений (в широком смысле слова); исторический материализм берет результаты этой деятельности уже готовыми.

Постараемся выяснить теперь взаимоотношения обоих методов.

Психологической предпосылкой обоих учений является положение, что источником нашей деятельности являются жизненные потребности — конечные двигатели развития общества и человека. Исходной точкой зрения их является желание, как результат потребности. Отсюда начинается линия расхождения путей и задач обоих методов.

Исторический материализм психологически отправляется от желаний человека, как источника деятельности, к изучению развития из них сложных явлений общественной жизни, психоанализ—к исследованию процесса возникновения самого желания. Оба метода встречаются вновь в вопросе о взаимодействии между внешними обстоятельствами и желаниями. Исторический материализм здесь исследует роль общественных

условий в возникновении содержания или целей новых стремлений из основного мотива деятельности, психоанализ в состоянии выяснить способ образования этих стремлений.

Таким образом, психоанализ методологически продолжает в психологическом направлении исторический материализм. Учение Фрейда начинает свое исследование там, где останавливается исторический материализм в изучении человеческой деятельности. Исторический материализм доходит в своем исследовании до того пункта, где обнаруживается влияние социально-экономического момента. Продолжая, можно психоаналитическим методом выяснить, каким образом возникает отражение его в психике и обусловливает образование данных психических феноменов. Исторический материализм имеет в виду решающий, в конечном счете, фактор; психоанализ исследует роль и сексуального фактора — правда, также подчиненного, в конечном счете, экономическому, но являющегося одним из конечных мотивов истории — «воспроизведением жизни». Это служит также продолжением или дополнением в деле выяснения цепи условий возникновения человеческой деятельности.

Итак, исторический материализм, отправляясь от стремления человека к удовлетворению потребностей, выясняет социальные (в данном случае социально-психологические) следствия их, психоанализ же стремится к выяснению психического механизма образования этих следствий.

Исторический материализм связывает психологию человека с социологией, психоанализ — с биологией. Выражаясь точнее, исторический материализм показывает, как социальное создает психологическое, психоанализ же показывает, каким образом биологическое под влиянием социального превращается в психологическое.

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИНКТЕ В НАУКЕ О ПОВЕДЕНИИ.

В. М. Боровский.

Литература вопроса об инстинктах необъятна. Путаницы в этом вопросе также неимоверно много. Рибо где-то писал, что: «Quand on parle d'instinct la première difficulté est de s'entendre». Бон (5, стр. 120) свою главу об инстинктах начинает с этой же цитаты. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что все авторы, интересовавшиеся за последние годы этим вопросом, отмечают ту же трудность. Приходится сознательно ограничивать обзор литературы. Мне кажется наиболее правильным, не удаляясь в глубь времен, начать с анализа взглядов В. Вагнера, а именно с его «Биологических оснований сравнительной психологии» (16).

Но, чтобы понять его точку зрения в вопросе об инстинктах, придется несколько остановиться на его отношении и к некоторым более общим вопросам, с которых он сам начинает свое изложение.

В первых главах первого тома Вагнер ставит себе задачей «обнаружить наличность крайних увлечений и совершенно очевидных заблуждений» (16, т. I, стр. 40) монизма в биопсихологии. Он считает, что монизм не свойствен ей, а привнесен в нее извне: «идеи философского монизма. . . проникли в область биопсихологии» (16, т. I, стр. 40). Монизму Вагнер противоставит объективное, чуждое сторонним влияниям направление», «ищущее своих собственных специальных законов в области явлений сравнительной психологии» (16, т. I, стр. 41). Отметим, что с одной стороны — монизм, а с другой стороны — объективное направление». Это характерно для Вагнера — он, если можно так выразиться, анти-монист, и в этом я вижу ключ и ко всем его другим тенденциям. Отсюда, например, необходимость для Вагнера разделаться с таким последовательным материалистом и монистом (по Вагнеру — монистом «снизу»), как Ж. Лёб. По классификации Вагнера Лёб стоит вне «объективного направления». Я позволю себе: во-первых, не согласиться с этим и продолжать считать направление Лёба — объективным, а если «объективное направление» Ваг-

нера считает нужным исключить Лёба из своей среды, то, во-вторых, пожалеть не Лёба, а это «объективное направление».

Рискуя несколько нарушить последовательность изложения, я все же считаю необходимым подробнее осветить здесь те возражения, которые выдвигает Вагнер против Лёба и его школы. При этом можно оставить без ответа такие упреки, как: Лёб совершенно упускает из виду роль биологических факторов, или: по Лёбу деятельность особи протекает по шаблону, всегда и при всех обстоятельствах одинаково действующему (16, т. I, стр. 226) и т. п. Это все упреки того же знакомого типа, к которому и относится, например, утверждение, что материалисты отрицают психические явления. Против Лёба Вагнер ссылается на Дженнингса, который, по мнению Вагнера, доказал, что детерминизм Лёба не соответствует действительности (16, т. I, стр. 226).

Так ли это на самом деле?

Лёб стремится понять поведение животных, разлагая его на тропизмы, т.-е. на такие ответные реакции, которые имеют характер вынужденных движений. При этом он неоднократно подчеркивает, что изучать тропизмы следует на подходящем материале и в таких условиях, где они наиболее ярко проявляются. Только после этого можно переходить к другим случаям и выяснять, почему там тропизмы проявляются иначе, меняют свой знак или совсем не обнаруживаются. При этом одинаково важны условия как внешние (среда, ее химический состав, температура и т. п., интенсивность раздражителя и т. д.), так и внутренние (мускульный тонус, внутренняя секреция, предшествующий опыт, и т. д. (14).

Какие же факты может этому противопоставить Дженнингс? (11). Он приходит к тому выводу, что поведение всех изученных им организмов крайне сложно. Дженнингс очень на этом настаивает. По его изложению создается такое впечатление, что поведение низших и высших животных по характеру ничем не отличается—и тут и там «пробы и ошибки». На это можно сказать, что если условия таковы, что ответная реакция не проявляется отчетливо, то поведение животного можно действительно о п и с а т ь, как «колебание» или, если угодно, «пробы и ошибки».

Искать же за этим описательным термином более глубокое содержание будет уже грубой ошибкой, по крайней мере, по отношению к низшим животным. Это отметил Бон и с этим согласен и Вагнер [1]). Но и далее Дженнингс тенденциозно описывает реакции организмов более сложными, чем они представляются на самом деле. Мне пришлось убедиться в этом, когда я попробовал повторить эксперименты Дженнингса над инфузорией Stentor. Объект

[1]) См. В а г н е р т. I, стр. 338, 346. (Вагнер переводит «trial and errors» не «пробы и ошибки», а «опыт и ошибки».)

этот настолько обычен, что я имел уже сотни раз возможность проверить свои наблюдения. Сущность расхождения между моим описанием этих явлений и изложением Дженнингса легче выявить на другом примере, который я толкую по аналогии с моими наблюдениями над Stentor'ом. Дело в следующем: Дженнингс описывает (11, стр. 312) [1]) способны, при помощи которых актиния Stoichactis helianthus освобождается от посторонних предметов, попавших на ее ротовой кружок. Он изображает это так: в том месте, где лежит постороннее тело, щупальцы плотно прижимаются к ротовому кружку, образуется совершенно гладкая поверхность, которая затем несколько выпячивается. Если этим не удалось удалить посторонний предмет, то применяется новая (другая) реакция: отгибается вниз край ротового кружка, чем создается наклонная плоскость. Если это не помогает, то ротовой кружок принимает выпуклую форму, получается крутой скат. Вывод Дженнингса таков: посторонний предмет может вызывать различные реакции — если одна не приводит к цели, то применяется другая и т. д., пока цель не достигнута. Я толкую весь этот процесс иначе: имеется один раздражитель — постороннее тело, и на него не «n» реакций, а одна реакция. Она состоит в том, что при непрекращающемся действии раздражителя ротовой кружок сначала делается плоским, а затем то место, где действует раздражение, выпячивается, пока ротовой кружок не примет выпуклую форму. Как только, раньше или позже, раздражитель удален — реакция прекращается. Это может произойти на различных ее стадиях и описание каждого отдельного случая будет отличным от других, т.-е. будет прервано на другой точке. Но реакция все же остается одна и та же. Так что, по моему мнению, актиния вовсе не применяет последовательно различные реакции, пока одна из них не приведет к цели, а действие раздражителя вызывает определенную реакцию, развертывающуюся по определенному шаблону и прекращающуюся, как только раздражитель удален. Совершенно то же самое и у Stentor'a. Дженнингс подвергает его действию струи воды, направленной на его диск и содержащей карминовую пыль, и описывает (11, стр., 271) пять различных реакций, которые инфузорией последовательно «испробываются». Не вдаваясь в подробности, я категорически утверждаю, что и здесь имеются не пять реакций, а только одна. При чем еще надо, конечно, принять во внимание, что при продолжительном раздражении картина осложняется явлениями так называемого утомления — аналогичными накоплению ионов у многократно раздражаемого мускула. (Эта оговорка относится и к Stoichactis.)

Говорить о «пробах» разных реакций мы не имеем никакого права. По всей вероятности, и в других подобных случаях дело

[1]) Ук. занн. страницы относятся к немецкому переводу (1910. Jennings: «Das Verhalten der niederen Organismen»).

происходит вовсе не так ужасно сложно, как это описывает Дженнингс.

Напомню еще, что явления тропизмов Дженнингс изучал на неподходящем материале; что его наблюдения над Euglena опровергнуты Бэнкрофтом (1); над реакциями Paramaecium на химические стимулы Бараттом (2). Напомню еще серьезные возражения, сделанные Лёбом (15, стр. 99) на основании работ Лёба и Уестниз ученику Дженнингса Масту и позволю себе сделать вывод, что писания Дженнингса вовсе не так убийственны для учения Лёба, как это изображает Вагнер. И детерминизм и монизм Лёба критикой Дженнингса не поколеблены, и я считаю себя в праве против некоторых взглядов Вагнера, к разбору которых теперь возвращаюсь, ссылаясь на Лёба.

Должен еще отметить, что то, что Вагнер понимает под термином «психология», очевидно, не совпадает с нашей наукой о поведении. Эта последняя не может не изучать вовсе рефлексов, а Вагнер пишет: «. . . не считаю нужным останавливаться здесь на рассмотрении рефлексов: нервные процессы эти лежат за пределами психологии в точном смысле этого слова» (16, т. II, стр. 5).

Что такое инстинкт? У Вагнера мы находим следующие признаки, определяющие это понятие (16, т. II, стр. 198 — 200).

1) Наследственность. Конечно, никто не сомневается в том, что инстинкты наследственны. Суть в том, не входят ли в инстинктивные действия — кроме элементов наследственных — еще элементы благоприобретенные. Повидимому, большинство авторов склоняется к отрицательному ответу.

2) Изменяемость инстинктов. Бесспорно инстинкты изменяемы, иначе мы не могли бы представить себе возникновение новых.

3) Инстинктивные действия шаблонны. Здесь у Вагнера оговорка, что шаблонность надо понимать широко, так как внутри данного вида имеются колебания определенной амплитуды. Оговорка, конечно, нужна. Может быть, ее следует еще несколько расширить. В другом месте Вагнер отмечает, что случаются уклонения (16, т. II, стр. 161), при чем он настаивает, что такие уклонения являются признаком не индивидуальным, а особенностью целого выводка особей. И ведь мы только что установили, что инстинкты изменяемы. Стало быть шаблонны, но не очень. Пармели в своем определении инстинкта так и пишет: «обычно характеризует целый вид» (15, стр. 226) [1]).

4) Инстинкты действия безошибочны. У других авторов можно встретить выражение — «совершенны». Что это значит? Вагнер поясняет: «т.-е. решают задачи, которые закреплены за ними наследственностью и отбором так, как унаследо-

[1]) Курсив мой. *В. Б.*

ваны и закреплены». Если здесь ударение должно быть на слове «так», т.-е. решаются т а к, а не иначе, т.-е. по определенному шаблону, то мы как-будто возвращаемся опять к третьему признаку и не находим ничего нового. Если же подчеркивается слово «решают», т.-е. утверждается, что инстинктивные действия всегда безошибочно решают свои задачи, то в этом можно сомневаться. Но сначала надо уговориться, что мы будем понимать под «совершенным» инстинктом. Не теоретическое совершенство, конечно, и не целесообразность с точки зрения наблюдателя. По примеру Ллойд Моргана будем считать инстинктивные действия совершенными (безошибочными), если они п р а к т и ч е с к и полезны [1]). И сейчас же нам станет ясным, что инстинктивные действия не всегда безошибочны. Ведь то, что полезно при известных условиях, может стать вредным при изменившейся обстановке. Ведь кроме наследственности, на которую ссылается Вагнер, организмы обладают еще и пластичностью — иначе был бы немыслим никакой отбор. Многие авторы говорят не о безошибочности или совершенстве инстинктов, а об их биологической «приспособленности» (adaptiveness). Оговорка остается в силе. Не всегда они приспособлены. Осторожный Пармели, как в пункте трьетьем, так и здесь, выражается: о б ы ч н о приспособлены (15, стр. 226) [2]).

5) Инстинктивная деятельность о г р а н и ч е н а. Этот признак по словам Вагнера, является «одним из характернейших». Внимательно прочитав все, что у Вагнера по этому пункту написано, я никакого содержания не нахожу. Вот, например, что приводится в качестве наиболее «поучительного факта» — один паук (Epeira) всегда начинает есть муху с головы, а другой (Spadassus) с нижней стороны груди! Почему этот факт не относится к шаблонности?

6) Инстинктивная деятельность б е с с о з н а т е л ь н а. Вопрос сложный. Для Вагнера она бессознательна по о п р е д е л е н и ю. Это у него вопрос классификации, отличия инстинктивных действий от разумных (см., напр., т. II, стр. 197). Что же касается фактов, которые приводятся Вагнером в подтверждение бессознательности инстинктов, то все они доказывают, может быть, нецелесообразность этих действий с точки зрения наблюдателя, но никак не сознательность или бессознательность с точки зрения животного. Это лишний раз подтверждает, что для науки о поведении вопроса о сознательности поступков, как объекте научного изучения, не существует. Есть тут еще одно обстоятельство, совершенно для меня непонятное. Как может Вагнер, для

[1]) The British Journal of Psychology, v. III, 1910, p. 225, «practically serviceable»—термин содержательнее, чем наше слово «полезны»: в «serviceable» есть элемент инструментальности, очень важный, которого не содержит простое понятие полезности.

[2]) Курсив мой. *В. Б.*

которого инстинкты бессознательны, в то же время говорить об инстинктах, как о каком то «знании»!? [1]).

7) Последний признак у Вагнера гласит так: «инстинктивные действия безличны, вследствие чего особи одного вида не имеют степеней большего или меньшего совершенства в области этих психических способностей». Очевидно, здесь говорится уже не о совершенстве самого шаблона, так как это относилось к пункту четвертому, а об индивидуальных отклонениях внутри данного шаблона. Едва ли правильно отрицать существование таких индивидуальных отклонений. Мы уже вспоминали о пластичности организмов. Разве, например, половой инстинкт выражен у всех особей в одинаковой степени? Разве здесь нет всех переходов от кастрата до нимфомана?

Мы приходим к выводу, что необходимо сохранить признаки 1-й и 2-й, затем 3-й и 4-й с оговорками, а остальные отбросить. Мы получим тогда определение инстинкта, приближающееся к тому, которое дает вышеупомянутый Пармели: «Инстинкт это наследственная комбинация рефлексов, которые объединены центральной нервной системой, таким образом, что вызывают внешнюю деятельность организма, которая обычно характерна для всего вида и обычно приспособлена» (15, стр. 226). Здесь ново для нас взаимоотношение между инстинктом и рефлексом. Вагнер также совершенно правильно указывает, что для понимания того, что такое инстинкт, необходимо иметь ввиду отношение его к рефлексам и привычкам (16, т. II, стр. 200). Формула Пармели одна из наиболее типичных для современной науки о поведении. Уотсон в своем определении инстинкта преднамеренно избегает слова «рефлекс». Он пишет: «Мы можем определить инстинкт, как наследственую шаблонную реакцию, отдельные элементы которой представляют собой, главным образом, движения поперечно-полосатых мускулов. Или иначе говоря, как комбинацию видимых (explicit) врожденных ответных реакций, развертывающуюся сериально на соответственные стимулы» (18).

Как видим, здесь никакого принципиального разногласия с определением Пармели не имеется. Для сравнения приведу теперь одно определение инстинкта, носящее совершенно другой характер — Мак Дóугола: «Мы можем определить инстинкт, как наследственное или врожденное психо-физическое предрасположение, которое приводит к тому, что его обладатель воспринимает предметы известного рода и обращает на них внимание; испытывает, воспринимая такой предмет, эмоциональное раздражение особого качества; и действует вследствие этого особым образом, или, по

[1]) Один пример: «инстинкт представляет способность наследственную, т.-е. что животные обладают некоторой суммой знаний без индивидуального научения и опыта», т. II, стр. 37, см. далее стр. 157, 158, 273 (курсив мой *В. Б.*)

крайней мере, испытывает импульс к такому действию» (6, стр. 29). С таким определением науке о поведении нечего делать. Оно, как справедливо указывает Пармели, «тяжко обременено психологическими включениями» (15, стр. 218). Действительно, здесь имеются «психо-физическое предрасположение», «восприятие», «внимание» и т. д. — все для науки о поведении величины неизвестные; следовательно, одно неизвестное—инстинкт—здесь определенно посредством «n» новых неизвестных.

Переходя теперь к вопросу о взаимоотношении между инстинктами и рефлексами, выясним сначала, что такое рефлекс.

И здесь мы встретимся с большими разногласиями между отдельными авторами. Первоначально под рефлексом понималась (10, стр. 27) реакция сокращения мускула при раздражении нерва, при чем представляли себе, что раздражение проходит по чувствительному нерву к центральной нервной системе, а отсюда отражается (рефлектируется) к мускулу. Как будто, следовательно, реакция присуща только животным, обладающим центральной нервной системой. Некоторые авторы, как, например, Шеррингтон или Пармели считают необходимым ограничить, таким образом, применение термина «рефлекс», т.-е. применять его только для реакций животных, имеющих центральную нервную систему. Однако, для науки о поведении едва ли есть смысл придерживаться такого ограничения. Надо сказать, что ведь на самом деле реакций такого простого типа у животных с центральной нервной системой не существует. Как справедливо отмечает Уотсон, «теоретически мы имели бы чистый рефлекс, если бы мы раздражали одно отдельное нервное окончание приводящего нейрона, и имели бы одно единственное нервное волокно двигательного нейрона, связанного с одним отдельным мускульным волокном» (18, стр. 233). В литературе имеется уже целый ряд указаний на то, что так называемые «простые» рефлексы (например, «коленный») в действительности вовсе не так просты. Напомню хотя бы эксперименты Иёркса над лягушкой (20, стр. 629): под действием электрического удара лягушка поднимала ногу на известную высоту; звуковое раздражение не вызвало вовсе подъема ноги, но если звук применялся непосредственно перед электрическим раздражителем (интервал был не более 35"), то действие последнего значительно усиливалось. При этом, это действие в весенние месяцы было сильнее, чем в зимние. Следовательно, первое осложнение — нет рефлексов, независимых от общего физиологического состояния организма. Второе осложнение заключается в том, что каждое раздражение, в большей или меньшей степени, приводит в действие импульсы, исходящие от эрогенных зон (17, стр. 22 и 23). Вследствие этого может изменяться как интенсивность, так, в известной степени, и характер реакций. Для науки о поведении, как и для физиологии, термин «простой рефлекс» — только «удобная абстракция».

То, что изучает физиология, — это реакции искусственно (фактически или мысленно) изолированных отрезков организма. Но, если мы признаем термин условным, абстракцией, то нет необходимости придерживаться вышеуказанного исторического ограничения его. Мы можем условиться понимать его шире. Повидимому, большинство авторов в настоящее время говорит о «рефлексах» у низших беспозвоночных и у простейших. Тогда придется называть рефлексом всякую определенную реакцию на простое раздражение. Конечно, «определенность» здесь, так же, как шаблонность, надо понимать с оговоркой (ср. «первое осложнение»).

Уотсон считает необходимым провести еще дальнейшее расширение понятия «рефлекс». Наблюдая молодое животное, мы легко убедимся, что оно производит целый ряд врожденных движений, которые носят, с точки зрения зрителя, случайный или хаотический характер. Сюда относятся непрестанные движения головы и конечностей, мускулов лица и туловища, затем такие как: непрестанные плавательные движения у Paramaecium, своеобразные передвижения амеб и т. д. Они «случайны», но характерны для каждого рода (17, стр. 108—111). Если мы хотим видеть в рефлексах те элементарные единицы, из которых слагаются инстинкты, то — в этом смысле — такие «случайные» движения, конечно, очень важны. Хотя взятые в отдельности эти реакции кажутся неустойчивыми и неопределенными, но в общем они для животных характерны и в массе сочетания их могут быть очень постоянными — «такой же принадлежностью, как их руки и ноги». Из тех же элементов слагаются, как мы дальше увидим, и привычки. Если понимать рефлексы так широко, то они будут для нас элементами, простейшими слагающими всякого поведения, а, следовательно, и инстинктивного. Когда Лёб говорит, что нельзя понимать поведение животного, как алгебраическую сумму рефлексов, то он прав постольку, поскольку он берет термин «рефлекс» в его узком физиологическом смысле. Мы уже видели выше, что Лёб, анализируя инстинкты, стремится разложить их на тропизмы. Тропизмы, при нашем определении рефлексов, будут частным случаем таковых. А именно такими рефлекторными движениями, ориентирующий стимул которых для нас с физической точки зрения нагляден. (Сейчас при современном уровне наших знаний о физико-химических процессах в организме мы не можем свести всех реакций к такому типу, но, как совершенно правильно подчеркивает Уотсон, это, конечно, не вынуждает нас допустить деятельность «энтелехий» и т. п. неизвестных.)

Возникает вопрос, надо ли вообще сохранять понятие «рефлекс», если оно принимает настолько широкий смысл. Как мы видели, Уотсон в своем последнем определении инстинкта сознательно выпустил этот термин. Но при разложении инстинкта на его составные части все же удобно пользоваться рефлексами как эле-

ментарными единицами, помня притом, что это не более, как схема. Тогда мы можем сохранить и формулу Пармели (инстинкт = комбинация рефлексов). С такой точки зрения — т. е. инстинкт = целое, рефлекс = его составная часть — очевидно нет возможности говорить о различии между рефлексом и инстинктом. И совершенно неприемлемым кажется такое место у Вагнера (т. II, стр. 10): «... свойство рефлексов — возможная их нецелесообразность... один из важнейших признаков, по которым рефлекс принципиально отличается от инстинкта». О «целесообразности», как объективном признаке каких-либо различий вообще, лучше не говорить [1]).

Из тех же элементарных составных частей, т.-е. из рефлексов в том смысле, как это выше очерчено, слагаются и привычки. Это реакции совершенно такого же характера, как инстинктивные действия. Это тоже «комбинации рефлексов» или «серии ответных реакций, развертывающихся по определенному шаблону», и притом комбинации совершенно таких же рефлексов. Вся разница в том, что инстинктивные действия суть комбинации наследственные, а привычные — индивидуально приобретаемы. Такое различение вполне возможно провести, хотя должен отметить, что Данлэп оспаривает такую возможность (8). Но его очень интересная статья, которую мне еще придется цитировать, как раз в этой своей части наименее убедительна. Рассмотрим, однако, другое возможное возражение. По нашему определению привычки — это индивидуально слагающиеся комбинации рефлексов, т.-е. элементом, которые уже имелись, так сказать, в репертуаре организма. Но может быть следует допустить и возможность индивидуального образования новых таких элементов, а не только комбинаций из уже имевшихся. Повидимому, такое допущение излишне. Уотсон отмечает, что таких элементов «достаточно имеется от рождения и больше чем когда-либо будут объединены в какое-либо сложное единичное действие». «Стоит только изучить младенца 5-ти или 6-ти дней от роду, чтобы вынести убеждение, что для всех позднейших комбинаций нет надобности в образовании дополнительных рефлексных дуг» (18, стр. 272).

Образование индивидуальных комбинаций рефлексов предполагает наличие особой способности — способности «научения» из опыта, или, как теперь принято выражаться, способности к образованию условных рефлексов. Она связана с определенной организацией и отсутствует поэтому у некоторых групп животных. По Лёбу, она имеется у определенных видов между позвоночными, насекомыми, ракообразными и головоногими; у червей же, игло-

[1]) Очень непонятным кажется мне еще такое различение у Вагнера (т. II, стр. 200): «Рефлекс поэтому есть, главным образом, жизнь особи, как таковой, инстинкт — жизнь особи, как элемента среды». (???) Что такое «особь, как таковая» вне среды?

кожих, кишечнополостных и инфузорий существование ее не доказано. Какой механизм лежит в основе этой способности, какова физическая природа особого ее органа, нам до сих пор неизвестно [1]). «. . . обучение у животных — это может быть наиболее важная проблема во всей науке о поведении», говорит Уотсон (17, стр. 45) и далее: «необходимо подчеркнуть здесь, что изучение тренировки наукой о поведении должно бы сопровождаться изучением ее гистологией, физиологией и экспериментальной зоологией, а предварительно химией и физикой. Можно надеяться, что прошли те дни, когда наиболее близким сотрудником науки о поведении считалась философия» (17, стр. 55). Фактически за последние годы вопросы обучаемости у животных (тренировки, дрессировки, ассоциативной памяти, образования условных рефлексов) стоят в центре интересов большинства работников в области поведения животных. Иначе подходят к этому вопросу некоторые другие авторы. Способность образовывать привычки они называют «разумностью» (intelligence). Так дело обстоит и у Вагнера: «Что касается до отличия инстинктов от привычек, то сущность этого отличия сводится к тому, что инстинкты суть действия первично автоматические, т.-е. такие, которым разум никогда не предшествовал, а привычки суть действия вторично автоматические, т.-е. такие, которые прежде чем сделаться автоматическими совершались при участии и под контролем разумных способностей» (16, т. II, стр. 200). И далее: привычки «возникают при участии хотя бы и самых элементарных разумных способностей» (16, т. II, стр. 255). Мы получаем что-то вроде круга: привычки = = действия, в которых участвует (участвовал) разум; а разум = = способность образовывать привычки. Как мы будем, объективно изучая поведение животного, определять, участвует ли «разум» в образовании данной реакции или нет? Но для Вагнера это очень важно. Он очень настаивает на том, что в этом отношении непроходимая пропасть между позвоночными и беспозвоночными. Первые обладают «разумными способностями» и способны к обучению, вторые — нет. В этом вопросе особенно выявляется тенденциозный «анти-монизм» Вагнера. Чтобы провести его во что бы то ни стало, ему приходится «считать невозможным утверждения о способности к дрессировке животных беспозвоночных» [2]), затем — отвергнуть результаты экспериментов Иёркса (Yerkes and Huygins) над ракообразными и т. д. (Раки научаются находить правильный путь, но, по мнению

[1]) 14. стр. 165. Лёб предостерегает против смешения необратимых процессов образования условных рефлексов («ассоциативной памяти») с обратимыми процессами накопления водородных ионов и т. п.

[2]) 16, т. II, стр. 374 (неужели Вагнер и теперь, после опубликования прекрасных экспериментов Фриша по дрессировке пчел, мог бы это написать?).

Вагнера, это совсем не то — они ничему «не научились», а лошадь и собака почему то «не знали и не делали»?? См. стр. 264). Вагнер не хочет признать, что здесь, как и везде, количество переходит в качество. Конечно, у человека имеются разумные способности, а у низших животных их нет, но суть дела вовсе не во внезапном появлении у позвоночных животных каких-то новых (потусторонних?) «разумных» способностей, а в большем количественном развитии механизма образования условных рефлексов.

На двадцатом ежегодном съезде американской психологической ассоциации в 1911 году состоялся «симпозиум» по вопросу об инстинкте и разуме [1]). Докладчик Marshall противопоставил «инстинктивные действия», признаками которых он считал: очевидную биологическую ценность, непосредственность, «совершенство при первом появлении», «неизменность и врожденность», — «разумной деятельности», не обладающей этими признаками. Очень основательно возражал докладчик Herrick. Он предлагал заменить термины «инстинкт» и «разум» обозначениями «врожденные действия» и «индивидуально изменяемые действия», считая, что эти два типа действий встречаются в известной степени у всех животных. В первую категорию он включал: основные физиологические свойства, тропизмы, рефлексы, сложные и цепные рефлексы и наследственные элементы всех высших комплексов поведения. Под индивидуально изменяемыми действиями он понимал все ненаследственные, приобретенные реакции от наиболее простых, вытекающих из упражнения физиологических видоизменений на низшей ступени до обучения из опыта и высших разумных приспосабливаний на верхней. Для высших форм дифференцируется специальный механизм — ассоциационные центры мозга. Очевидно, Herrick никакой пропасти между отдельными группами животных не находит. У низших преобладает одна категория действий, но имеются зачатки и другой, у высших преобладает вторая, но обнаруживаются и элементы первой.

Существует целый ряд инстинктивных действий, которые производятся животными только один раз в течение индивидуальной жизни (например, у птицы при вылупливании из яйца). В таких случаях не возникает сомнений во врожденном (наследственном) характере реакции. Иначе будет обстоять дело в других случаях, где одни и те же действия повторяются. Представим себе, что животное произвело какие-то инстинктивные действия, и предположим, что в результате оно получило удовлетворение в каком либо виде. Если тот же стимул, который действовал в первом случае, появится вторично, то на реакции животного, очевидно,

[1]) К сожалению, доклады известны мне только по краткому отчету, напечатанному в «Journ. of Philos. Psychol. and Scientific Methods», IX, 1912.

может отразиться предыдущий опыт. Но тогда она потеряла бы уже свой чисто-инстинктивный характер. Вообще говоря, у взрослого животного мы никак не можем определить, является ли данная реакция инстинктивной или нет, если не знаем истории ее развития.

Мы теперь очертили внешние границы понятия «инстинкт», ознакомились отчасти с некоторыми его составными частями, как рефлексами, — следует еще рассмотреть, можно ли провести какие-нибудь внутренние подразделения.

Мы сталкиваемся тут с двумя очень много дебатировавшимися вопросами, а именно, во-первых, с «классификацией» инстинктов и, во-вторых, с вопросом о ненужности понятия «инстинкт» вообще. Эти два вопроса настолько тесно связаны, что придется разбирать их совместно. Против употребления понятия «инстинкт» писали Ваксвейлер (19) Бон (4) [1]), вышеупомянутые Herrick, целый ряд английских и американских авторов. Из числа последних назову следующих: Данлэп (8) и (7), Бернэрд (3), Цинг-Янг-Куо (13). Последний автор опять ставит вопрос в его самой резкой форме. Слишком резко! Он, как говорят немцы, выплескивает и ребенка вместе с водой.

Если мы будем изучать поведение какого-нибудь животного с момента его рождения, то мы найдем у него определенные реакции, которые вполне подойдут под определение «инстинктивных действий». Куо, который отказывается от такого обозначения, вынужден взамен ввести другое: «наследственные системы действий», т.-е. заменяет один термин другим (ср. Данлэп), (8) и Geiger, (9). Это доказывает, что понятие об инстинктивных действиях имеет за собой что-то ценное. Если мы условимся пользоваться им в его законных границах, то нет надобности выдумывать новых терминов. Но кроме общего выражения «инстинктивные действия» психологи говорят еще о специальных (особых, обособленных) «инстинктах». Такое понятие строится следующим образом. Классификатор связывает наблюдаемые инстинктивные действия в более или менее сложные группы с точки зрения того результата, который достигается в конце всего ряда действий. С точки зрения той ц е л и, которой, по мнению классификатора, служит вся соответственная деятельность животного. Одним словом, действия группируются т е л е о л о г и ч е с к и и притом с точки зрения наблюдателя. «Любая конечная цель, которую классификатор считает достаточно важной для того, чтобы поставить ее выше других целей, служит отправной точкой для водружения инстинкта» (8, стр. 91). Конечно, трудно ожидать, что таким образом можно прийти к однообраз-

[1]) В другой своей книге (5), напечатанной в 1911 г., Бон изменил свою точку зрения.

ным группировкам. В действительности у каждого автора получается свой собственный список особых инстинктов. Классификаций инстинктов существует почти столько же, сколько авторов. Число устанавливаемых ими особых инстинктов колеблется от двух (инстинкт «самосохранения» и инстинкт «сохранения вида»); у Троттера — четыре, Доугола — 12, до весьма многочисленных, как, например, у Киркпатрика (12); где мы находим, во-первых, четыре группы «основных инстинктов» — это инстинкты: индивидуалистические, родительские, социальные и приспособительные («adaptive», игра, подражание, любопытство) и, во-вторых, ряд «специализованных инстинктов»: конструктивный, инстинкт собирания, эстетический, инстинкт поддразнивания (teasing), ревности, выразительности и еще регулятивные инстинкты. Мы можем у других авторов встретить еще «музыкальный» инстинкт и «религиозный» и «боевой». Объективно, мы не имеем никакой возможности провести тут какие-либо разграничения. Те же самые более простые комплексы реакций могут входить во многие из устанавливаемых авторами «особых инстинктов». Если животное бежит, то это самое его движение может быть составной частью и инстинкта «страха», или инстинкта «добывания пищи», или «боевого», или «инстинкта размножения». Данлэп правильно отмечает, что некоторые так называемые инстинкты иногда могут быть целиком включены в другие инстинкты. Например, бегство, драчливость и добывание пищи, взятые сами по себе, как группы реакций, могут иногда входить как часть в материнский инстинкт, так как этот последний включает не только произведение на свет потомства, но и добывание питания для него и драку для его защиты и даже иногда бегство вместе с ребенком, если опасность слишком грозна. «Практически иногда все без исключения наши действия входят в состав так называемого инстинкта воспроизведения (продолжения рода); а могут быть и такие случаи, что взаимоотношение оборачивается: один раз инстинкт А включает инстинкт В, а другой раз инстинкт В включает инстинкт А» (8, стр. 89). Кроме того, между двумя какими-нибудь «особыми инстинктами» могут быть всевозможные переходные ступени. Все это создает величайшие затруднения для классификации — отсюда и вышеописанная пестрота. Никаких выводов из таких группировок делать мы не в праве — никакой научной ценности они не представляют. Данлэп говорит, что составление списка инстинктов очень напоминает систему сортировки документов: можно их подбирать по алфавиту имен их авторов, или по содержанию, или по числам. В одном деле может оказаться полезной одна система, в другом — другая. Но никакое производство нельзя построить на системе сортировки, также нельзя и социальную психологию строить на классификации инстинктов (8, стр. 91).

Следует признать, следовательно, что такой способ группировки инстинктивных действий ничего кроме путаницы не создает. От специальных инстинктов лучше вообще отказаться. В этом только смысле можно говорить о ненужности понятия «инстинкт». Дальше итти в этом направлении не следует — об этом наглядно говорит пример Куо. Понятие «инстинктивные действия» в науке о поведении следует сохранить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Bancroft, F. W.: Heliotropism, Differential Sensibility and Galvanotropism in Euglena. Journ. of Experim. Zoöl., XV, 1913.
2. Barratt, J. O. W.: Der Einfluss der Konzentration auf die Chemotaxis. Zeitschrift für allgemeine Physiologie, 1915.
3. Bernard, L. L.: The misuse of instincts in social sciences. Psycholog. Review, 1921.
4. Bohn, G.: La naissance de l'intelligence. Paris, 1909.
5. Bohn, G.: La nouvelle psychologie animale. Paris, 1911.
6. Dougall, W. Mc.: Introduction to Social Psychology. Boston, 1909.
7. Dunlap, Knight: Are there any instincts? Journ. of abnormal Psychology, v. 14, 1919.
8. Dunlap, Knight: The identity of instinct and habit. Journ. of Philos. XIX, 1922.
9. Geiger, J. R.: Must we give up instincts in psychology? Journ. of Philos. XIX, 1922.
10. Hobhouse, L. T.: Mind in evolution. 1901.
11. Jennings, H.: Behavior of the lower organisms. N. Y., 1906.
12. Kirkpatrick, E. A.: Genetic psychology. N. Y., 1923.
13. Kuo, Zing Yang: Giving up instincts in psychology. Journ. of Philos. XVIII, 1921.
14. Loeb, Jacques: Forced movements, tropisms and animal conduct. London. 1918.
15. Parmelee, M.: The science of human behavior. N. Y., 1921.
16. Вагнер, В.: Биологические основания сравнительной психологии. 1913.
17. Watson. John B.: Behavior. N. Y. 1914.
18. Watson, J. B.. Psychology from the standpoint of a behaviorist. London. 1919.
19. Waxweiler: Sur la modification des instincts sociaux. Bruxelles. 1907.
20. Yerkes, R. M: The instincts, habits and reactions of the green frog. Harvard Psychologic. Studies. I, 1903.

СОЗНАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ ПОВЕДЕНИЯ.

Л. С. Выготский.

> Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т.-е. в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю.
>
> *К. Маркс.* «Капитал», т. I, отд. 3.

I.

Вопрос о психологической природе сознания настойчиво и умышленно обходится в нашей научной литературе. Его стараются не замечать, как-будто для новой психологии он и не существует вовсе. Вследствие этого складывающиеся на наших глазах системы научной психологии несут в себе с самого начала ряд органических пороков. Из них назовем несколько — самых основных и главных, на наш взгляд.

1. Игнорируя проблему сознания, психология сама закрывает себе доступ к исследованию сколько-нибудь сложных проблем поведения человека. Она вынуждена ограничиться выяснением самых элементарных связей живого существа с миром. Что это действительно так, легко убедиться, заглянув в оглавление книги акад. В. М. Бехтерева «Общие основы рефлексологии человека».

Принцип сохранения энергии. Принцип непрерывной изменчивости. Принцип ритма. Принцип приспособления. Принцип противодействия, равного действию. Принцип относительности. Одним словом, мировые, всеобъемлющие принципы, охватывающие не только поведение животного и человека, но все мировое целое. И при этом ни одного психологического закона поведения человека, который формулировал бы найденную связь или зависимость явлений, характеризующую своеобразие человеческого поведения, в отличие от поведения животного.

На другом полюсе книги — классический эксперимент воспитания условного рефлекса, один малый опыт, принципиально исключительно важный, но не заполняющий мирового пространства от условного рефлекса первой степени до принципа относительности. Несоответствие крыши и фундамента, отсутствие самого здания между ними легко обнаруживают, насколько рано еще формулировать мировые принципы на рефлексологическом материале, и как легко взять из других областей знания законы и применить их к психологии. При этом, чем более широкий и всеобъемлющий принцип мы возьмем, тем легче его будет натянуть на нужный нам факт. Нельзя забывать только, что объем и содержание понятия всегда находятся в обратно-пропорциональной зависимости. И так как объем мировых принципов стремится к бесконечности, их психологическое содержание с той же стремительностью умаляется до ноля.

И это не частный порок Бехтеревского курса. В том или ином виде этот же порок обнаруживается и сказывается на всякой попытке систематически изложить учение о поведении человека, как голую рефлексологию.

2. Отрицание сознания и стремление построить психологическую систему без этого понятия, как «психологию без сознания», по выражению П. П. Блонского [1]), ведет к тому, что методика лишается необходимейших средств исследования невыявленных, необнаруживаемых простым глазом реакций, как внутренних движений, внутренней речи, соматических реакций и т. п. Изучение только реакций, видимых простым глазом, совершенно бессильно и несостоятельно перед простейшими даже проблемами поведения человека.

Между тем, поведение человека организовано таким образом, что именно внутренние, плохо обнаруживаемые движения направляют и руководят его поведением. Когда мы воспитываем условный слюнный рефлекс собаки, мы известным образом внешними приемами предварительно организуем ее поведение — иначе опыт не удастся. Мы ставим ее в станок, охватываем ее лямками и пр. Точно так же мы известным образом предварительно

[1]) П. П. Блонский. Очерк научной психологии. Гл. I. ГИЗ. 1921.

организуем поведение испытуемого известными внутренними движениями — через инструкцию, пояснение и пр. И если эти внутренние движения вдруг изменятся в течение опыта — вся картина поведения резко изменится. Таким образом, мы пользуемся всегда заторможенными реакциями; мы знаем, что они протекают всегда безостановочно в организме; что им принадлежит влиятельная регулирующая роль в поведении, — поскольку оно сознательно. Но мы лишены всяких средств для исследования этих внутренних реакций.

Проще говоря: человек всегда думает про себя; это никогда не остается без влияния на его поведение; внезапная перемена мыслей во время опыта всегда резко отзовется на всем поведении испытуемого (вдруг мысль: не буду я смотреть в аппарат). Но мы ничего не знаем о том, как учесть это влияние.

3. Стирается всякая принципиальная грань между поведением животного и поведением человека. Биология пожирает социологию, физиология — психологию. Поведение человека изучается в той мере, в какой оно есть поведение млекопитающего животного. То принципиально новое, что вносят в человеческое поведение сознание и психика, при этом игнорируется.

Для примера сошлюсь на два закона: закон угасания или внутреннего торможения условных рефлексов, установленный акад. Павловым [1]), и закон доминанты, формулированный проф. Ухтомским [2]).

Закон угасания (или внутреннего торможения) условных рефлексов устанавливает тот факт, что при продолжительном возбуждении одним условным раздражителем, не подкрепляемым безусловным, условный рефлекс постепенно ослабевает и, наконец, угасает вовсе. Переходим к поведению человека. Замыкаем у испытуемого условную реакцию на какой-либо раздражитель: когда услышите звонок, нажмите кнопку ключа. Повторяем опыт сорок, пятьдесят, сто раз. Есть ли угасание? Напротив, связь закрепляется — от раза к разу, ото дня ко дню. Наступает утомление — но не это имеет в виду закон угасания. Очевидно, здесь простое перенесение закона из области зоопсихологии в психологию человека невозможно. Нужна принципиальная какая-то оговорка. Но мы не только не знаем ее, но не знаем даже, где и как искать ее.

Закон доминанты устанавливает существование в нервной системе животного таких очагов возбуждения, которые притягивают к себе другие, субдоминантные возбуждения, попадающие в это время в нервную систему. Половое возбуждение у кошки,

[1]) Акад. И. П. Павлов. «20-летний опыт объект. изуч. высшей нервн. деятельности животных». Гл. 19 и др.

[2]) А. А. Ухтомский. «Доминанто как рабочий принцип нервных центров». Русск. Физиол. Журн. Т. VI, 1923.

акты глотания и дефекации, как показывает исследование, обнимательный рефлекс у лягушки — все это усиливается за счет всякого постороннего раздражения. Отсюда делается прямой переход к акту внимания у человека и устанавливается, что физиологической основой этого акта является доминанта. Но вот оказывается, что внимание как раз лишено этой характерной черты доминанты — способности усиливаться от всякого постороннего раздражения. Напротив, всякий посторонний раздражитель отвлекает и ослабляет внимание. Опять переход от законов доминанты, установленных на кошке и лягушке, к законам человеческого поведения, очевидно, нуждается в существенной поправке.

4. Самое главное — исключение сознания из сферы научной психологии сохраняет в значительной мере весь дуализм и спиритуализм прежней субъективной психологии. Акад. Бехтерев утверждает, что система рефлексологии не противоречит гипотезе «о душе» [1]). Субъективные или сознательные явления характеризуются им, как явления второго ряда, как специфические внутренние явления, сопровождающие сочетательные рефлексы [2]). При этом дуализм этот закрепляется тем, что допускается возможность и даже признается неизбежность возникновения в будущем отдельной науки — субъективной рефлексологии [3]).

Основная предпосылка рефлексологии — допущение возможности объяснить все без остатка поведение человека, не прибегая к субъективным явлениям, построить психологию без психики — представляет вывороченный наизнанку дуализм субъективной психологии — ее попытку изучать чистую, отвлеченную психику. Это другая половина прежнего же дуализма: там психика без поведения, здесь поведение без психики; и там, и здесь психика и поведение не одно, а два.

Ни один психолог, будь он крайний спиритуалист и идеалист, именно в силу этого дуализма, не отрицал физиологического материализма рефлексологии, но напротив, всегда и всякий идеализм непременно предполагал его.

5. Изгоняя сознание из психологии, мы прочно и навсегда замыкаемся в кругу биологической нелепости. Даже акад. Бехтерев предостерегает, как от большой ошибки, от того, чтобы считать «субъективные процессы совершенно лишними или побочными явлениями в природе (эпифеноменами), ибо мы знаем, что все лишнее в природе атрофируется и уничтожается, тогда как наш собственный опыт говорит нам, что субъективные явления достигают наивысшего развития в наиболее сложных процессах соотносительной деятельности» [4]).

---

[1]) В. М. Бехтерев. «Общие основы рефлексологии человека». Гл. 3.
[2]) Ibid., гл. 7 и др., ср. также «Психика и жизнь». Его же.
[3]) Ibid., гл. 46.
[4]) Ibid., гл. 4.

Следовательно, остается признать одно из двух: или это действительно так и есть, — тогда невозможно изучать поведение человека, сложные формы его соотносительной деятельности, безотносительно к его психике; или это не так, — тогда психика эпифеномен, побочное явление, раз все объясняется и без нее, тогда мы приведены к биологическому абсурду. Третья возможность не дана.

6. Для нас при такой постановке вопроса навсегда закрывается доступ к исследованию главнейших проблем — структуры нашего поведения, анализа его состава и форм. Мы навсегда обречены оставаться при ложном представлении, будто поведение есть сумма рефлексов. Между тем, «человек вовсе не кожаный мешок, наполненный рефлексам, и мозг — не гостиница для случайно останавливающихся рядом условных рефлексов».

Рефлекс — понятие абстрактное; методологически оно крайне ценно, но оно не может стать основным понятием психологии, как конкретной науки о поведении человека. На деле мы кожаный мешок, наполненный рефлексами, и мозг — не гостиница сложные группы, соединения, системы, построенные по самым разнообразным типам.

Исследование доминантных реакций на животных, исследование интеграции рефлексов показало с непререкаемой убедительностью, что работа каждого органа, его рефлекс, не есть нечто статическое, но есть только функция от общего состояния организма [1]). «Нервная система работает, как одно целое» [2])—эта формула Шеррингтона должна быть положена в основу учения о структуре поведения.

В самом деле, рефлекс в том смысле, в каком он употребляется у нас, напоминает очень близко историю Каннитферштана, имя которого бедный иностранец слышал в Голландии всякий раз в ответ на всякий свой вопрос: кого хоронят, чей это дом, кто проехал и т. д. Он в наивности думал, что все в этой стране совершается Каннитферштаном, между тем слово это означало только, что его вопросов не понимали встречные голландцы.

Вот таким свидетельством в непонимании изучаемых явлений легко может представиться иной «рефлекс цели» или «рефлекс свободы». Что это не рефлекс в обычном смысле — в том смысле, как слюнный, — а какой-то отличный от него по структуре механизм поведения, ясно для всякого. И только при всеобщем приведении к одному знаменателю, можно обо всем говорить одинаково: это рефлекс, как это — каннитферштан. Самое слово рефлекс обессмысливается при этом.

---

[1]) Ср. ст. А. А. Ухтомского. М. И. Виноградова и И. И. Каплан в «Русск. физиол. журн.». Т. VI, 1923 г.

[2]) Ch. Sherington. The integrative Action of the Nervous system. New-York, 1906.

*

Что такое ощущение? — Это рефлекс. Что такое речь, жесты, мимика? — Это тоже рефлексы. А инстинкты, обмолвки, эмоции? — Это все тоже рефлексы. Все явления, что нащупала Вюрцбургская школа в высших мыслительных процессах, анализ сновидений, предложенный Фрейдом [8]) — все это те же рефлексы. Все это, конечно, совершенно так и есть, но научная бесплодность таких голых констатирований совершенно очевидна. При таком методе изучения наука не только не вносит света и ясности в изучаемые вопросы, помогая расчленить, отграничить предметы, формы, явления, но напротив, заставляет все видеть в тусклом полусвете, когда все сливается вместе и нет отчетливой границы между предметами. Т о рефлекс и э т о тоже рефлекс, но что же отличает э т о о т т о г о?

Надо изучать не рефлексы, а поведение — его механизмы, его состав, его структуру. У нас возникает всякий раз иллюзия при эксперименте над животным или человеком, будто мы исследуем реакцию или рефлекс. В сущности, мы исследуем всякий раз поведение, потому что мы непременно организуем заранее известным образом поведение испытуемого, чтоб обеспечить за реакцией или рефлексом преобладание; иначе мы ничего не получим.

В опытах акад. Павлова разве собака реагирует слюнным рефлексом, а не множеством самых различных двигательных реакций, внутренних и внешних, — и разве они не влияют на протекание наблюдаемого рефлекса? И разве условный раздражитель, присоединяемый в этих опытах, не вызывает сам по себе таких же реакций (ориентировочные реакции уха, глаза и пр.) — почему же замыкание условной связи происходит между слюнным рефлексом и звонком, а не наоборот, т.-е. не мясо начинает вызывать ориентировочное движение ушей? Разве испытуемый, нажимая на кнопку ключа, по сигналу, выразил в этом всю свою реакцию? А общее расслабление тела, откидывание к спинке стула, отведение головы, вздох и пр. не составляют существеннейших частей реакции?

Все это указывает на сложность всякой реакции, на зависимость ее от структуры того механизма поведения, в который она включена, на невозможность изучать реакцию в абстрактном виде. Не забудем к тому же, прежде чем делать очень большие и ответственные выводы из классического эксперимента с условным рефлексом, что исследование еще только начинается, что оно охватило очень узкий круг, что изучены только один — два вида рефлексов — слюнный и оборонительно-двигательный, и то только

---

[8]) В. М. Бехтерев. «Общие основы рефлексологии человека». Гл. 50 и 51.

условные рефлексы первого-второго порядка и в направлении биологически невыгодном для животного (зачем животному выделять слюну на очень отдаленные сигналы, на условные раздражители высокого порядка?). Поэтому остережемся от прямого перенесения в психологию рефлексологических законов. Верно говорит проф. Вагнер, что рефлекс есть фундамент, но по фундаменту еще ничего нельзя сказать, что будет на нем выстроено [1]).

По всем этим соображениям, думается, приходится переменить взгляд на поведение человека, как на механизм, раскрытый вполне ключом условного рефлекса. Без предварительной рабочей гипотезы о психологической природе сознания невозможен критический пересмотр всего научного капитала в этой области, отбор и просеивание его, перевод на новый язык, выработка новых понятий и создание новой проблематики.

Научной психологии надо не игнорировать факты сознания, а материализовать их, перевести на объективный язык объективно существующее и навсегда разоблачить и похоронить фикции, фантасмагории и пр. Без этого невозможна никакая работа — ни преподавание, ни критика, ни исследование.

Нетрудно понять, что сознание не приходится рассматривать биологически, физиологически и психологически, как в т о р о й р я д явлений. Ему должно быть найдено место и истолкование в о д н о м р я д у явлений со всеми реакциями организма. Это первое требование к нашей рабочей гипотезе. Сознание есть проблема структуры поведения.

Другие требования: гипотеза должна без натяжки объяснить основные вопросы, связанные с сознанием, — проблему сохранения энергии, самосознание, психологическую возможность познания чужих сознаний, сознательность трех основных сфер эмпирической психологии — мышления, чувства и воли, понятие бессознательного, эволюцию сознания, тождество и единство его.

Здесь, в этом коротком и беглом очерке, высказаны только самые предварительные, самые общие, самые основные мысли, на скрещении которых, думается нам, и возникнет будущая рабочая гипотеза сознания в психологии поведения.

II.

Подойдем к вопросу извне, не от психологии.

Все поведение животного в главнейших своих формах складывается из двух групп реакций: прирожденных или безусловных рефлексов и приобретенных или условных реакций. При этом прирожденные реакции составляют как бы биологический экстракт

[1]) Вл. А. Вагнер. «Биопсихология и смежные науки». Петр., 1923. Гл. 4.

наследственного коллективного опыта всего вида, а приобретенные реакции возникают на основе этого наследственного опыта через замыкание новых связей, данных в личном опыте индивида. Так что все поведение животного можно условно обозначить, как наследственный опыт плюс наследственный опыт, помноженный на личный. Происхождение наследственного опыта выяснено, в общем, Дарвином; механизм умножения этого опыта на личный есть механизм условного рефлекса, установленный акад. Павловым.

Этой формулой, в общем, исчерпывается поведение животного.

Иначе обстоит дело с человеком. Здесь, для того, чтобы охватить сколько-нибудь полно все поведение, необходимо ввести новые члены в формулу. Здесь необходимо прежде всего отметить чрезвычайно расширенный наследственный опыт человека по сравнению с животными. Человек пользуется не только физически унаследованным опытом. Но вся наша жизнь, труд, поведение основаны на широчайшем использовании опыта прежних поколений, не передаваемого через рождение от отца к сыну. Условно обозначим его, как исторический опыт.

Рядом с ним должен быть поставлен опыт социальный, опыт других людей, который входит очень значительным компонентом в поведение человека. Я располагаю не только теми связями, которые замкнулись в моем личном опыте между безусловными рефлексами и отдельными элементами среды, но и множеством таких связей, которые установлены были в опыте других людей. Если я знаю Сахару и Марс, хотя ни разу не выезжал из своей страны и ни разу не смотрел в телескоп, то очевидно, что происхождением своим этот опыт обязан опыту других людей, ездивших в Сахару и глядевших в телескоп. Столь же очевидно, что такого опыта у животных обычно нет. Обозначим это, как социальный компонент нашего поведения.

Наконец, что еще является существенно новым для поведения человека, это то, что приспособление его и связанное с ним поведение принимает новые, по сравнению с животными, формы. Там пассивное приспособление к среде; здесь активное приспособление среды к себе. Правда, и у животных встречаем мы начальные формы активного приспособления в инстинктивной деятельности (витье гнезд, постройка жилища и пр.), но в животном царстве формы эти, во-первых, не имеют преобладающего, основного значения, а во-вторых, они все еще остаются пассивными по существу и по механизму своего осуществления.

Паук, который ткет паутину, и пчела, строящая ячейки из воска, делают это в силу наследственного инстинкта, машинообразно, все одинаково и не обнаруживают в этом больше активности, чем во всех остальных приспособительных реакциях. Другое дело ткач или архитектор. Как говорит Маркс, они раньше

построили свое произведение в голове; результат, полученный в процессе труда, имелся перед началом этого труда идеально [1]). Это совершенно бесспорное пояснение Маркса не означает ничего другого, кроме обязательного для человеческого труда удвоения опыта. Труд повторяет в движениях рук и в изменениях материала то, что прежде проделано в представлении работника как бы с моделями этих же движений и этого же материала. Вот такого удвоенного опыта, позволяющего человеку развить формы активного приспособления, у животного нет. Назовем условно этот новый вид поведения — удвоенным опытом.

Теперь новая часть формулы поведения человека примет такой вид: исторический опыт, социальный опыт, удвоенный опыт.

Остается вопрос: какими знаками связать эти новые члены формулы между собой и с прежней ее частью?

Знак умножения наследственного опыта на личный для нас ясен, он означает механизм условного рефлекса.

Отысканию этих недостающих знаков и посвящены следующие главы.

III.

В предыдущей главе намечены биологический и социальный моменты проблемы. Теперь рассмотрим столь же кратко ее физиологическую сторону.

Даже самые элементарные опыты с изолированными рефлексами наталкиваются на проблему координации рефлексов или перехода их в поведение. Выше упомянуто было мимоходом о том, что любой опыт акад. Павлова уже предполагает так. предварительно организованное поведение собаки, чтоб замкнулась в столкновении рефлексов единственная нужная связь. Акад. Павлову же пришлось столкнуться и с некоторыми более сложными рефлексами собаки.

Не раз ак. Павлов указывает на возникавшие в процессе опытов столкновения двух разных рефлексов. При этом результаты не всегда бывают одинаковы (см. статьи XXI и XXV—в одном случае рассказывается об усилении пищевого рефлекса одновременным сторожевым, в другом—о победе пищевого над сторожевым) [2]). «Два рефлекса представляют буквально как бы две чашки весов», говорит акад. Павлов по этому поводу. Он не закрывает глаза на необычайную сложность протекания рефлекса: «Если взять во внимание, — говорит он, что данный рефлекс на внешнее раздражение не только ограничивается и регулируется другим внешним одновременным рефлекторным актом, но и массою внутренних

[1]) К. Маркс. «Капитал». Т. I, отд. 3, гл. 5.
[2]) Акад. Павлов. «20-летний опыт».

рефлексов, а также действием всевозможных внутренних раздражителей: химических, термических и т. д., как на разные отделы центральной нервной системы, так и непосредственно на самые рабочие тканевые элементы, то таким представлением была бы захвачена вся реальная сложность рефлекторных ответных явлений» [1]).

Основной принцип координации рефлексов, как он выяснен в исследованиях К. С. Шеррингтона [2]), заключается в борьбе различных групп рецепторов за общее двигательное поле. Дело в том, что приносящих нейронов в нервной системе много больше, чем отводящих, поэтому каждый двигательный нейрон находится в рефлекторной связи не только с одним рецептором, но со многими, вероятно, со всеми. Таким образом, в организме всегда возникает борьба за общее двигательное поле, за обладание одним рабочим органом, между различными рецепторами. Исход этой борьбы зависит от многих очень сложных и многообразных причин. Таким образом, выясняется, что всякая осуществленная реакция, всякий победивший рефлекс возникает после борьбы, после конфликта в «пункте коллизии» [3]).

Поведение есть система п о б е д и в ш и х реакций.

«При нормальных условиях, — говорит Шеррингтон, — если оставить в стороне вопросы сознания, все поведение животного слагается из последовательных переходов конечного поля то к одной группе рефлексов, то к другой» [4]). Другими словами, все поведение есть ни на минуту не утихающая борьба. Есть все основания предположить, что одна из важнейших функций головного мозга именно в том и заключается, чтобы устанавливать координацию между рефлексами, исходящими из отдаленных точек, «благодаря чему нервная система интегрируется до целостного индивидуума».

Координирующий механизм общего двигательного поля служит, по мнению Шеррингтона, «основой коренного психического процесса внимания». «Благодаря этому принципу, в каждый момент создается единство действия, а это, в свою очередь, служит основой понятия личности; таким образом, создание единства личности составляет задачу нервной системы». «Рефлекс представляет собой интегральную реакцию организма». Каждую мышцу при этом, каждый рабочий орган приходится рассматривать, как «чек на предъявителя, которым может овладеть любая группа рецепторов». Общее представление о нервной системе прекрасно выясняется из общего сравнения:

---

[1]) Акад. И. П. П а в л о в. «20-летний опыт». Гл. XXV.

[2]) К. С. Ш е р р и н г т о н. «Ассоциация спинно-мозговых рефлексов и принцип «общего поля». Русск. пер. Сб. «Успехи биол.» Одесса, 1912.

[3]) Выражение Г е р и н г а.

[4]) К. С. Ш е р р и н г т о н. «Ассоц. сп.-мозг. рефл.»

«Система рецепторов относится к системе выносящих путей, как широкое верхнее отверстие воронки к ее вытечному отверстию. Но каждый рецептор стоит в связи не с одним, а со многими, может быть, со всеми выносящими волокнами; конечно, связь эта бывает различной прочности. Поэтому, продолжая наше сравнение с воронкой, нужно сказать, что вся нервная система представляет собой воронку, одно отверстие которой впятеро шире другого; внутри этой воронки расположены рецепторы, которые тоже представляют собой воронки, широкое отверстие которых повернуто к выходному концу общей воронки и покрывает его целиком» [1]).

Акад. Павлов сравнивает большие полушария головного мозга с телефонной станцией, где замыкаются новые, временные связи между элементами среды и отдельными реакциями [2]). Гораздо больше, чем телефонную станцию, наша нервная система напоминает узкие двери в каком-либо большом здании, к которым в панике устремилась многотысячная толпа; в двери могут пройти только несколько человек; прошедшие благополучно — немногие из тысяч погибших, оттесненных. Это ближе передает тот катастрофический характер борьбы, динамического и диалектического процесса между миром и человеком и внутри человека, который называется поведением.

Из этого, естественно, следуют два положения, нужные для правильной постановки вопроса о сознании, как механизме поведения.

1. Мир как бы вливается в широкое отверстие воронки тысячами раздражителей, влечений, зовов; внутри воронки идет непрестанная борьба, столкновение; все возбуждения вытекают из узкого отверстия ввиде ответных реакций организма в сильно уменьшенном количестве. Осуществившееся поведение есть ничтожная доля возможного. Человек всякую минуту полон неосуществившихся возможностей. Эти неосуществившиеся возможности нашего поведения, эта разность между широким и узким отверстиями воронки есть совершеннейшая реальность, такая же, как и восторжествовавшие реакции, потому что все соответствующие им три момента реакции налицо.

Это неосуществленное поведение, при сколько-нибудь сложном строении конечного общего поля и при сложных рефлексах, может иметь чрезвычайно разнообразные формы. «В сложных рефлексах рефлекторные дуги иногда аллиируются по отношению к одной части общего поля и борются друг с другом в отношении

[1]) К. С. Шеррингтон. «Ассоц. сп.-мозг. рефл.»
[2]) Акад. И. П. Павлов. «20-летний опыт».

к другой его части»[1]). Таким образом, реакция может остаться наполовину неосуществленной или осуществленной в некоторой, всякий раз неопределенной своей части.

2. Благодаря чрезвычайно сложному равновесию, устанавливаемому в нервной системе сложнейшей борьбой рефлексов, нужна часто совершенно незначительная сила нового раздражителя, который решил бы исход борьбы. Так в сложной системе борющихся сил и ничтожная новая сила может определить собой результат и направление равнодействующей; в большой войне и маленькое государство, присоединившись к одной из сторон, может решить победу и поражение. Это значит, что легко можно себе представить, как незначительные сами по себе реакции, даже малоприметные, могут оказаться руководящими в зависимости от конъюнктуры в том «пункте коллизии», в который они вступают.

IV.

Самый элементарный и основной, всеобщий закон связи рефлексов может быть формулирован так. Рефлексы связываются между собой по законам условных рефлексов, при чем ответная часть одного рефлекса (моторная, секреторная) может стать при соответствующих условиях условным раздражителем (или тормозом) другого рефлекса, замыкаясь по сенсорному пути связанных с ней периферических раздражений в рефлекторную дугу с новым рефлексом. Целый ряд таких связей, возможно, дан наследственно и относится к безусловным рефлексам. Остальная часть этих связей создается в процессе опыта — и не может не создаваться постоянно в организме.

Акад. Павлов называет этот механизм цепным рефлексом и прилагает его к объяснению инстинкта[2]). В опытах доктора Зеленого обнаружился тот же механизм при исследовании ритмических мышечных движений, которые тоже оказались цепным рефлексом[3]). Таким образом, механизм этот объясняет лучше всего бессознательные, автоматические соединения рефлексов.

Однако, он же, если принять во внимание не одну и ту же систему рефлексов, а разные, и возможность передачи из одной системы в другую, и есть, в основном, самый механизм сознания в его объективном значении. Способность нашего тела быть раздражителем (своими актами) для самого себя (для новых актов) — такова основа сознания.

---

[1]) К. С. Шеррингтон. «Ассоц. сп.-мозг. рефл.»

[2]) Акад. И. П. «20-летний опыт». Гл. 25.

[3]) Др. Т. Зеленый. «О ритмических мышечных движениях». Русск. Физ. Журн., т. VI, 1923 г. Тот же термин в Павловской школе употребляется и для обозначения несколько других механизмов соединения рефлексов в цепь. Ср. Д. С. Фурсиков «О цепных условных рефлексах» (Русск. Физ. Журн., т. IV, 1922 г.).

Уже сейчас можно говорить о несомненном взаимодействии отдельных систем рефлексов, об отражении одних систем на других. Собака на соляную кислоту реагирует выделением слюны (рефлекс), но сама слюна является новым раздражителем для рефлекса глотания или выбрасывания ее наружу. В свободной ассоциации я произношу на слово-раздражитель р о з а — н а р ц и с, это рефлекс, но он же является раздражителем для следующего слова — л е в к о й. Это все внутри одной системы или близких, сотрудничающих систем. Вой волка вызывает во мне, как раздражитель, соматические и мимические рефлексы страха; измененное дыхание, сердцебиение, дрожь, сухость в горле (рефлексы) заставляют меня сказать или подумать: я боюсь. Здесь передача с одних систем на другие.

Самую сознательность или сознаваемость нами своих поступков и состояний следует, видимо, понимать, прежде всего, как правильно функционирующую в каждый сознательный момент систему передаточных механизмов с одних рефлексов на другие. Чем правильнее всякий внутренний рефлекс, в качестве раздражителя, вызывает целый ряд других рефлексов из других систем, передается на другие системы, — тем более мы способны отдать отчет себе и другим в переживаемом, тем оно переживается сознательнее (чувствуется, закрепляется в слове и т. д.).

Отдать отчет и значит: перевести одни рефлексы в другие. Бессознательное психическое и означает рефлексы, не передающиеся в другие системы. Возможны бесконечно разнообразные степени сознательности — т.-е., взаимодействия систем, включенных в механизм действующего рефлекса. Сознание своих переживаний и означает не что иное, как имение их в качестве объекта (раздражителя) для других переживаний. Сознание есть переживание переживаний, точно таким же образом, как переживания просто суть переживания предметов. Но именно эта способность рефлекса (переживания предмета) быть раздражителем (предметом переживания) для нового рефлекса — этот механизм сознательности и есть механизм передачи рефлексов из одной системы в другую. Это приблизительно то же, что акад. Бехтерев называет подотчетными и неподотчетными рефлексами.

Проблема сознания должна быть поставлена и решена психологией в том смысле, что оно есть взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов. Сознательно то, что передается в качестве раздражителя на другие системы и вызывает в них отклик. Сознание всегда эхо, ответный аппарат. Приведу три ссылки на литературу.

1. Здесь уместно указать, что в психологической литературе не раз указывалось на круговую реакцию, как на механизм, который возвращает в организм его же собственный рефлекс при помощи возникающих при этом центростремительных токов

и который лежит в основе сознания [1]). При этом выдвигалось часто биологическое значение этой круговой реакции: новое раздражение, посланное рефлексом, вызывает новую, вторичную реакцию, которая либо усиливает и повторяет, либо ослабляет и подавляет первую реакцию, в зависимости от общего состояния организма, от той как бы оценки, которую организм дает своему же рефлексу. Таким образом, круговая реакция представляет собой не простое соединение двух рефлексов, но такое соединение, где одна реакция управляется и регулируется другой. Этим намечается новый момент в механизме сознания: его регуляторная роль по отношению к поведению.

2. Шеррингтон различает экстеро-рецептивное и интеро-рецептивное поля, как поле наружной поверхности тела и как внутреннюю поверхность некоторых органов, куда «вводится некоторая часть внешней среды». Отдельно говорит он о проприо-рецептивном поле, возбуждаемом самим же организмом, изменениями, которые происходят в мышцах, сухожилиях, суставах, кровеносных сосудах и т. д.

«В отличие от рецепторов экстеро-и интеро-рецептивного поля, рецепторы проприо-рецептивного поля возбуждаются лишь вторично влияниями, идущими из внешней среды. Их раздражителем является деятельное состояние тех или иных органов, например, сокращение мышцы, которое, в свою очередь, служит первичной реакцией на раздражение поверхностного рецептора факторами внешней среды. Обычно рефлексы, возникающие благодаря раздражению проприо-рецептивных органов, сочетаются с рефлексами, вызванными раздражением экстеро-рецептивных органов» [2]).

При этом сочетание этих вторичных рефлексов с первичными реакциями, эта «вторичная связь» может соединять, как показывает исследование, рефлексы как аллиированного, так и антагонистического типа. Другими словами, вторичная реакция может усиливать и прекращать первичную. В этом и заключается механизм сознания.

3. Наконец, акад. Павлов в одном месте говорит: «Воспроизведение нервных явлений в субъективном мире является очень своеобразным, так сказать, многократно преломленным, так что в целом психологическое понимание нервной деятельности в высшей степени условно и приблизительно» [3]).

---

[1]) Ср., напр., Н. Н. Ланге. Психология. — «Итоги науки». Т. VIII. Изд. «Мир».

[2]) К. С. Шеррингтон. «Ассоциация спинно-мозговых рефлексов».

[3]) Акад. И. П. Павлов. «20-летний опыт». Гл. 23.

Едва ли здесь акад. Павлов имел в виду что-либо большее, чем простое сравнение, но мы готовы понять его слова в буквальном и точном смысле и утверждать, что сознание и есть «многократное преломление» рефлексов.

V.

Этим разрешается проблема психики без затраты энергии. Сознание всецело и без всякого остатка сводится на передаточные механизмы рефлексов, работающие по общим законам, т.-е. никаких других процессов, кроме реакций, можно допустить, в организме нет.

Открывается возможность и для решения проблемы самосознания и самонаблюдения. Внутреннее восприятие, интроспекция возможны только благодаря существованию проприо-рецептивного поля и связанных с ним вторичных рефлексов. Это всегда как бы эхо реакции.

Самосознание, как «восприятие того, что происходит в собственной душе человека», по выражению Локка, всецело исчерпывается этим. При этом становится ясной доступность этого опыта одному лицу — самому переживающему свой опыт. Только я сам и я один могу наблюдать и воспринимать свои вторичные реакции, потому что только для меня одного мои рефлексы служат новыми раздражителями проприо-рецептивного поля.

При этом легко объясняется и основная расколотость опыта: психическое потому именно и непохоже ни на что другое, что оно имеет дело с раздражителями sui generis, не встречающимися нигде больше, кроме моего тела. Движение моей руки, воспринимаемое глазом, может быть одинаково раздражителем, как для моего, так и для чужого глаза; но сознательность этого движения, те проприо-рецептивные возбуждения, которые при этом возникают и вызывают вторичные реакции, существуют для меня одного. Они ничего не имеют общего с первым раздражением глаза. Здесь совершенно другие нервные пути, другие механизмы, другие раздражители.

С этим теснейшим образом связан и сложнейший вопрос психологической методики: о ценности самонаблюдения. Прежняя психология считала его основным и главным источником психологического знания. Рефлексология отвергает его вовсе или вводит под контролем объективных данных, как источник дополнительных сведений [1]).

Изложенное здесь понимание вопроса позволяет понять в самых приблизительных и общих чертах то значение (объектив-

[1]) В. М. Бехтерев. «Основы общей рефлексологии человека». Гл. 2.

ное), какое может иметь для научного исследования словесный отчет испытуемого. Невыявленные рефлексы (немая речь), внутренние рефлексы, недоступные прямому восприятию наблюдающего могут быть обнаружены часто косвенно, посредственно, через доступные наблюдению рефлексы, по отношению к которым они являются раздражителями. По наличию полного рефлекса (слово) мы судим о наличии соответственного раздражителя, который в настоящем случае играет двойную роль: раздражителя по отношению к полному рефлексу и рефлекса по отношению к предыдущему раздражителю.

При той огромной и первостепенной роли, которую в системе поведения играет психика, т.-е. невыявленная группа рефлексов, было бы самоубийственно для науки отказываться от обнаружения ее косвенным путем, через ее отражения на других системах рефлексов. Ведь учитываем же мы рефлексы на внутренние, скрытые от нас раздражители. Логика здесь та же, и тот же ход мысли и доказательства.

В таком понимании отчет испытуемого ни в какой степени не является актом самонаблюдения, который якобы примешивает свою ложку дегтя в бочку меда научно-объективного исследования. Никакого самонаблюдения. Испытуемый не ставится вовсе в положение наблюдателя, не помогает экспериментатору наблюдать скрытые от него рефлексы. Испытуемый до конца — и в самом своем отчете — остается объектом опыта, но в самый опыт вносятся последующим опросом некоторые изменения, трансформация,—вводится новый раздражитель (новый опрос), новый рефлекс, позволяющий судить о невыясненных частях предыдущего. Весь опыт при этом как бы пропускается через двойной объектив.

В методику психологического исследования необходимо ввести такое пропускание опыта через вторичные реакции сознания. Поведение человека и установление у него новых условных реакций определяется не только выявленными, полными, до конца обнаруженными реакциями, но и невыявленными в своей внешней части, невидимыми простым глазом. Почему можно изучать полные речевые рефлексы, а учитывать мысли-рефлексы, «оборванные на двух третях» [1]), нельзя хотя это те же, реально существующие, несомненные реакции.

Если я произнесу вслух, слышно для экспериментатора, пришедшее мне в свободной ассоциации слово вечер, — это подлежит учету, как словесная реакция, условный рефлекс. А если я его произнесу неслышно, про себя, подумаю — разве от того оно перестает быть рефлексом и меняет свою природу? И где грань между произнесенным и непроизнесенным словом?

[1]) Определение Сеченова.

Если зашевелились губы, если я издал шопот, но все еще неслышный для экспериментатора, — как тогда? Может он просить меня повторить вслух это слово или это будет субъективный метод, допустимый только на самом себе? Если может (а с этим, вероятно, согласятся почти все), то почему не может просить произнести вслух мысленно произнесенное слово, т.-е. без шевеления губ и шопота? Ведь оно все время было и теперь остается речедвигательной реакцией, условным рефлексом, без которого мысли нет. А это и есть уже опрос, высказывание испытуемого, его словесный отчет относительно невыявленных, неуловленных слухом экспериментатора (вот и вся разница между мыслями и речью), но несомненно объективно бывших реакций. В том, что они были, были действительно со всеми признаками материального бытия, — мы можем убедиться многими способами. В разработке этих способов и состоит одна из важнейших задач психологической методики. Психоанализ — один из таких способов.

Но что самое важное — это то, что они сами позаботятся о том, чтобы убедить нас в своем существовании. Они скажутся с такой силой и яркостью в дальнейшем течении реакций, что заставят экспериментатора или учесть их, или отказаться вовсе от изучения такого течения реакций, в которое они врываются. А много ли есть таких процессов поведения, в которые не врывались бы задержанные рефлексы? Итак, или откажемся от изучения поведения человека в его существеннейших формах, или введем в наш опыт обязательный учет этих внутренних движений.

Два примера пояснят эту необходимость. Если я запоминаю что-либо, устанавливаю новый речевой рефлекс, разве безразлично, что я буду в это время думать — просто ли буду про себя повторять заданное слово или устанавливать логическую связь между этим словом и другим. Разве неясно, что результаты в обоих случаях будут существенно иные.

В свободной ассоциации на слово-раздражитель гром я произношу змея, но прежде еще у меня мелькает мысль: молния. Разве неясно, что без учета этой мысли я получу заведомо ложное представление, будто на гром реакция была змея, а не молния.

Разумеется, здесь речь идет не о простом перенесении экспериментального самонаблюдения из традиционной психологии в новую. Скорее — о неотложной необходимости разработать новую методику для исследования заторможенных рефлексов. Здесь защищалась только принципиальная необходимость и возможность этого.

Чтобы покончить с вопросами методов, остановимся кратко на той поучительной метаморфозе, которую переживает нынче

методика рефлексологического исследования в применении к человеку и о которой рассказал проф. Протопопов в одной из своих статей [1]).

«Первоначально рефлексологами наносилось электрокожное раздражение на стопу ноги; потом оказалось выгоднее выбрать в качестве критерия ответной реакции более совершенный аппарат, более приспособленный к ориентировочным реакциям; нога была замена рукой. Но сказавши «а», приходится сказать и «б». Человек обладает еще неизмеримо более совершенным аппаратом, при помощи которого устанавливается более широкая связь с миром, — речевым аппаратом: остается перейти к реакциям словесным.

Но самое любопытное — это те «некоторые факты», на которые исследователям пришлось натолкнуться в процессе работы. Дело в том, что дифференцировка рефлекса достигалась у человека крайне медленно и туго, и вот о к а з а л о с ь (подчеркнуто мной. *Л.В.),* что, воздействуя на объект соответственно подходящей речью, можно способствовать, как торможению, так и возбуждению условных реакций». Другими словами, все открытие сводится к тому, что с человеком можно на словах условиться, чтоб он отдергивал руку при известном сигнале, а при известном не отдергивал! И автору приходится утверждать два положения, важных для нас здесь.

1. «Несомненно рефлексологические исследования на человеке в будущем должны вестись, главным образом, с помощью вторичных условных рефлексов». Это означает не что иное, как тот факт, что сознательность врывается даже в опыты рефлексологов и существенно меняет картину поведения. Гони сознание в дверь,— оно войдет в окно.

2. Включение в рефлексологическую методику этих приемов исследования сливает ее вполне с давно установленной в экспериментальной психологии методикой исследования реакций и пр. Это отмечает и проф. Протопопов, но считает это совпадение случайным и совпадением лишь внешней стороны. Для нас же ясно, что здесь речь идет о полнейшей капитуляции чисто-рефлексологической методики, с успехом применяющейся на собаках, перед проблемами человеческого поведения.

Чрезвычайно существенно, хотя бы в двух словах, показать, что все три сферы психики, на которые распределяла ее эмпирическая психология — познание, чувство и воля, — если взглянуть на них с точки зрения изложенной здесь гипотезы, — тоже обна-

[1]) Проф. В. Протопопов. «Методы рефлексологического исследования человека». Журн. психол., неврол. и психиатрии. Т. III, 1923 г.

ружат легко ту же природу присущей им сознательности и окажутся легко примиримыми как с этой гипотезой, так и с вытекающей из нее методикой.

1. Теория эмоций Джемса вполне открывает возможность такого истолкования сознательности чувств. Из трех обычных элементов — А — причина чувства, В — самое чувство, С — телесные его проявления, Джемс делает перестановку в таком виде: А—С—В [1]). Не стану напоминать всем известную его аргументацию. Укажу только, что этим вполне вскрывается: 1) рефлекторный характер чувства, чувство, как система рефлексов — А — В, 2) вторичный характер сознательности чувства, когда своя же реакция служит раздражителем новой, внутренней реакции — В — С. Биологическое значение чувства, как быстрой оценочной реакции всего организма на его же собственное поведение, как акта заинтересованности всего организма в реакции, как внутреннего организатора всего наличного в данный момент поведения, — делается тоже понятным. Замечу еще, что Вундтовская трехмерность чувства, в сущности, тоже говорит о таком оценочном характере эмоции, как бы отзвуке всего организма на свою же реакцию. Вот откуда неповторимость, единственность эмоций во всяком отдельном случае их протекания.

2. Акты познания эмпирической психологии тоже обнаруживают свою двойственную природу, поскольку они протекают сознательно. Психология явно различает в них два этажа: акты познания и сознание этих актов.

Особенно любопытны результаты утонченнейшего самонаблюдения Вюрцбургской школы, этой чистой «психологии психологов», в этом направлении. Один из выводов этих исследований устанавливает ненаблюдаемость самого мыслительного акта, который ускользает от восприятия. Самонаблюдение здесь само исчерпывает себя. Мы на самом дне сознания. Парадоксальный вывод, который напрашивается сам собой, — это некоторая бессознательность актов мысли. Замечаемые при этом, находимые нами в нашем сознании элементы скорее представляют собой суррогаты мысли, нежели ее существо: это всякие обрывки, клочки, пена.

«Опытным путем удалось доказать,—говорит по этому поводу О. Кюльпе, — что наше «я» нельзя отделить от нас. Невозможно мыслить — мыслить, отдаваясь вполне мыслям и погружаясь в них, — и в то же время наблюдать эти мысли, — такое разделение психики невозможно довести до конца» [2]). Это и означает, что сознание нельзя направить на себя, что оно является

[1]) Джемс. «Психология.» Пер. Лапшина. Глава XXIV.
[2]) О. Кюльпе. «Современная психология мышления». Русск. пер. «Новые идеи в философии», сб. 16.

вторичным моментом. Нельзя мыслить свою мысль, уловить самый механизм сознательности — именно потому, что он не есть рефлекс, т.-е. не может быть объектом переживания, раздражителем нового рефлекса, а есть передаточный механизм между системами рефлексов. Но как только мысль окончена, т.-е. замкнулся рефлекс, можно его сознательно наблюдать: «сначала одно, потом другое», как говорит Кюльпе.

Проф. Кроль по этому поводу в одной из своих статей говорит, что новые явления, открытые Вюрцбургскими исследованиями в высших процессах сознания, удивительно напоминают Павловские условные рефлексы [1]). Самопроизвольность мысли, нахождение ее в готовом виде, сложные чувствования деятельности, поисков и пр. говорят, конечно, за это. Невозможность ее наблюдения говорит за те механизмы, которые намечаются здесь.

3. Наконец, воля всего лучше и проще вскрывает такую именно сущность своей сознательности. Предварительное наличие в сознании двигательных представлений (т.-е. вторичных реакций от движения органов) поясняет, в чем здесь дело. Всякое движение первый раз должно совершиться бессознательно. Затем его кинкэстезия (т.-е. вторичная реакция) делается основой его сознательности [2]). Опыты Bair'a с движениями ушей иллюстрируют это. Сознательность воли и дает иллюзию двух моментов: я подумал и я сделал. И здесь, в действительности, в наличии две реакции — только в обратном порядке: сперва вторичная, потом основная, первая. Иногда процесс осложняется, и учение о сложном волевом акте и его механизме, осложненном мотивами, т.-е. столкновением нескольких вторичных реакций, тоже всецело согласуется с развитыми выше мыслями.

Но едва ли не самое важное — это то, что в свете этих мыслей разъясняется развитие сознания с момента рождения, происхождение его из опыта, его в т о р и ч н о с т ь и следовательно психологическая обусловленность средой. Бытие определяет сознание— этот закон впервые здесь может, при известной разработке, получить точный психологический смысл и обнаружить самый механизм этой определяемости.

VI.

У человека легко выделяется одна группа рефлексов, которую правильно было бы назвать обратимыми. Это рефлексы на те раздражители, которые, в свою очередь, могут быть созданы человеком. Слово услышанное — раздражитель; слово произнесен-

[1]) М. Б. К р о л ь. «Мышление и речь». Труды Белорусск. Госуд. Универс. № 1, 1922 г.

[2]) Ср. анализ волевого акта у М ю н с т е р б е р г а («Психология и учитель». Гл. XX) и у Э б б и н г а у з а («Основы психологии». Т. I, вып. 2. Гл. IV).

ное — рефлекс, создающий тот же раздражитель. Здесь рефлекс обратим, потому что раздражитель может становиться реакцией и наоборот. Эти обратимые рефлексы, создающие основу для социального поведения, служат коллективной координации поведения. Из всей массы раздражителей для меня ясно выделяется одна группа, группа раздражителей социальных, исходящих от людей. Выделяется тем, что я сам могу воссоздать эти же раздражители; тем, что очень рано они делаются для меня обратимыми и, следовательно, иным образом определяют мое поведение, чем все прочие. Они уподобляют меня другим, делают мои акты тождественными с собой. В широком смысле слова, в речи и лежит источник социального поведения и сознания.

Чрезвычайно важно хоть на-лету установить здесь ту мысль, что, если это действительно так, значит механизм социального поведения и механизм сознания один и тот же. Речь и есть система «рефлексов социального контакта» [1]), с одной стороны, а с другой — система рефлексов сознания, по преимуществу, т.-е. аппарат отражения других систем.

Здесь же лежит корень вопроса о чуждом «я», о познании чужой психики. Механизм познания себя (самосознание) и познания других один и тот же. Обычные учения о познании чужой психики либо прямо признают ее непознаваемость [2]), либо в тех или других гипотезах стремятся построить правдоподобный механизм, сущность которого и в теории чувствований, и в теории аналогий, одна и та же: мы познаем других постольку, поскольку мы познаем себя; познавая чужой гнев, я воспроизвожу свой собственный [3]).

В самом деле было бы правильнее сказать как раз наоборот. Мы сознаем себя, потому что мы сознаем других, и тем же самым способом, каким мы сознаем других, потому что мы сами в отношении себя являемся тем же самым, чем другие в отношении нас. Я сознаю себя только постольку, поскольку я являюсь сам для себя другим, т.-е. поскольку я собственные рефлексы могу вновь воспринимать, как новые раздражители. Между тем, что я могу повторить вслух сказанное молча слово, и тем что я могу повторить сказанное другим слово, — по существу нет никакой разницы, как нет принципиального различия и в механизмах: и то, и другое обратимый рефлекс — раздражитель.

Поэтому следствием принятия предлагаемой гипотезы будет непосредственно из нее вытекающее социологизирование всего сознания, признание того, что социальному моменту в сознании

---

[1]) А. Залкинд. «Очерки культуры революционного времени».

[2]) А. Введенский. «Психология без всякой метафизики». 1917 г. «О пределах и признаках одушевления». 1892 г.

[3]) Th. Lipps. «Das Wissen von fremden Ichen Psych. Unters. Ср. также. И. Лапшин. «Проблема чужого «я» в новейшей философии». 1910 г.

принадлежит временное и фактическое первенство. Индивидуальный момент конструируется, как производный и вторичный, на основе социального и по точному его образцу [1]).

Отсюда двойственность сознания: представление о двойнике — самое близкое к действительности представление о сознании. Это близко к тому расчленению личности на Я и Оно, которое аналитически вскрывает Фрейд. «По отношению к Оно — я подобно всаднику, — говорит он, — который должен обуздать превосходящую силу лошади, с той только разницей, что всадник пытается совершить это собственными силами, Я же силами заимствованными. Это сравнение может быть продолжено. Как всаднику, если он не хочет расстаться с лошадью, часто остается только вести ее туда, куда ей хочется, так и Я превращает обыкновенно волю Оно в действие, как-будто бы это было его собственной волей» [2]).

Прекрасным подтверждением этой мысли о тождестве механизмов сознания и социального контакта и о том, что сознание есть как бы социальный контакт с самим собой, может служить выработка сознательности речи у глухонемых, отчасти развитие осязательных реакций у слепых. Речь у глухонемых обычно не развивается и застывает на стадии рефлекторного крика, не потому что у них поражены центры речи, а потому, что благодаря отсутствию слуха парализуется возможность обратимости речевого рефлекса. Речь не возвращается, как раздражитель, на самого же говорящего. Поэтому она бессознательна и несоциальна. Ограничиваются обычно глухонемые условным языком жестов, который приобщает их к узкому кругу социального опыта других глухонемых и развивает сознательность у них благодаря тому, что через глаз эти рефлексы возвращаются на самого немого.

Воспитание глухонемого в том и заключается, со стороны психологической, чтобы восстановить или компенсировать нарушенный механизм обратимости рефлексов. Немые научаются говорить, считывая с губ говорящего его произносительные движения, и научаются говорить сами, пользуясь вторичными кинэстетическими раздражениями, возникающими при речедвигательных реакциях [3]).

---

[1]) Ср. у Наторпа («Социальная Педагогика»): «Нет понимания самого себя, если нет основы — понимания других». Он же говорит: «Даже в уединении от окружающих, при безмолвном размышлении, мы постоянно пользуемся словами речи и, следовательно, сохраняем хотя бы фикцию общения». Сознание, с нашей точки зрения, и есть «фикция общения».

[2]) З. Фрейд. «Я и Оно». Гл. 2.

[3]) W. Ierusalem («Laura Bridgman», V, S. 54—55), анализируя процессы мышления и сознания у слепо-глухонемой Лауры Бриджмэн, замечает: «Für sie gehörte also das Denken zu den Sinnesorganen, zunächst natürlich, weil es Kenntnisse vermittelt, dann aber auch, weil sie die Arbeit

При этом самое замечательное в этом то, что сознательность речи и социальный опыт возникают одновременно и совершенно параллельно. Это как бы специально оборудованный природный эксперимент, подтверждающий основной тезис этой статьи. В специальной работе я надеюсь показать это яснее и полнее. Глухонемой научается сознавать себя и свои движения в той же мере, в какой он научается сознавать других. Тождество обоих механизмов здесь разительно ясно и почти очевидно.

Теперь мы можем соединить воедино те члены формулы человеческого поведения, которые записаны в одной из предыдущих глав. Исторический и социальный опыт, очевидно, не представляют из себя чего-либо психологически различного, так как они в опыте не могут быть разделены и даны всегда вместе. Соединим их знаком +. Механизм их совершенно тот же, как я стремился показать, что и механизм сознания, потому что и сознание следует рассматривать, как частный случай социального опыта. Поэтому обе эти части легко обозначить тем же индексом удвоенного опыта.

VII.

Мне представляется чрезвычайно важным и существенным в заключение этого очерка указать на то совпадение в выводах, которое существует между развитыми здесь мыслями и гениальным анализом сознания, который сделан Джемсом. Мысли, исходящие из совершенно различных областей, шедшие совершенно разными путями, привели к тому же взгляду, который в умозрительном анализе дан Джемсом. В этом видится мне некоторое частичное подтверждение моих мыслей. Еще в «Психологии» он заявил, что «существование состояний сознания, как таковых, не есть вполне доказанный факт», но скорее глубоко укоренившийся предрассудок [1]). Именно данные его блестящего самонаблюдения убедили его в этом.

«Всякий раз, как я делаю попытку подметить в своем мышлении, — говорит он, — активность, как таковую, я наталкиваюсь непременно на чисто физический факт, на какое-нибудь впечатление, идущее от головы, бровей, горла и носа». И в статье «Существует ли сознание» [2]) он разъяснил, что вся разница между сознанием и миром (между рефлексом на рефлекс и рефлексом на раз-

---

des Denkens auch sinnlich empfand». Сама Лаура считала, что у нее есть четыре органа чувств: «Denken und Nase und Mund und Finger (think and nose and mouth and fingers» (Lamson 56 H.). Здесь мышление совершенно очевидно поставлено в один ряд с работой анализаторов.

[1]) Эпилог.

[2]) Ibid.

дражитель) только в контексте явлений. В контексте раздражителей — это мир; в контексте моих рефлексов — это сознание. Сознание есть только рефлекс рефлексов.

Таким образом, сознания, как определенной категории, как особого способа бытия, не оказывается. Оно оказывается очень сложной структурой поведения, в частности удвоения поведения, как это и говорится применительно к труду в словах, взятых эпиграфом. «Что касается меня, то я убежден,—говорит Джемс,— что во мне поток мышления... — лишь легкомысленное название для того, что при ближайшем рассмотрении оказывается в сущности потоком дыхания. «Я мыслю», которое по Канту должно сопровождать все мои объекты, не что иное, как «Я дышу», сопровождающее их на самом деле... Мысли... сделаны из той же материи, что и вещи» [1]).

В этом очерке только бегло и на-лету намечены некоторые мысли самого предварительного характера. Однако, мне кажется, что с этого именно и должна начинаться работа по изучению сознания. Наука наша находится сейчас в таком состоянии, что она еще очень далека от заключительной формулы геометрической теоремы, венчающей последний аргумент, — что и требовалось доказать. Нам сейчас еще важно наметить, что же именно требуется доказать, а потом браться за доказательство; сперва составить задачу, и потом решать ее [2]).

Вот этой формулировке задачи и должен посильно послужить настоящий очерк.

---

[1]) «Существует ли сознание». Русский перевод «Новые идеи в философии», сб. 4.

[2]) Эта статья была уже в корректуре, когда я ознакомился с некоторыми работами по этому вопросу, принадлежащими психологам — behaviorist'ам. Проблема сознания ставится и решается этими авторами близко к развитым здесь мыслям, как проблема отношения между реакциями. Ср. «вербализованное поведение» Watson'a («The unverbalized in human Behavior» — Psych. Rev. Iuly—1924), а также Lashley, «The behavioristic interpretations of consciousness» «Psych. Rev.» 1923).

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ И РЕАКТОЛОГИЯ КАК ОТДЕЛЫ НАУКИ О ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА.

З. И. Чучмарев.

В науке о поведении человека, понимаемой в широком смысле, сталкиваются и многообразно переплетаются точки зрения, нашедшие свои условные обозначения в заголовке этой статьи. Пред каждым работником в области исследования поведения человека стоит задача определить научную ценность заявленных точек зрения, без чего работник не может продолжать своих научных исследований. Мы чувствуем всю трудность задачи и беремся за ее посильное гипотетическое решение лишь потому, что виднейшие работники в области марксистской гносеологии и методологии, хотя и заявили определенное отношение к поставленным современностью вопросам (например, тов. Бухарин в своей речи на V съезде Коминтерна), но, к нашему несчастью, кажется, не имели времени изложить подробнее свои взгляды на злободневные вопросы науки о поведении человека; пока появятся эти авторитетные суждения, практические работники данных дисциплин принуждены на свой страх и риск разрешать трудную проблему марксистской оценки указанных течений.

Как всякая теория, предъявляющая права на то, чтобы стать законченной научной дисциплиной, рефлексология не могла не отвечать на ряд вопросов гносеологического характера. Академик Павлов, при очевидном предпочтении эксперимента в своих работах, не отказывается от теоретических вопросов о природе и пределах утверждаемой им дисциплины; акад. Бехтерев посвящает значительную долю своих «Основ рефлексологии» теоретическому обоснованию своих взглядов. Рефлексология прочно вошла в систему наук, исследующих человека; пред нами и стоит задача выяснить ее природу и пределы.

Павлов, основоположник учения об условных рефлексах, сделал крупнейшее завоевание научной мысли XX века, решительно отказавшись от внесения в свою науку чуждых ей методов; физиология высшей нервной деятельности, как научная дисциплина, должна отказаться от часто применявшихся в ней до

Павлова методов психологии; за каждый употребленный сотрудником Павлова психологический термин платился чувствительный штраф; но это не обозначало, что Павлов не признавал, с другой стороны, своеобразия так называемых психических явлений; мало того, он находил, что «в сущности интересует нас в жизни только одно: наше психическое содержание. Все рессурсы человека: искусство, религия, литература, философия и исторические науки — все это соединяется, чтобы бросить луч света в этот мрак. Но человек располагает еще одним средством — естественно-научным изучением с его строго объективным методом [1]).

Это было сказано в 1904 г. при получении Павловым Нобелевской премии. В дальнейшем, например, в 1913 году, Павлов значения психических явлений не умалял, но отказывался от возможности проникнуть в психическое содержание: «Мне представляется безнадежной,—писал он,—со строго научной точки зрения, позиция психологии, как науки о наших субъективных состояниях. Конечно, эти состояния есть для нас первостепенная действительность, они направляют нашу ежедневную жизнь, они обусловливают процесс человеческого общежития. Но одно дело жить по субъективным состсяниям и другое — истинно-научно анализировать их механизм [2]).

В «психическое содержание»—«первостепенную действительность» мы «объективно» проникнуть, по Павлову, не можем, а то, что достается на долю «истинно научного анализа механизма», как уже указал Бухарин в «Енчмениаде», относится к описанию сторон поведения, интересующих физиологию, как науку, с ее особой точкой зрения на явления, но не ведет к проникновению в эту действительность и к овладению ею, хотя эта действительность и «направляет нашу ежедневную жизнь, обусловливает прогресс человечества» и т. п.

Агностицизм психики есть одна из характерных черт гносеологии Павлова, изложенной им, к несчастью, отрывочно, а подчас и противоречиво в его «20-ти-летнем опыте». В следующем, 1914 году, Павлов преклонялся «пред усилиями мысли в работе старых и новейших психологов» и утверждал, «что чистая физиология головного мозга животных чрезвычайно облегчит, больше того — оплодотворит непомерную, богатырскую работу тех, кто посвящал и посвящает себя науке о субъективных состояниях человека» [3]); были у него и сомнения в пригодности его метода даже в области изучения физиологии мозга (1913 г.): «не хотите ли

[1]) Акад. И. П. Павлов. «20-летний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных», стр. 40.
[2]) Ibid., стр. 157.
[3]) Ibid., стр. 183.

при этих ужасных условиях (речь идет о постоянном механическом саморазрушении рубца, остающегося после экстирпации) анализировать такую сложную деятельность, как деятельность больших полушарий? Нет сомнения, что в настоящее время исследователь больших полушарий должен быть прежде всего озабочен (курсив наш. *З. Ч.*) вопросом, как изменить свои действия в отношении мозга. При теперешнем способе затрачивается бесплодно огромное количество человеческого труда и масса животных. Попытки в этом отношении есть. Один немецкий автор (Trendelenburg) пробовал применять местное охлаждение мозга. Недалекое будущее покажет, насколько последний метод окажется удобным и что он нам принесет хорошего» [1]). Но изменение «этих ужасных условий» экстирпации дальше точки замерзания, как известно, не пошло; это, впрочем, не помешало Павлову в 1923 году утверждать, что «последняя наука — точная наука о самом человеке, — а вернейший подход к ней со стороны всемогущего естествознания — выведет его (человека) из теперешнего мрака (!?) и очистит его от теперешнего позора в сфере межлюдских отношений» [2]). Рефлексология в роли устроительницы жизни, рядом с определенным заявлением Павлова: «одно дело жить по субъективным состояниям, другое дело истинно-научно анализировать их механизм». Предполагается здесь, что «жить» не подлежит научному анализу; что же из перечисленных выше Павловым познавательных «рессурсов человека» останется в качестве руководителя «состояниями первостепенной действительности, направляющими нашу ежедневную жизнь» — религия, искусство и т. п.? Или мы должны безоговорочно отвергнуть агностицизм психики у Павлова? Всякий, кто на пути к дальнейшим победам пролетариата скажет пред каким-нибудь явлением не только «ignoramus», но и «ignorabimus», есть враг пролетарского движения; агностицизм всех оттенков есть идеологическая цитадель реакционеров, как ярко об этом предупреждает В. И. Ленин («Эмпириокритицизм и материализм»). Будем думать, что заявленное Павловым мнение, противоречащее его крайней вере в естествознание, не является основным в изложении его гносеологических взглядов, представляющих небольшие изменения ко многим из его тридцати двух речей, сказанных на протяжении двадцати лет и исполненных по самому характеру и времени их высказывания некоторых противоречий.

Несомненная заслуга Павлова заключается в выработке методики условных слюнных рефлексов. Бехтерев полагает, что эта методика была известна ученым чуть ли не в XVIII веке; несомненно, основы ее известны в мало осознанной, быть может,

---

[1]) Акад. И. П. Павлов. «20-летний опыт», стр. 144.
[2]) Ibid., стр. 10.

форме всем дрессировщикам; последователь Павлова в Германии, Калишер, эту методику так и назвал «метод дрессировки»; призывание рыб к берегу пруда по звонку для их кормежки — факт, известный чуть ли не из средних веков, а между ним и условными рефлексами Павлова принципиальной разницы нет; и все же «рукотворным памятником» Павлову будет его методика условных рефлексов в применении к научным задачам изучения поведения животного. Высшего ли поведения, — как о том пишет Павлов в подзаголовке своего труда? Если мы возьмем классификацию проявлений человека и животного, данного учителем Павлова, И. М. Сеченовым, и спросим, какое место в ней занимают проявления, получаемые в опытах Павлова, то ответ будет ясный. В самом деле, классификация Сеченова сводится к следующему («Физиологические очерки»):

Все акты делятся на:

1) акты чувствований (видение, слышание и т. п.);

2) акты рефлекторного порядка:

а) простые рефлексы (выделение желудочного сока, слюны);

б) рефлексы с участием сознания (тошнота, рвота);

в) чувствительно-двигательные акты (пример — выделения мочевого пузыря и прямой кишки);

3) акты центрального происхождения.

Рефлекторные акты типа «а» не затрагивают сознания, но уже в рефлекторных актах группы «б» мы имеем долю вмешательства «сознания и воли», что касается рефлекторных актов группы «в», то они дают возможность каждому проверить влияние «воли и сознания» на рефлекторный акт. Очень много говорит Сеченов об особенностях актов центрального происхождения (глава о гемисферах), характеризуя особенности этих видов поведения, как не только являющихся результатом непосредственно данного раздражения (как в рефлексе), но и как систематизированной данными нервным организмом совокупности всего предшествующего опыта; присоединение предшествующего опыта и обусловливает произвольную задержку. Классические примеры методики условных рефлексов дает Павлов в своих опытах по вызыванию условных слюнных рефлексов, и суть этой методики состоит в том, что Павлов получает поведение животного, как функцию исключительно внешнего раздражения; поведение животного непосредственно управляется извне. Павлов мог изгнать психику из своего методического круга, ибо он оперировал с таким поведением животного, рефлекторными актами группы «а», которые не сопровождаются в своей эффекторной части «сознанием и волей», а подчиняются целиком внешнему раздражению, являясь его функ-

цией. Но эти классические примеры рефлексологии только и возможны, повторяю, в пределах рефлекторных явлений группы «а»; понятие обусловленности данных явлений относится к их привычному наступлению; это обстоятельство может быть распространено и на все другие виды поведения классификации Сеченова, но через посредство сознания, через психику; приложение этого понятия к актам поведения не изменяет схемы Сеченова. Чистота методики Павлова, независимой от психологии, покупается узостью типа изучаемых явлений; на другие типы проявлений живого существа методика Павлова не распространяется; героические попытки вызвать условные рефлексы рвоты, делаемые в лаборатории Павлова, служат исключением, подтверждающим правило. 20 лет работы, 100 печатных работ, 70 сотрудников исчерпали методику Павлова, добившуюся основных эффектов уже в первые годы. Чтобы заставить такое интеллигентное животное, как собака, приспособляться к среде лаборатории лишь узкою областью центров слюнных рефлексов, надо было низвести это животное из его нормального состояния до состояния полусна; одним из завоеваний Павлова является экспериментальный сон, сначала нечаянно получавшийся у животных в усыпляющей обстановке лаборатории. Животное в нормальных условиях, очевидно, будет реагировать на новую подозрительную обстановку всею совокупностью своего аппарата приспособления, а следовательно, высшими формами поведения, лишь постепенно приученное к однообразной обстановке, животное дает себя низвести до агрессивных форм поведения — «простых рефлексов», хотя бы и привычных (условных). Отсюда мы выводим наши prolegomena ко всякой будущей рефлексологии, как науки о поведении животного и человека, поведении, определяемом без обращения к «сознанию», а лишь внешним раздражением: условные, привычные, рефлексы возможны или в области, так называемых, простых рефлексов, по Сеченову, или они возможны, как поступки, сопровождавшиеся вначале сознанием и произвольным торможением, а потом перешедшие в форму автоматических рефлекторных актов; пример: пианист в первые дни своего обучения и виртуоз, исполняющий автоматически то, что стоило огромных произвольных усилий вначале. Что акты условных слюнных рефлексов у Павлова являются низшими по их месту на биологической лестнице, об этом, по нашему, красноречиво рассказывает и сам Павлов: «Собаки без задней половины полушарий, — пишет он, — ведут себя на первый взгляд почти как нормальные, так хорошо они ориентируются в окружающей среде... Совершенно другое мы видим на собаках с экстирпированной передней половиной полушарий. Они — совершенно беспомощные животные, сами по себе не могли бы жить. Их нужно кормить, вводя

пищу в рот, или даже прямо в желудок, их надо постоянно оберегать от всяческих вредных влияний. Они не обнаруживают никаких целесообразных движений. Казалось, что из нормальной деятельности полушарий у них ничего не осталось» [1]). Нам, действительно, кажется из слов Павлова, повторившего здесь наблюдения других физиологов, что в нормальной деятельности оперированного животного выпала такая часть проявлений, которая низвела животное из разряда высших в низшие; из кортикальных процессов, вследствие удаления передних полушарий, выпали те высшие проявления, которые делали собаку животным определенной высокой ступени, а, если что и осталось из этих процессов (за счет обычно неполного удаления полушарий при такой грубой операции над мозгом, как обычная экстирпация), то эта оставшаяся часть не делает животного «высшим», судя по его поведению, «беспомощного существа», так живо описанного выше Павловым; самое большое — оперированное животное по своему поведению является не тем относительно высоко развитым животным, каким является нормальная собака с ее развитыми гемисферами, а животным с едва начинающимся ростом больших полушарий — биологически низшим животным. Таковы выводы из слов самого Павлова о «высшей нервной деятельности животного». Но Павлов после приведенных его слов утверждает: «однако, это решительно не так. . . эти животные, судя по скелетной мускулатуре, совершенно инвалидные, были, однако, способны к высшей нервной деятельности в виду возможной для них нормальной работы слюнных желез. Они были в состоянии образовать условные рефлексы» [2]).

Павлов может запротестовать против называния поведения, например, типичного идиота низшим (по сравнению с поведением нормального человека), потому что у идиота чаще, чем у нормального человека, «текут слюнки» при виде еды, например, на витрине гастрономического магазина. Павлов совершает petitio principii, объявивши способность воспитания привычных движений организма за «высшую нервную деятельность», что необходимо было еще доказать; эту способность единственно правильно можно назвать кортикальной деятельностью, она может принадлежать и более низшим животным и идиотам. В науке о поведении человека устранить различие между поведением, например, рыб и собаки, нормального человека и идиота можно только введением такого широкого понятия, как «условный рефлекс», привычное движение, которое, быть может, и ценно для философии, как системы конечных и самых широких обобщений, но не для физиологии и психологии — наук, ставящих задачи понимания и овладения поведением конкретных живых существ. Уже проф. Вагнер

[1]) Акад. И. П. Павлов. «20-летний опыт», стр. 225.
[2]) Ibid., стр. 225.

указывал рефлексологам на научную бесполезность такого обобщающего взгляда на мир. Назвать, например, крылом летательный аппарат птицы, бабочки, аэроплана — это значит предпочесть словесные упражнения научному мышлению (Биопсихология и психология). Описанное Павловым животное потеряло чуть ли не всю массу полушарий: «как показало вскрытие,—говорит он,—у этих собак при нашей операции были значительно повреждены и проводящие пути задних полушарий. Задняя половина была сильно атрофирована. Таким образом, из вышеприведенных опытов следует, что при удалении передней половины полушарий и сильном повреждении задней, внизу полушарий остающаяся нетронутой небольшая их часть оказывается способной к высшей деятельности» [1]). К «высшей деятельности», по Павлову, если под ней понимать условные слюнные рефлексы, но не к той высшей деятельности, без которой, по Павлову же, «животное становится беспомощным, не обнаруживая никаких целесообразных движений». Разница между этими содержаниями понятия «высшей деятельности» соответствует разнице между всей массой больших полушарий, наличие которых дает бесспорное право считать животное высшим, и той оставшейся нетронутой небольшой частью полушарий, которой было достаточно для функционирования условных слюнных рефлексов и объемом которой обладают бесспорные биологические низшие животные.

Итак, учение Павлова в своей теоретико-познавательной части приходит иногда к агностицизму психики, иногда к претензии биологии руководить даже общественно-политическою жизнью — «сферою межлюдских отношений» по Павлову; ни то, ни другое положение неприемлемы для марксистской мысли: непознаваемость того, что «направляет нашу ежедневную жизнь» (прибавим к словам Павлова, как непосредственно ближайшая причина, в конечном счете в свою очередь определяемая производственными силами) лишала бы пролетариат вмешательства в жизнь в форме агитации, пропаганды, воспитания и т. п. (История творится с необходимой закономерностью, но не помимо человеческих воли и сознания, составляющих часть закономерных сил исторического процесса по Марксу; мнение же Павлова, полагающего, что естествознание может руководить и общественной жизнью людей, можно оценить по поведению большинства европейских биологов и, в частности, по последним общественно-политическим выступлениям самого Павлова.

Бесспорные же достижения Павлова получили исключительно высокую оценку в международном масштабе, как учение «русской физиологической школы», на большее не претендует в последнее время и сам Павлов: в 1923 г. он пишет,

[1]) Акад. И. П. Павлов «20-летний опыт», стр. 225.

ознакомившись с родственными по изучаемому материалу работами американских психологов; «как началась работа со стороны физиологии, так она и продолжается неукоснительно в том же направлении, все остается в области фактов, понятий и терминологии физиологии нервной системы, этот подход к предмету с разных сторон только расширяет сферу исследуемых явлений» [1]).

К подходам «с разных сторон» принадлежит и подход части американских психологов во главе с Thorndike, у которых «и методы, и решаемые вопросы как бы берутся с примера человека» [1]). Но заявленные раньше Павловым мнения в связи со спорами о том, кому и как изучать поведение человека, привели, например, одного из его последователей Енчмена к отрицанию и психологии... и психики. Эти выводы получили должную оценку марксистской мысли в лице Бухарина (Енчмениада). Мы после приведенного выше рассмотрения тех видов поведения по классификации Сеченова, которые использовались в опытах Павловым, скажем: поведение животного, исследованное Павловым, есть поведение, целиком определяемое внешним раздражением, оно может быть предсказываемо экспериментатором, как функция даваемых им раздражителей; это классические условные рефлексы, классическая экспериментальная рефлексология, но в своей чистоте это поведение возможно только в области так называемых, по схеме Сеченова, рефлекторных актов типа «а» простых рефлексов (см. схему); уже в области рефлекторных актов типа «б» и «в» поведение не является функцией лишь одного раздражителя, но и тех процессов в организме, которые сопровождаются «сознанием и волей» по Сеченову; предсказание этих видов поведения в их конкретной форме невозможно в такой степени, как явлений типа «а»; для овладения этими актами необходимо учитывать «сознание и волю»; нечего говорить о том, что методика условных рефлексов, как средство овладения поведением животного (его предсказания) неприменимо к «актам центрального происхождения» схемы Сеченова, т.-е. к таким видам поведения, которые характерны не тем, что они главным образом имеют нервные центры в коре, ибо связь с корой не обеспечивает сознательности (по Павлову для наличия сознания необходима «оптимальная возбудимость» какого-нибудь одного небольшого по площади участка коры) да и слюнные рефлексы могут быть приведены в связь с корой, а тем, что наступление этих актов определяется не только внешним раздражением, но и «волею и сознанием» (будем пока так условно выражаться) воспринимающего организма; произвольное торможение полученного восприятия — характерная черта этих актов; эти

[1]) Акад. И. П. Павлов «20-летний опыт», стр. 9.
[2]) Ibid., стр. 8-9.

акты и характеризуют поведение высшего животного, в частности человека, как подчиняющего себе среду, а не целиком подчиняющегося среде и заключается в акте произвольного торможения, в этой способности отступать, обдумывать и потом лишь нападать; самый плохой архитектор отличается от самой лучшей пчелы тем, что он, прежде чем построить что-либо, сначала имеет план в голове; и в этом заключается огромное преимущество человека пред животным—учит Маркс. С того момента, когда поведение человека не определяется непосредственно только внешним раздражением, возникает для активного человечества потребность в особой науке, до сих пор называвшейся психологией, науке о поведении человека в широком смысле, поведении, определяемом и непосредственным внешним раздражением и так называемыми психическими переживаниями, являющимися биологически ничем иным, как органически систематизированным прошлым опытом человека; без учета этих психических переживаний невозможно предсказание поведения человека; работа агитатора, пропагандиста, воспитателя навсегда была и будет связана с понятием «сознательности» (сознательный рабочий, крестьянин, гражданин и т. п.); поступок, определяемый непосредственным внешним раздражением и психическим переживанием, определяется ими, как ближайшей непосредственной причиной, которая в свою очередь, повторяю, определяется в конечном счете производственными силами; роль «психики» в описываемых нами процессах сводится к включению непосредственно данного раздражения, частицы бытия, в систему всех предыдущих раздражений, воспринятых субъектом, всего определившего субъекта бытия; лишь в рефлекторных актах типа «а» — простых рефлексов» (выделение слюны, желудочного сока и т. п.), которые не сопровождаются сознанием по Сеченову, возможно применение классической экспериментальной методики условных рефлексов Павлова, где поведение испытуемого целиком определяется внешним раздражением; эти акты, существенные для растительной жизни человека, не влияют непосредственно на общественное поведение человека, а оказывают на это поведение опосредственное влияние, влияние чрез психические переживания, сопровождающие остальную массу актов схемы Сеченова: 1, 2б, 2в и 3. Для овладения этим большинством наиболее важных актов человеческого поведения необходимо учитывать психические переживания. Здесь рефлексология переходит в реактологию; классическая экспериментальная рефлексология Павлова лежит вне непосредственной области общественного поведения человека; если же при исследовании поведения человека, которое в значительной степени является поведением с произвольным торможением, неприменима экспериментальная методика Павлова, то последователям Павлова остается применить к человеку терминологию их учителя, но это будет уже «умозри-

тельная рефлексология», не имеющая ценности экспериментальной науки, которая доставила славу Павлову.

Перейдем теперь к рассмотрению рефлексологического направления Бехтерева. Теоретико-познавательная часть учения Бехтерева вполне определенная: «Некоторые признают причинную зависимость между психическими и материальными процессами», пишет он; «один, как например Бюхнер и Геккель, рассматривают, как основной процесс, материальный, ставя в зависимость от него духовный процесс; другие отдают предпочтение духовному; в связи с этим различием, мы имеем материалистический и спиритуалистический монизм; нет надобности останавливаться на том или другом учении, так как оба они в сущности уже вышли в тираж[1]).

«Никакое механическое воззрение, основанное на материалистическом воззрении с его атомистической теорией, не может объяснить нам психических явлений, ибо психическое не может быть выведено из атомов»[2]). «Материя есть фикция, одна энергия есть реальность»[3]). Ясно, что от материи в сущности не остается ничего, и в мире мы можем признать одну энергию, и то, что мы называем материальными телами, является только скоплением энергии[4]). Сама по себе энергия физикой определяется часто по внешним проявлениям, как способность к работе, и в этом определении, конечно, не содержится ничего материального, как нет и ничего объясняющего. Мы удовольствуемся определением энергии, как движения, и не войдем в дальнейший анализ вопроса[5]); надлежало В. М. Бехтереву только ознакомиться с книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», чтобы понять, что фраза «материя исчезла», которой В. И. Ленин посвящает целую главу своей книги является результатом недомыслия некоторых ученых на Западе. Эта фраза была вызвана, как известно, открытием электрического строения атома; ее единственной логический смысл заключался, как это показал В. И. Ленин, в сведении всего разнообразия предметов природы, вместо прежних больше чем семи десятков элементов, к небольшому числу их. Электронная теория, как научное открытие, углубила единство мира, как материальной сущности; эта электронная теория была очередным торжеством материалистического мировоззрения. Мыслить же движение без материи, как это делает Бехтерев, это значит совсем стирать все различие между излагаемым Бехтеревым энергетизмом и энергетическим учением Ост-

[1]) Бехтерев. «Общие основы рефлексологии человека». 1923 г., стр. 66.
[2]) Ibid., стр. 70.
[3]) Ibid., стр. 71.
[4]) Ibid., стр. 73.
[5]) Ibid., стр. 72.

вальда, реакционность которого и других ученых заставила В. И. Ленина написать его книгу.

Психику Бехтерев признает, но свое учение о поведении человека строит «ограничиваясь только внешними особенностями поведения человека» [1]), хотя эта точка зрения причудливо сочетается со следующими целями «рефлексологии человека»: «изучением соотношения между объективными процессами, лежащими в основе соотносительной деятельности, и субъективными явлениями, открываемыми человеком на себе самом путем самонаблюдения» [2]).

«Изучение субъективных состояний может быть производимо с возможной точностью на себе самом и должно быть регистрируемо записью непосредственно вслед за переживанием. Данные, полученные таким путем, могут быть лишь пополняемы данными, получаемыми путем пересказа о субъективных состояниях, переживаемых другими лицами; но в этом последнем случае нужно учитывать, с одной стороны, неточности, содержащиеся в каждом вообще пересказе другого лица, с другой стороны, неточности, зависящие от личной оценки чужого «я», а потому без контроля объективных данных они доверия не заслуживают» [3]). Что это? Одно из правил экспериментальной психологии, правда, с небольшим налетом солипсизма, впрочем, тут же преодолеваемого самим Бехтеревым путем сравнения различных переживаний в их внешних выражениях: солипсизма, окончательно преодолеваемого не протокольной «записью вслед за переживанием», а автоматической регистрацией аппаратами экспериментальной психологии всех выразительных движений, составляющих часть той деятельности организма, которая при определенных условиях сопровождается сознанием.

Что же дает Бехтерев нового науке о поведении человека? К нашему сожалению, объемистая книга Бехтерева, кроме приведенных выше теоретико-познавательных положений, содержит описание доброй полусотни «принципов». Если Павлов принципы выводил из своих опытов, то рефлексология Бехтерева предпосылает опытам принципы, почерпнутые из других научных дисциплин: тут принцип сохранения энергии (глава 25), принцип рассеивания энергии (глава 26) и другие принципы физики, принцип непрерывной изменчивости, принцип эволюции из биологии, принцип воспроизведения или репродукции (гл. 30) из психологии (учение о памяти), принцип экономии (глава 33) — учение психологии об упражнении и т. п. принципы. Особой же методике уделена одна глава (16); выразительная глава, подчеркивающая убедительно природу учения Бехтерева о сочетательно-двигательных

[1]) В. М. Бехтерев. «Общие основы рефлексологии человека», стр. 1.
[2]) Ibid., стр. 146.
[3]) Ibid., стр. 30.

рефлексах человека; сущность этой методики сводится к следующему: в лабораторную комнату вводится человек, усаживается на скамью так, что в ногу его может быть пущен электрический ток, поднятие ноги от достаточно сильного тока регистрируется автоматическим аппаратом, одновременно или почти одновременно с пуском тока дается условный раздражитель, например, звонок; после ряда опытов испытуемый совершает движение ногой и без пуска тока в нее, а лишь под влиянием условного раздражителя. С первого взгляда здесь имеется как будто сходство с классическими опытами П а в л о в а, по существу же мы имеем здесь глубоко отличные процессы. Представим себе испытуемого, к сознанию которого экспериментаторы прямо в форме инструкции или косвенно — путем обсуждения задач опыта — не обращаются, в чем выражается сущность рефлексологической методики; о сути опытов он ничего не знает; такой испытуемый при получении удара тока в ногу естественно ее отдернет или подымет, если она укреплена на особом приспособлении, спустя же некоторое время он ее опустит на место электрического контакта; будет пущен во второй раз ток — испытуемый — нормальный человек, к сознанию которого в опыте не обращались и сам он не знает задач опыта (мы такого предположили) — во второй или третий раз отставит ногу или в сторону от причиняющего ему боль места или поднимет ногу и не будет больше опускать на жалящее его место или, если он догадается о том, чего от него хотят («немые» экспериментаторы), то он вместо них, быть может, из деликатности пред ними, обратится к своему сознанию со следующей инструкцией: «поднимай ногу при каждом электрическом ударе и непременно опускай ее на прежнее место», или, быть может, скажет себе другую инструкцию. Но это тем хуже для опытов, представляющих собою не рефлексологические опыты, где действие получается, как функция лишь раздражения, а реактологические, психологические, где поведение определяется внешним раздражением и инструкцией, обращенной к сознанию испытуемого в лаборатории экспериментатором, а в жизни — его социальным опытом. Эффект поведения при данной методике не предсказываем без предварительного обращения, прямого или косвенного, к психике испытуемого; такая рефлексология есть часть психологии, и именно — учения о волевых действиях, которые вначале сопровождались сознанием, а затем под влиянием повторения обратились в автоматические движения, не сопровождаемые совсем или сопровождаемые в малой степени сознанием; пример: как мы выше указывали, обучение на пианино вначале — с большой тратой внимания и мысли — и игра виртуоза через десятки лет такого обучения иллюстрируют привычные волевые действия в их психологическом генезисе.

Рефлексология Б е х т е р е в а возможна благодаря наличию психологии; психология может поблагодарить его за увеличение

своей богатой методики еще одним видом психологического эксперимента в области изучения волевых регрессивных актов автоматического характера; ученик Бехтерева, Протопопов, полагает, что единственно рефлексология окажет услугу делу образования и воспитания (см. его брошюру «Введение в рефлексологию»). Совершенно правильно, но в узкой области автоматических двигательных актов это педагогика унтеров Пришибеевых или воспитательниц внешних манер, где цель педагогического внешнего воздействия сводится к получению внешнего же поведения; работа же всех учителей — агитаторов, пропагандистов — каждый день сводится к воздействию сначала на сознание, к определенному и точному получению сознательных эффектов, а затем лишь к автоматизации понятого; и то в некоторых случаях, например, Советская власть могла бы прямо запретить крестьянам ходить в церковь, но наиболее рациональный (тоже научный) способ, как известно, заключается не столько в прямом запрещении, сколько в антирелигиозной пропаганде — воздействии на сознание, что уже проделано над рабочим и в результате чего получен почти уже автоматический акт нехождения в церковь; сочетательно-двигательные рефлексы Бехтерева есть продукт сознательной деятельности.

Мы уже видели ценность теоретико-познавательных положений наших рефлексологов с точки зрения марксизма. Разберем положения Бухарина, высказанные на V съезде Коминтерна по поводу уклона в партии, где он говорил об уклонах некоторых товарищей, неправильно толковавших учение «русской физиологической школы», именуемой рефлексологией, недостаток этого толкования заключался в агностическом позитивизме; толкование это, утверждает Бухарин, противоречит во всяком случае революционному марксизму. Мы думаем, что тов. Бухарин разовьет свои положения более подробно, чем то позволяла обстановка произнесения речи; но и наша тема обязывает нас оценить рефлексологию с точки зрения революционного марксизма. Кто неправильно толкует рефлексологию? Возможно, что тов. Бухарин имеет в виду Енчмена, возможно — других товарищей; во всяком случае судя по «Енчмениаде» и по упоминанию уклона, как агностицизма, надо предположить, что толкование, против которого борется тов. Бухарин, не есть ограничительное, а распространительное, именно: выведение физиологии, как науки, за ее обычные пределы, быть может, в духе утверждения Павлова; что естествознание «очистит человека от теперешнего позора в сфере межлюдских отношений», и что, следовательно, все остальные науки, в том числе социология и психология, являются науками зависимыми от естествознания, что особый предмет, например, психологии — психические явления, если и существуют, то непознаваемы.

Известно, что на последнем Съезде по Психологии и Неврологии в Ленинграде в январе 1924 г. видный «павловец», д-р Зеле-

*

ный, в своем принципиальном докладе утверждал, что хотя психические явления и играют видную роль в человеческом обществе, но они научно непознаваемы; выходит, что из всех рекомендованных Павловым рессурсов познания психических явлений за вычетом наук остается религия и искусство, но и последнее предполагает все же познаваемость изучаемого явления. Расширительное толкование рефлексологии в обеих ее ветвях превращает эту экспериментальную дисциплину в типичное умозрение; «умозрительная» рефлексология, орудующая не экспериментальным материалом, а терминами, воскрешает пред нами в науке времена схоластики. Скажем, солдат при Керенском, бежавший с фронта, и красноармеец под Перекопом, творивший чудеса храбрости, поступали рефлекторно. Объясним ли мы таким термином поведение этих товарищей или отмахнемся от объяснения условно воспитанным для некоторых ученых словом? И то, и другое поведение—рефлекс, но этот термин бесполезен для объяснения, почему в одном случае гражданин смело шел в бой, а в другом бежал от него; причина его поведения лежит в фактах социологических и в созданных ими психологических; точное изучение последних факторов дает то знание конкретного явления, которое ведет к овладению им. Термины «концентрация», «иррадиация» и т. п. есть небольшое видоизменение терминов ассоциативной и апперцептивной психологии, обозначавшие давно известный факт того или иного распределения энергии нервного тока по центрам и соединительным путям. Не в умозрительной и теоретико-познавательной части лежит ценность рефлексологии, свою теоретико-познавательную часть она должна обновить, поучившись у социологии и других наук. И вот поскольку вся ценность рефлексологии лежит в экспериментальной ее части, мы утверждаем — рефлексология овладела методами изучения консервативного поведения человека, поведения, которое когда-то представляло творческий акт организма, а затем стало автоматическим, привычным; будет ли это поведение, не затрагивающее сознание, как у Павлова, или поведение, изучаемое Бехтеревым, где акт сначала бывает психологическим, зависимым в своем непосредственном и ближайшем отношении от сознания и воли испытуемого, а потом под влиянием упражнения становится автоматическим, следовательно, рефлексологическим. Рефлексология, как наука об автоматическом поведении, конечно, чужда революционному марксизму. Революционный марксизм является кульминационным пунктом творчества человечества. Надлежит усилиями революционной воли затормозить все «условные рефлексы»— наследие прошлого, критически пересмотреть в воспитании, быту, правовых нормах и т. п. все старое, привычное и создать новое, отвечающее выводам критического анализа действительности (внешних раздражителей), не целиком подчиниться воздействию этих раздражителей, а отобрать из них те, которым предстоит

играть объективную роль в строительстве будущего; расчистить для таких явлений наиболее благоприятные условия, убравши из жизни ненужное, отжившее. Мне неловко делается, когда я в этих бледных строках рисую то, что сделал и делает революционный марксизм. Революционный марксизм есть максимальное творческое поведение человечества; рефлексологическое поведение максимально автоматическое, консервативное. Привычная деятельность играет большую роль в жизни каждого из нас. Роль рефлексологии бесспорна, поскольку она разделяет этот труд в изучении упражняемости с экспериментальной психологией, но привычная деятельность это есть сторона нашей деятельности — обывательская, нужная для жизни, но далекая от революционности. Революционный марксизм чужд по своим основным устремлениям рефлексологии, как той части науки о поведении человека, которая исследует поведение, определяемое только непосредственным внешним раздражением.

С того момента, когда вызванный внешним раздражением нервный ток произвольно тормозится, возникает необходимость в особых отделах науки о поведении человека, для которой в наше время выдвигается название — реактология; это учение о поведении человека, непосредственно определяемом внешним раздражением и «инструкцией», которая в лаборатории дается экспериментаторам, в жизни — опытом испытуемого. Этот опыт представляет систему восприятия прежних раздражений; у высокоорганизованного существа при всяком раздражении, более или менее ценном для жизни или вообще новом, происходит произвольная задержка тока и привлечение всего предыдущего опыта, субъект данную в раздражении частицу бытия вводит таким образом в систему всего пережитого им бытия; система пережитого опыта и является «инструкцией» его поведения; произвольная задержка движения нервного тока всегда сопровождается психическими явлениями, которые «не есть нечто второе, а лишь интроспективное выражение того же самого, интроспективное выражение моих физиологических процессов», как пишет Бухарин [1]). Эта способность тормозить результат внешнего раздражения, привлекать, прежде чем ответить на раздражение, весь свой прежний опыт, выбирать из ассортимента возможных движений не всегда то движение, к которому непосредственно рефлексологически влечет раздражение, а выбирать то, которое соответствует всему опыту человека, и есть механизм отличия высших животных от низших, в частности человека от остальных животных, того отличия, по которому он подчиняет себе среду, а остальные животные подчиняются среде. Конечно, из наших рассуждений не вытекает утверждения свободы воли; речь идет об учете влияния на поведение

[1]) Бухарин. «Енчмениада», стр. 33.

ближайшей непосредственно причины, учет этого причинного фактора прямо предполагает причинный фактор в конечном счете — производственные силы; влияние этих сил на поведение человека и составляет задачу социальной психологии, о построении которой будет сказано ниже. Пока же нам надлежит осветить этот ближайший фактор человеческих поступков, психические переживания.

Восприятие, например, яблока есть выражение физиологических процессов не одного какого-либо центра, например, зрительного, да и в зрительном центре существует многоярусная система разных по своим детальным функциям клеток, — восприятие яблока, как известно, есть работа многих центров: зрительного, обонятельного, слухового (звук его падения), осязательного и др., эта работа не есть простая сумма работ этих центров, расположенных в различных участках коры, а есть динамическая система работы всех центров и связывающих их путей; никакой экстирпацией, по крайней мере в ее современной форме, нельзя вскрыть цельного процесса восприятия.

Этот процесс — в интроспекции физиологических процессов, в акте сознания. Акты сознания вполне ясны в своих качествах и взаимоотношениях для их носителя; эта познаваемость их делает человека способным уравновешиваться помощью их со средой; неисследуемые «тайники психики», в которых «хаос шевелится», существует для рефлексирующего сознания некоторых кругов интеллектуальных работников, это попытка выразить не только процессы оптимально возбужденных невронов, но и тех, которые едва затронуты данным раздражением, это попытка связать не только центры, между которыми прошел ток достаточной силы для нормально ясной ассоциации, но и такие, которые слабо затронуты им; это интертрофия интроспекции нервных физиологических процессов у людей, разъедающих себя рефлексией, оторванных от нормального восприятия действительности. Если интроспектировать нормальные процессы в нервных центрах и путях при оптимальной возбудимости их, то психические явления обладают бесспорною степенью ясности, интенсивности, качественности, делающими их удобными объектами науки. Основные черты психического переживания, его ядро, получили у человека свой эквивалент в слове - понятии; слова - понятия или их связи настолько верно выражают основное ядро психического переживания, что они служат незаменимым средством взаимного понимания людей в их общественной жизни. Недоверие к самонаблюдению и выражению его продуктов в слове было бы недоверием к способности человека быть существом общественным. Поправки, которые должно внести в популярную психологию, заключаются не в недоверии к ее источнику, а в уточнении ее научными методами. Экспериментальная психология обладает такими методами

в достаточной степени, она исходит из основного марксистского взгляда на психические явления, как на явления, которые «не есть нечто второе, сверх и помимо физиологических процессов данное, а лишь интроспективное выражение моих физиологических процессов». Регистрируя физиологические процессы в их изменениях и одновременно соотнося их с интроспекцией, мы получаем объективное выражение субъективных переживаний; тонкость и разнообразие этих методов не имеют для своего развития каких либо границ иных, чем и для всех других наук. Если мы употребляем выражение «реактология», то мы только желаем подчеркнуть важность всех сторон реакции: приводящей, перерабатывающей и исполнительской; схема реакции та же, что и схема рефлекса; это не мешает им, как выше говорилось, иметь и различие между ними; интеллектуализм, царствовавший одно время в психологии, являясь результатом глубоких причин, в конечном счете экономических, мог не замечать своей односторонности при забвении основной схемы приспособления живого существа — схемы рефлекса, этого атома поведения животного; из этих атомов путем накопления их количества на определенной ступени возникает новое качество — реакция с произвольным торможением и привлечением прошлого опыта, выражающаяся для самонаблюдения психическими явлениями; на определенной ступени общественного развития имеется идеологическая тенденция уделять внимание лишь моменту задержки и переработки восприятия, возникает интеллектуализм в психологии, и больше того — наступает момент искажения процесса — отрыв центрального процесса от целостной схемы реакции и учитывание его, как инокачественного явления — спиритуализм, дуализм, параллелизм; рефлексология и реактология явились оздоравливающей реакцией против засорения науки о поведении человека продуктами идеологического искажения. Рефлексологи и профессор К. Н. Корнилов, расширивший и укрепивший методику реактологии, много сделали для очистки авгиевых конюшен прежней психологии; но рефлексология, выплескивая грязную воду, выплеснула и здорового ребенка — сознание, как высший приспособительный акт, и его выражение в слове-понятии; реактология сохраняет и то, что «направляет нашу ежедневную жизнь, обусловливает прогресс человеческого общежития» [1]), по словам рефлексологов, и схему, отражающую реальный процесс приспособления. После введения К. Н. Корниловым динамоскопического и моторного исследования реакций мы имеем возможность количественно учитывать энергию нервного тока почти всех частей дуги реакции: 1) время возбуждения периферического аппарата (опыты с зеркальным тахистоскопом), 2) время прохождения тока по чувствительному

[1]) Акад. И. П. Павлов. «20 летний опыт», стр. 157.

нерву (опыты физиологии), 3) время перцепции — процесса в ближайших к приводящему пути центральных невронах (преждевременные мускульные реакции на хроноскопе), 4) апперцепции, — иррадиации тока с начальных невронов на ближайшие, связанные с ними предшествующим опытом (хроноскопические формулы Вундта), 5) процесса в моторных центрах — двигательные невроны и субкортикальный аппарат координации движения, 6) время прохождения тока по двигательным нервам (опыты физиологии), 7) время возбуждения мышцы (опыты физиологии), 8) моторная и динамическая часть реакции (динамоскоп Корнилова). Пятая часть до сих пор не была отделена от остальных. Наши исследования реакций энцефалитиков в Украинском Психоневрологическом Институте позволяют для данных реакций выделить и эту сторону; расстройство координационного двигательного аппарата у этих больных приводит к следующему экспериментальному эффекту: нервный ток, перейдя в моторный центр, встречает патологическое препятствие своему нормальному движению, создающее ригидность мышц, поэтому моторная часть реакций у энцефалитиков значительно запаздывает, но побочные двигательные пути в координационных центрах движения воспринимают и приводят нервный ток к действующей мышце, общее патологическое состояние двигательного аппарата этих больных приводит к тому, что возбуждение, идущее по побочным координационным путям, достигши мышцы, вызывает здесь не тетанус предварительного напряжения ее, а колебательные треморические движения, в секунду около 10 — 12 (этим данный тремор отличается от тремора рассеянного склероза и дрожательного паралича, где тремор дает 6 — 8 колебаний), на записи мы имеем приблизительно следующую картину:

а — предварительный сигнал, б — сигнал — «действовать»; тремор остается на моторной части реакции и исчезает по окончании ее; для улавливания такого мелкого движения, как интенционный тремор энцефалитиков, надлежало соответственно изменить конструкцию динамоскопа, уменьшивши до minimum'а все трения и его общую сопротивляемость; тремор в описанном случае и отмечает отставание моторной части реакции от ее нормы; он и помогает разложению и изменению целостной реакции на ее абстрактно выделяемые части; для нормальных реакций мы ставим

опыты со специально приспосабливаемым к динамоскопу тремографом, который регистрирует всякое видоизменение в моторных центрах, отражающееся в мелких дрожательных движениях реагирующей мышцы. Проблема аналитического членения целостной реакции и измерения ее частей, как времени прохождения нервного тока в соответствующих центрах и путях, поставлена и разрешается экспериментальным путем. Для каждого индивидуума характеристика поведения может быть определена восемью и больше (при детализации последней, восьмой, части) числами; можно составлять формулы реакций, например, при латентном периоде реакции в 230 сигм (тысячных долей секунды) и моторном в 500 сигм при 50 мм. силы реакции, получится примерно следующая (числа взяты из средних чисел, действительно встречавшихся): (1 часть реакции) — 20 сигм, (2 часть) — 20 сигм, (3) — 60 сигм, (4) — 60 сигм, (5) — 30 сигм, (6) — 30 сигм, (7) — 10 сигм, (8) — 500 сигм; последняя легко разлагается на действие работающей мышцы и действие ее антагониста с определенными скоростями каждой части и определенной силой всей реакции, выражаемой в мм. манометра. Из сочетания 10 чисел можно получить, как известно, многочисленные комбинации, отвечающие всему разнообразию индивидуальных реакций, расположение которых в сходные ряды дает возможность реактологической характеристики отдельных групп, разной степени близости их членов, и, наконец, такой группы, как класс. Разнообразие инструкций при реакции в пределах хотя бы известной отвлеченной гаммы их: простая натуральная, мускульная, сенсорная, реакция различения, выбора той или иной сложности, ассоциации, суждения, с подразделением каждого вида реакций на подвиды по качеству раздражителя и его сложности — дает возможность охватить в эксперименте все типичные формы активного поведения человека в его реальной жизни. Реактология, как наука о соотносительном поведении человека, непосредственно определяемом внешним раздражением и инструкцией, имеет основной своей главой — учение о познавательно-волевых реакциях, исследовавшихся до сих пор хроноскопом и динамоскопом, здесь наиболее выразительно выступают характерные черты реактологии, но в реактологию входят равноправно и другие главы, построенные на том же принципе: экспериментального измерения целостной реакции и ее частей по схеме рефлекса с учетом при этом психических переживаний; сюда входит мнемометрия — реакция, где в центре изучения находятся акты памяти, тахитоскопия, где центр — акты сосредоточения, плетисмография — реакция с учетом эмоциональных явлений. Если первые две группы явлений входят в обычную познавательно-волевую реакцию, то последняя до сих пор при реакциях не регистрировалась. Мы в своих исследованиях реакций рядом с присоединением к хроноскопу и динамоскопу нашего тремографа присоеди-

няем и плетисмограф, позволяющий в реакции учитывать не только сторону ее, зависимую от объекта и направленную на объект, ту сторону, что мы условно обозначили, как познавательно-волевую реакцию, которую, также условно, можно было бы назвать и «объективной» — связанной с объектом, но и «субъективную» сторону реакции, которая, исходя от восприятия объекта, определяется в своем течении субъективным состоянием организма. Эту часть реакции, в терминах психологических можно было бы назвать эмоциональной реакцией, конечно, и «объективная» и «субъективная» сторона реакции есть единый органический процесс, в интроспекции дающий единое психическое переживание, разделение их на части есть методический и аналитический прием. При соединении указанной выше аппаратуры мы получаем объективную регистрацию действительно целостной реакции во всех ее частях, упрек в мозаическом изучении поведения человека, посылаемый, например, Бумке, при таком полном реактологическом изучении отпадает; все составные части реакции, измеряемые количественно, дают возможность получить из количества — качество поведения, определенный его тип, варьирующий от индивидуума к индивидууму, от группы к группе и дальше до психологии социальных групп; переход количества в качество наглядно осуществляется при реактологическом исследовании без фактического рассечения живой реакции, но при полной возможности путем комбинированной аппаратуры ее аналитического расчленения и исследования. Синтезом работы всех затронутых центров и путей при реакции является психическое переживание — интроспекция физиологических процессов в их единстве при данном акте поведения. Психическое переживание при условии его нормальной ясности и определенности, об условии которых выше говорилось, будучи соотнесено с измерениями отдельных составных частей, его породивших, получает в реактологии объективный метод своего изучения.

При разборе рефлексологии мы уже подчеркивали известный факт, что нормальное животное при встрече с непривычным для него явлением будет реагировать на него своим внешним приспособительным аппаратом: собака, впервые поставленная в исследовательский станок, бьется до тех пор, пока она не «поймет», что ей не угрожает никакая опасность; кошка в силу своего прошлого опыта и организации менее склонна доверяться неожиданной обстановке, и потому она является менее подходящим материалом для опытов. Можно найти таких высших животных, которые и совсем не подойдут для опытов. Рефлексологов смущает слово «понимает»; этому слову здесь я приписываю лишь следующее значение: воспринимает раздражение и привлекает к нему свой пережитый опыт, в результате эффект действия не определяется лишь непосредственным внешним раздражением, а «инструкцией» жизненного опыта; под словом «понимают» разумеют ясный биоло-

гический процесс приспособления, более сложный, чем рефлекс, хотя бы и условный. Итак, животное реагирует на новую обстановку своим высшим приспособительным аппаратом, лишь патологические разрушения этого аппарата снижают общее поведение этого животного на несколько ступеней биологической лестницы по общему закону — разрушение приспособительного аппарата начинается с его высших функций; идиот имеет условные рефлексы и наиболее стойкие, но слабо владеет аппаратом произвольного торможения, по нашей терминологии, реагирования.

Если мы подвергаем реактологическому эксперименту нормальных людей, то они прежде всего реагируют своими высшими приспособительными функциями; эти функции есть результат прошлого опыта человека, существа всегда общественного; в высших функциях реагирования и скрыт социальный человек в его социальном опыте. Поэтому, прежде чем приступить к точному изучению отдельного индивидуума или группы их в лаборатории, надлежит предварительно знать доминанты обнаруживаемого на исследовании поведения; эти доминанты лежат в коллективной психологии группы, к которой принадлежит исследуемый; метод изучения коллективной психологии уже определился, хотя бы в трудах В у н д т а (Völkerpsychologie), это метод объективного наблюдения процессов труда, обстановки отдыха и связанных с ними обычаев, речи, морали, искусства и т. п. продуктов коллективной деятельности людей; зная эти доминанты, мы можем ими интерпретировать углубленное и утонченное изучение исследуемого субъекта в лаборатории с тем, чтобы в результате такого анализа получить ряды годных типов поведения, характеризующие групповую психологию; групповая психология может получить разный объем и содержание, это может быть психология небольшой профессиональной группы и целого класса. Построяя групповую психологию на лабораторных обобщениях, мы возвращаемся к исходному положению коллективной психологии, обогатив ее научным анализом и синтезом.

Логическому исследованию предшествует объективное наблюдение продуктов коллективной психологии, являющейся доминантами поведения отдельных членов данного коллектива; реактологическое исследование углубляет и уточняет эти наблюдения и строит после того научную систему социальной психологии; именно реактология, идя от раздражителя, частицы бытия, привлекая к изучению весь прошлый опыт субъекта или группы, всю сумму влиявшего на них бытия, определяет поведение субъекта и его психику, как составную часть акта поведения, в их зависимости в последнем счете от бытия, и именно производственных сил, сложивших коллективную психологию; и, вместе с тем, реактология подчеркивает и внимательно изучает те элементы в акте поведения, которые делают его творческим актом, а не механическим,

оставляя изучение этих актов об упражнении и рефлексологии, хотя мускульные, так называемые преждевременные реакции являются типичным примером перехода акта с произвольным торможением в автоматический; наличие нескольких методических приемов для изучения автоматических актов в науке о поведениях человека представляет лишь выгоду для этого изучения.

Подведем итоги; атомом поведения живого существа является рефлекс — поведение, непосредственно определяемое внешним раздражением, накопление количества таких атомов поведения на определенной ступени развития вида животного дает новые качества поведения; то особое качество, которое вырастает у человека через накопление количества этих атомов поведения, охарактеризовано в следующих словах Маркса:

«Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он (человек) приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы — руки и ноги, голову и пальцы. Действуя на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти.

Паук совершает операцию, напоминающую операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем построить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т.-е. в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил» [1]).

В этих бессмертных словах учителя указан предмет науки о поведении человека, его природа и социальная роль. Как мы видим, наиболее интересной стороной в поведении человека является не рефлексологическое поведение, независимое от «созна-

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. I, перев. под ред. Базарова и Степанова, стр. 119—130.

тельной цели и целесообразной воли» работника, а как раз эти изгоняемые рефлексологией моменты в поведении человека; их-то и изучает реактология.

Науку вообще о поведении человека можно было бы назвать, не вводя новых терминов, — психофизиологией; ее отедл — рефлексология — изучает лишь автоматическое привычное консервативное поведение человека; реактология же, кроме них, изучает и акты творческого поведения человека, составляющие характерную особенность его как социального существа.

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА О ПОВЕДЕНИИ.

П. П. Блонский.

Психология первоначально развивалась, как наука о душе, но проблема души есть проблема метафизическая, а не научная, и психологии, как науке с душой, как метафизической субстанцией, решительно нечего делать. Со времен Вольфа и Канта научная, эмпирическая психология все в большей и большей степени стремится стать психологией без души.

Современные психологи очень часто определяют психологию, как науку о сознании. Но и такое определение психологии должно быть отвергнуто. Если сознание понимается, как метафизическая сущность, то оно является лишь синонимом души, и психология сознания есть модернизированное издание старой психологии души. Если же сознание понимается эмпирически, как сознательное мышление, восприятие, чувствование, действование, то совершенно ясно, что подобное сужение предмета психологии совершенно недопустимо, так как существует и бессознательное поведение. Некоторые (например, проф. Челпанов) думают, что сторонники психологии поведения отрицают вообще существование сознания. Так, конечно, думать смешно: отрицается не сознание, а психология, как наука о сознании, в виду ничем немотивированного сужения ее области. Сознательное же поведение мы охотно делаем объектом нашего анализа и объяснения, но, конечно, в научных, а не метафизических терминах.

Часто психология определяется также, как наука о душевных способностях. Уже Гербарт и Вундт хорошо доказали несостоятельность теории душевных способностей, как чисто словесной ничего не объясняющей теории. Борясь против психологии души, мы боремся против религиозных и метафизических атавизмов в психологии. Борясь против психологии душевных способностей, мы боремся против средневековых схоластических атавизмов: объяснять явление памяти через «память» значит объяснять idem per idem.

Точно также мы не сторонники психологии, как науки о душевных явлениях. Мы думаем, что «память», как объясняющий

принцип, ничем не будет лучше, если мы назовем ее не душевной способностью, а душевным явлением. Утверждать, что «он плохо запоминает, потому что у него плохая память», одинаково значит топтаться на одном месте, все равно, понимать ли память, как «способность» или как «явление». Мы думаем, что подобная «словесность» ничего общего с наукой не имеет. Наши противники часто распускают про нас слухи, будто мы отрицаем, что человек думает, воспринимает, помнит и т. п. Приписывание нам таких нелепостей хорошо демонстрирует интеллектуальный и моральный уровень наших противников. Мы, конечно, не отрицаем, что человек обладает мышлением, но мы утверждаем, что мышление не есть всеобъясняющее слово: оно есть определенный вид поведения, нуждающийся в детальном анализе и объяснении, конечно, не в метафизическом или словесном, а научном и по существу, т.-е. реальном. Все, что старая психология объясняла, как душевные способности или явления, мы объясняем, как виды поведения: мы, конечно, не отрицаем, что страх существует, но для нас страх есть своеобразное поведение животного при известных условиях—и только.

Иногда от нас требуют «во имя последовательности», чтобы мы совершенно не пользовались обычной психологической терминологией. Меньше всего мы склонны заниматься терминологическими революциями. Нам кажется, суть дела не в том, как называть изучаемые явления, но в том, как понимать их. Мы пользуемся обычным словарем для нашей речи, но в эти обычные слова мы вкладываем соответствующее науке XX века содержание. Дело не в том, чтобы избегать говорить: «собака сердится». Дело в том, чтобы эта фраза была не объяснением, но проблеммой, т.-е., чтобы не ограничиваться словесным объяснением, но выяснить все детали и условия функционирования механизма «сердитости».

Сторонников психологии поведения часто отождествляют с сторонниками объективной психологии. Это не совсем точно, так как мы — меньшие педанты по отношению к «субъективной» терминологии. Но это вполне точно, поскольку все наши анализы и объяснения, в конце концов, производятся в материалистических терминах. Это происходит вовсе не потому, что мы раз навсегда заранее присягнули избегать нематериалистических объяснений. Дело гораздо проще: других объяснений мы, даже если бы и захотели искать, не находим и нужды в них не испытываем. Те, кто с нами спорят по этому вопросу, поступили бы лучше всего, если бы, вместо словесных споров, просто указали бы нам конкретный вид поведения, который бы объяснялся не материалистически. Таких видов поведения животных и людей мы не встречали никогда и дела с ними не имели.

Наши противники иногда изображают психологию поведения, как только одну из областей психологии, но, к сожалению, они не указывают, какие еще области психологии существуют. Повиди-

мому, они склонны под поведением понимать только внешние видимые поступки. Но зачем так сужать значение слова «поведение»? Только мертвый никак себя не ведет: смотреть, слышать, вспоминать, творить, думать, внимать, наслаждаться — все это различные виды поведения.

Иногда (например, все тот же проф. Челпанов) нас отождествляют с рефлексологами. Это, конечно, неправильно. Учение о рефлексах — один из параграфов, правда, очень важных, в нашей психологии, но мы вовсе не грешим той ошибкой, которая известна в логике под названием «pars pro toto». Это также одна из выдумок про нас наших противников, свидетельствующая о плохом знании нашими противниками современных психологических течений.

Психология поведения легко и свободно связывает психологию человека и психологию животного, чего совершенно не умеет делать психология сознания. Точно также легко и свободно психология поведения связывает индивидуальную и коллективную психологию. Ее основной вопрос — как ведет себя животное, человек, та или иная человеческая группа при тех или других условиях — есть не схоластический, но в высшей степени жизненный вопрос. Такая психология имеет огромное значение буквально для всех и, в первую очередь, для педагога, политика и философа.

Психология поведения возникла в Америке среди зоопсихологов, которым, конечно, меньше всего улыбалось изучать «душу», «сознание», «душевные способности» и «душевные явления» инфузорий. Вполне последовательно психология поведения потом стала заменять собою старую психологию человека. И совершенно верно, что американский «behaviorism» является нашим предшественником. Но из этого вовсе не следует того, что думают некоторые русские рецензенты, что современная русская психология поведения есть только копия, только подражательница американской. Это очень неправильно, это то же, что думать, будто бы русская трудовая школа есть только подражание американской.

Анализировать и объяснять поведение можно самыми различными способами. Точнее говоря: правильно объяснить поведение различных социальных групп и отдельных людей можно только одним способом, но затемнить понимание этого поведения можно тысячами способов. Американская буржуазная психология, как и всякая иная буржуазная психология, конечно, никогда не посмеет и не сможет дать правильное объяснение поведения американской буржуазии и вскрыть истинную сущность и истинные пружины поведения американских сенаторов. Точно также, конечно, не найдется ни единого буржуазного психолога Франции, желающего и могущего дать исчерпывающий верный анализ поведения французских политических «героев». Словом, есть буржуазные и небуржуазные психологии и отождествлять их, в частности, видеть в рус-

ском «behaviorism'е» лишь подражание американскому, может только очень наивный человек. «Психология поведения» в ее теперешнем состоянии, подобно «трудовой школе», имеет большой диапазон, начиная с очень умеренных представителей ее, вроде Мак и Дауголла, близких к обычной психологии, и кончая английскими психологами лиги «Plebs» и пишущим эти строки. Употребляя в этой статье слово «мы», я всюду имел в виду себя и своих единомышленников.

Сейчас мы находимся в первой, первичной стадии существования «психологии поведения». В данный момент наша задача трояка. Мы должны, во-первых, реконструировать самое тело психологии, создать новый план этой науки, дать очерк новому содержанию, чтобы научные круги представили, как мы планируем психологию поведения, как мы конструируем содержание ее. Я считаю, что мой «Очерк научной психологии» и выходящий под моей редакцией перевод «Очерки психологии» английских психологов-марксистов из «Plebs» служат разрешению этой задачи. Во-вторых, мы должны определить наше отношение к нашим предшественникам, к американскому behaviorism'у, мы должны сказать, что мы у него берем и от чего отрекаемся. Готовящийся к печати в данное время сборник статей американских психологов является подобной попыткой критического использования работ наших предшественников. Наконец, третья наша задача — отбиться от наших противников, и этой задаче служит настоящая статья. Из нее читатель может вполне вынести представление, насколько слабы наши противники. Их главнейшее орудие — спекуляция на неосведомленность читателей, ибо только в расчете на это можно, подобно проф. Челпанову, утверждать, что мы отрицаем существование сознания и так называемых психических явлений и что мы—течение, тождественное с рефлексологией. Еще раз: существование всего этого мы признаем, но как «видов поведения», а учение о рефлексах для нас только один (очень важный) параграф в большой книге психологии.

Поскольку эти наши первые очередные задачи уже близки к осуществлению, постольку перед нами обрисовывается более или менее ясно уже вторая стадия «психологии поведения». По всей вероятности, троякой будет задача и этой стадии. Первая задача— дать ряд детальных монографических анализов отдельных видов поведения в материалистических терминах и с сравнительно-генетической точки зрения. Это очень кропотливая, но тем не менее очень благодарная работа, вернее, ряд многочисленных работ по самым разнообразным частным вопросам психологии поведения. Вторая задача — установить функциональную связь между поведением и конституцией. Наконец, третья основная задача — дать «классовые психологии», анализы и объяснения поведений различных общественных классов. Нечего говорить о том, что исполнение

всех этих задач потребует не одного поколения научных работников, но, несомненно, что даже немного десятилетий такой научной работы будет несравненно производительней, чем многие века существования традиционной психологии, пребывающих и до сих пор в детском состоянии: в более зрелом состоянии психология души, сознания, душевных способностей и явлений не может по самому существу своему пребывать.

ПСИХОЛОГИЯ И МАРКСИЗМ ПРОФ. ЧЕЛПАНОВА.

К. Н. Корнилов.

После того, как проф. Челпанов в течение нескольких десятков лет и с университетской кафедры, в виде своих лекций, и в печати, в виде своих выдержавших много изданий книг, вел борьбу с материализмом и марксизмом, после того, как в одной из своих небезызвестных книг «Мозг и душа» он доказывал, что «из четырех учений—эмпирический параллелизм может быть признан наиболее достоверным, психический монизм и спиритуализм можно признать спорными, а материализм—безусловно ложным» [1]), или в другой своей книжке, университетских лекциях, он писал, что «учение Маркса имеет ряд недостатков, из которых коренным является положение, что социальное хозяйство есть единственный фактор движения истории, — этот недостаток пытаются исправить и сторонники экономического материализма. Это положение является вопиющим несогласием с исторической действительностью, где мы видим целый ряд факторов, кроме экономических отношений» [2]), — после всего этого он обратился сначала с «докладной запиской» в Главнауку, дабы «обратить внимание на очень серьезное ошибочное толкование идеологии марксизма в применении к разработке научной психологии», а затем выпустил брошюру «Психология и марксизм» в защиту этого марксизма от «неправильного истолкования идеологии марксизма в ее отношении к психологии» [3]).

Кто же является этими неправильными истолкователями марксизма в отношении его к психологии? Таковыми оказываются, по докладной записке проф. Челпанова, «некоторые лица — Блонский, Корнилов, которые предложили провести реформу (психологии) таким образом, чтобы вместо психологии, будто бы содержащей какие-то идеалистические элементы, ввести рефлексологию. Другими словами, психологию, которая имеет исходным пунктом внутренний опыт, заменить исключительно объективным изучением физиологических процессов и внешних выражений» [4]).

---

[1]) Челпанов. «Мозг и душа», стр. 80.
[2]) Челпанов. «Логика». Дополнит. курс, стр. 35.
[3]) Челпанов. «Психология и марксизм». М. 1924 г., стр. 5.
[4]) Челпанов. Ibid., стр. 7.

Выдвигая это положение в качестве своего основного тезиса, проф. Челпанов затем прибегает к своеобразной форме доказательства этого положения. «Для большей объективности», как он говорит, он придает «собранному им материалу форму хрестоматии», где, выдвигая то или иное свое положение в качестве тезиса, он затем заставляет доказывать это положение Маркса, Энгельса, Дицгена, Плеханова и др. марксистов, приводя цитаты из их сочинений, подтверждающие эти тезисы. Метод доказательства, надо отметить, чрезвычайно удобный и показательный: в самом деле, на что лучше заставить свои положения доказывать и Маркса, и Энгельса, и других наивиднейших представителей марксизма. Посмотрим, насколько же справляются с возложенной на них проф. Челпановым задачей и Маркс и Энгельс. Наподобие десяти заповедей проф. Челпанов выдвинул десять тезисов, которые должны выяснить, «какая именно психология находится в согласии с идеологией марксизма». В порядке этих тезисов мы и последуем за проф. Челпановым.

Но прежде остановимся на этом основном предваряющем тезисы положении проф. Челпанова, что я и Блонский предложили психологию заменить рефлексологией, а «внутренний опыт заменить исключительно объективным изучением физиологических процессов и внешних выражений». Не беря под свою защиту т. Блонского (думаю, он сам ответит проф. Челпанову за себя), я спрашиваю проф. Челпанова, где же это я «предложил провести реформу психологии таким образом, чтобы заменить психологию рефлексологией и внутренний опыт, т.-е. самонаблюдение, исключительно объективным изучением физиологических процессов и внешних выражений?» Судя по ссылке в этом пункте на мою книгу: «Учение о реакциях человека», выходит, что именно там-то я и сделал это предложение. Жаль, что проф. Челпанов не привел цитату из моей книги, тогда было бы ясно, что он имеет в виду... Я категорически утверждаю, и это может проверить всякий, что такого предложения о замене психологии рефлексологией, а внутреннего опыта «исключительно объективным изучением физиологических процессов и внешних выражений» во всей моей книге от первой страницы до последней нет. Наоборот, я слишком много уделяю в своей книге места этому внутреннему опыту, т.-е. самонаблюдению: вся V глава посвящена этому вопросу, где я детально обсуждаю создавшийся на этой почве оценки внутреннего опыта конфликт между Вюрцбургской и Вундтовской школами и в конечном итоге этого обсуждения прихожу к выводу, что данные самонаблюдения имеют значение, но под контролем объективной стороны эксперимента [1]). . . Но я не только обсуждаю принципиальное значение самонаблюдения, я даю указания, как собирать данные самонаблю-

[1]) К. Корнилов. «Учение о реакциях человека», стр. 46. М. 1921 г.

дения [1]), как обрабатывать их [2]), даю формы записи данных самонаблюдений [3]), а в своих опытах даю и анализ и выводы из этих данных самонаблюдения [4]). Недаром же В. М. Бехтерев во 2-м изд. своей «Рефлексологии» многократно бросает мне упрек в «субъективизме» [5]) за это внимание к самонаблюдению. Где же это, спрашиваю я, проф. Челпанова, мое предложение заменить внутренний опыт «исключительно объективным изучением физиологических процессов и внешних выражений»? Это уж называется не только передернуть в своем утверждении, но просто-напросто утверждать неправду.

Итак, выходит, я попал между двух огней: сторонник субъективного метода — проф. Челпанов записал меня в лагерь рефлексологов, а рефлексолог — академик Бехтерев — отнес меня в лагерь «субъективистов». Где же, спрашивается, я очутился? Ни там и ни здесь. И это правильно, что ни там и ни здесь, и это проф. Челпанов прекрасно знает, но он намеренно об этом умолчал. Подчеркиваю намеренно и вот почему: в тех цитатах, которые приводит проф. Челпанов в своей брошюрке, есть ссылки на статьи в журнале «Под знаменем марксизма» за 1923 год, значит, проф. Челпанов просматривал этот журнал, спрашивается, не видал ли там проф. Челпанов моих статей под наименованием «Психология и марксизм» в № 1-м и «Психология и рефлексология» в № 4 — 5-м 1923 года. Не мог, конечно, не видеть уже по одному тому, что первая статья является тем докладом на I Всеросс. Съезде Психо-Неврологов, где мной впервые в русской литературе был поставлен на очередь вопрос о «психологии и марксизме» и где проф. Челпанов присутствовал также. Так вот я вновь задаю вопрос проф. Челпанову: почему же он умолчал об этих статьях, особенно о статье «Психология и рефлексология», где я, давая критику рефлексологии, в заключении говорю: «В настоящее время можно говорить не только о сближении, но и о полном слиянии этих взаимно-дополняющих друг друга сфер знаний, но для этого необходимо согласование не только методов, но и согласование обще-принципиальных воззрений на сущность самих психических процессов. И в этом отношении только материалистическое понимание психических процессов, точнее, позиция марксизма, как законченного и цельного материалистического мировоззрения, — и является единственно той позицией, при наличности которой и возможно говорить не только о сближении, но и о полном слиянии психологии с рефлексологией». Почему же проф. Челпанов

[1]) К. Корнилов. «Учение о реакциях человека», стр. 46 и след.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) В. Бехтерев. «Основы рефлексологии человека» (см. стр. 172), стр. 128. Пгр. 1923.

умолчал об этих статьях, где устанавливается мной и значение этого «внутреннего опыта» и дается критика наивного материализма, в котором обвиняет меня проф. Челпанов? Да потому намеренно и умолчал, что сослаться на эти статьи—значило бы в корне подрезать все свои обвинения. Как именуется такого рода прием проф. Челпанова, подчеркивать, я думаю, не надо.

Перейдем теперь к рассмотрению тезисов проф. Челпанова.

Для того, чтобы доказать, что сторонники рефлексологии являются представителями вульгарного, а не диалектического материализма, проф. Челпанов использует очень своеобразный метод. Взявши меня безоговорочно и вопреки очевидности за одни скобки с рефлексологами, он затем берет за тезис абстрактное положение рефлексологов (повидимому, Бехтерева и Павлова) и противопоставляет их взгляды воззрениям марксистов. Казалось бы, гораздо проще: надо было взять совершенно конкретные выдержки из наших, в частности моих, печатных работ, как это делает из десяти тезисов только в одном первом тезисе проф. Челпанов, и затем сопоставить эти положения со взглядами представителей марксизма. Тогда была бы совершенно очевидна моя немарксистская линия поведения. Почему же, начавши в первом тезисе это сопоставление, проф. Челпанов не провел это через все десять своих тезисов? Да потому, что его аргументации и хватило только на один тезис. Для того, чтобы доказать, что аргументация проф. Челпанова далеко не велика, а там, где она имеется, она построена на передержках или замалчивании, я и постараюсь использовать именно этот метод точного буквального сопоставления основных положений, во-первых, воззрений авторитетных представителей марксизма, во-вторых, основных положений, взятых из моих печатных работ, и, в-третьих, из работ проф. Челпанова, для того, чтобы совершенно очевидно было, насколько согласуются с марксизмом мои и проф. Челпанова взгляды.

Обращаемся к 1-му тезису проф. Челпанова. Сущность его сводится к тому, что «если отрицать реальность сознания и психология совсем устраняется, то рефлексология превращается в философскую систему механического материализма, находящегося в противоречии с философией марксизма. Как раз именно это и делают русские рефлексологи» [1]).

Итак, выходит по Челпанову, что я отрицаю реальность сознания и устраняю совсем психологию. Соответствует ли это занимаемой мной позиции? Ни в какой мере, и это, конечно, знает проф. Челпанов, ибо я в своей статье «Современная психология и марксизм», напечатанной в журнале «Под знаменем марксизма» № 1-й 1923 г., говорю буквально следующее: «Марксизм, признавая психические процессы не чем иным, как свойством высоко

[1]) Челпанов. «Психология и марксизм», стр. 8.

организованной материи, не только не уничтожает этим психических процессов, но считает их обладающими такой же степенью реальности, как и всякое иное свойство материи, например, движение». И затем на той же странице всякий может прочесть следующее мое замечание по адресу проф. Челпанова: «Не следует думать, что подобное понимание психических процессов дает им меньшую реальность или совсем уничтожает их, как таковые, лишая их всего присущего им своеобразия, как это, например, излагает в своей небезъизвестной книжке «Мозг и душа» проф. Челпанов. Критикуя материализм и выясняя, почему материализм пользуется популярностью, проф. Челпанов говорит, что это объясняется «простотой учения, при которой понятия вроде души, сознания, мысли совершенно упраздняются». («Мозг и душа», стр. 8.) Что понятие души устраняется с точки зрения материализма, это не подлежит никакому сомнению, но чтобы упразднялось понятие мысли, это можно объяснить только не чем иным, как стремлением в корне извратить учение материалистов» [1]).

Как видно из этого, обвинение меня проф. Челпановым, что я отрицаю «реальность сознания», находится в прямом противоречии с моими работами, что скрыл от несведущей публики проф. Челпанов, замолчавши эти работы.

Перейдем ко второму положению, направленному против меня и кстати единственому месту во всей докладной записке, где он совершенно конкретно, со ссылкой на определенное место моей книги, ставит в упор свое обвинение. Вот этот метод постановки вопроса я считаю совершенно правильным, жаль, что проф. Челпанов не сделал этого во всех своих тезисах, тогда была бы совершенно очевидна моя немарксистская позиция. Почему же только в одном месте проф. Челпанов прибег к выписке из моих работ? Да потому, что нечего выписать, ибо нет таких положений, которые бы у меня находились в противоречии с марксизмом. Позже это будет подтверждено буквальными сопоставлениями моих работ с положениями марксистов, а пока обратимся к тому месту, где проф. Челпанов, ссылаясь на Бухарина, утверждающего, что «психические явления не занимают места в пространстве» (Бухарин, «Теор. ист. мат.», стр. 52), противопоставляет ей выписку из моей книги: «Учение о реакциях человека», стр. 141, где я говорю: «Психика и психические процессы суть несомненно явления пространственного порядка». В самом деле, противоречие полное, здесь проф. Челпанов документально устанавливает, что это так. Но вот в чем вся суть, что это положение о пространственности или непространственности психических процессов есть

[1]) Журн. «Под знам. марксизма». № 1-й 1923 г., стр. 43.

наиболее спорное положение из всех, ибо на нем и сходятся и расходятся и марксисты и не-марксисты. В самом деле, вот проф. Челпанов, как психолог, сходится в этом отношении во взглядах с Бухариным, но любопытно, что и тот рефлексолог, против которого направлены эти тезисы проф. Челпанова, акад. Павлов тоже держится тех же воззрений о непространственности и даже больше — беспричинности психических процессов [1]). Но то же самое подтверждает и Енчмен [2]). Оказывается отрицание пространственности психических процессов вовсе не гарантирует того, что человек является последовательным марксистом, ибо таковым никак нельзя назвать ни Енчмена, ни Павлова, ни тем более уже проф. Челпанова с его «Мозгом и душой». С другой стороны, имеется целый ряд авторов, которые, признавая пространственность психических процессов, являются, несомненно, идеалистами: таков известный датский психо-физиолог Леман или Ибервег и др., которые признают и мировую душу и особую психическую энергию, отличную по самой своей природе от физической и т. п.

Что касается меня, то я осмеливаюсь утверждать, что психические процессы пространственны, и в своей статье «Психология и рефлексология» я, критикуя Павлова, говорю, что «наука вообще не знает непространственных и беспричинных, но совершающихся во времени объектов» [3]), и в другой своей статье «Теория новой биологии и психология», где я, критикуя Енчмена, говорю: «Никаких непространственных явлений опыта наука не знает, ибо даже само по себе сочетание этих трех понятий является сплошным абсурдом; ибо если это нечто не пространственное, то ясно, что оно не может быть явлением, а тем более явлением, да еще опыта» [4]). И в самом деле, если мы, в полном согласии и с Энгельсом и с Плехановым, признаем, что психика есть свойство высоко-организованной материи и продукт человеческого мозга, то не так-то легко будет доказать, что у пространственной материи могут быть непространственные свойства. Во всяком случае этот вопрос есть предмет дискуссии, а вовсе не решенный вопрос для марксизма, как это старается изобразить проф. Челпанов. И от того, что я отрицаю беспространственность психических явлений, а проф. Челпанов признает ее, от этого вовсе ни я не являюсь еще «по недоразумению марксистом», как говорит проф. Челпанов, ни он не является «гуманистическим материалистом».

Переходим ко второму тезису. Тезис этот гласит у проф. Челпанова: «Маркс в своих философских построениях стоял на

[1]) См. И. П. Павлов. «20-летний опыт изуч. высшей нервн. деят.», стр. 133 и 161.
[2]) Енчмен. 18 тезисов, стр. 16.
[3]) «Под знам. маркс.», № 4—5 1923 г., стр. 90.
[4]) Ibid., стр. 106.

точке зрения эмпирической. Он был эмпирический дуалист. Для него с эмпирической точки зрения явления психические и явления материальные представляют два различных мира явлений» [1]). Как видим здесь, тезис этот имеет общепринципиальное значение, выясняя философские воззрения Маркса. Но выясняет их проф. Челпанов довольно однобоко и препарируя Маркса так, как это проф. Челпанову желательно. В самом деле, стоит взять этот тезис так, как его берет проф. Челпанов, и мы действительно можем признать Маркса дуалистом, раз он признавал, что «явления психические и явления материальные представляют два различных мира явлений». Интересно обратиться к той цитате Энгельса, которой Челпанов подтверждает этот свой тезис. Соответствует ли она этому тезису? Всякий может убедиться, что не соответствует, ибо в цитате говорится «об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли: два ряда законов, которые в сущности тождественны, а по форме различны» [2]). Энгельс, как мы видим, говорит, что эти два ряда в сущности тождественны, чем устанавливается насквозь монистическая точка зрения Маркса и которые только по форме различны. Проф. Челпанов умалчивает об этом тождестве, а говорит просто о двух различных мирах явлений, чем, конечно, устанавливается дуалистическая точка зрения Маркса.

Но такое препарирование Маркса проф. Челпановым проделывается не только в этом одном тезисе. В 3-м тезисе это проделано в такой форме, что действительно, как я указываю в своей первой статье этого сборника, Маркса можно примирить не только с психологами эмпирической школы — Вундтом и Спенсером, но даже и со святыми отцами церкви. В самом деле, 3-й тезис проф. Челпанова гласит: «Маркс признавал реальность сознания и своеобразие душевных явлений. Маркс признавал действенный характер сознания — способность от себя привносить нечто нематериальное (?!) в мир материальных вещей. Маркс признавал изучение самосознания, субъективной стороны жизни центральной проблемой истории» [3]). Итак, как видите, Маркс признавал «способность сознания от себя привносить нечто нематериальное в мир материальных вещей». Как вам это нравится это — «нечто нематериальное»? Ну, чем же Маркс отличается тогда от любого святого отца церкви, который тоже, конечно, признает эту «способность от себя привносить нечто нематериальное в мир материальных вещей»? Если вы теперь от тезиса перейдете к доказа-

[1]) Челпанов. «Психология и марксизм», стр. 9.
[2]) Ibid., стр. 10.
[3]) Ibid. (Курсив и вопросы мои.)

тельству его, т.-е. к тем цитатам, которые проф. Челпанов берет у Маркса и др., то при самых тщательных поисках вы ничего абсолютно не найдете относительно признания Марксом этого «нематериального». Повидимому, это так интерпретирует Маркса проф. Челпанов. Недурна интерпретация, нечего сказать!

Это, так сказать, принципальная сторона вопроса в этом тезисе. Перейдем теперь к рассмотрению этого тезиса в отношении ко мне. К сожелению, здесь проф. Челпанов не делает в параллель выписок из моих работ, дабы доказать, мою ересь в марксизме. Повидимому, проф. Челпанов, выдвигая положения, взятые у Маркса, хочет этим доказать, что я мыслю как раз наоборот. Посмотрим, так ли это? Первые два положения в этом тезисе гласят, что «Маркс признавал реальность сознания» и «своеобразие душевных явлений». Отрицаю ли я эти свойства? Впереди я уже сделал выписку из своей статьи, где я говорю, что «не следует думать, что признание марксизмом психических явлений, как свойства высоко-организованной материи, дает им меньшую р е а л ь н о с т ь или совсем уничтожает их, как таковые, лишая их всего присущего им с в о е о б р а з и я»[1]). Таким образом, в этих положениях я абсолютно верен взглядам Маркса.

Переходим к следующему положению тезиса проф. Челпанова, что «Маркс признавал д е й с т в е н н ы й характер сознания». В корне отметая ту произвольную интерпретацию проф. Челпановым этого пункта, которую мы рассмотрели выше, спрашивается, отрицаю ли я эту действенность сознания? Нет, не отрицаю. На стр. 48-й «Под знаменем марксизма», № 1-й—1923 г. я специально рассматриваю этот вопрос о «самопроизвольности человеческой психики» и говорю, что «одним из центральных вопросов психологии является вопрос о том, что же служит источником самодеятельности человеческого духа»? И отвечаю на этот вопрос, что «объяснение возникновения органических, а затем на известной ступени и психических процессов ничуть не труднее и не загадочнее, нежели возникновение столь же самопроизвольных реакций в неорганической природе. Разве причина того эффекта, который получается от соединения какой-нибудь нежженой извести с водой является более понятной, нежели причина явления роста у растений или же процессов мышления у человека? Ламеттри глубоко прав, говоря, что происхождение движения в природе такое же по своему существу «чудо природы», как и происхождение сознания. С точки зрения материализма свойства материи обладать психическими особенностями — это такое же основное и первичное данное, а потому ближе и необъяснимое свойство, как и всякое другое свойство материи, например, хотя бы движение». Таким образом,

[1]) К о р н и л о в. «Под знаменем марксизма». № 1 1923 г., стр. 43.

и здесь я не расхожусь с Марксом и не отрицаю действенного характера психики.

Наконец, четвертое положение, выдвигаемое проф. Челпановым, гласит: «Маркс признавал изучение самосознания, субъективной стороны жизни центральной проблемы истории». По этому вопросу ни за, ни против его я нигде в печати не высказывался, а потому он не имеет ко мне никакого отношения.

Переходим к 4-му тезису проф. Челпанова, где он говорит о том, что «попытки сводить душевные состояния к материальным или заменять изучение душевных явлений материальными есть механический материализм. К механическому материализму, иначе называемому вульгарным, Маркс и Энгельс и марксисты всегда относились решительно отрицательно» [1]). В этом тезисе необходимо прежде всего остановиться на том, что значат эти слова «сводить душевные явления к материальным». Так, когда Энгельс [2]), Плеханов [3]) и Бухарин [4]) утверждают, что «психика есть свойство высоко-организованной материи», то это будет «сведение душевных явлений к материальным» и, следовательно, по Челпанову, вульгарный материализм? А что, когда Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» говорит: «Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи», это есть тоже, по Челпанову, «сведение душевных явлений к материальным» и, следовательно, вульгарный материализм? Тогда как же с этим положением проф. Челпанова сочетать следующие затем слова Ленина: «Таковы взгляды материализма вообще и Маркса — Энгельса в частности» [5]). А как сочетать с этим положением проф. Челпанова, что нельзя «сводить душевные явления к материальным», и такое положение Ленина, что «ощущение есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» [6]). Что это — тоже есть вульгарный материализм, по Челпанову? В этом тезисе проф. Челпанов, выдвинувши свое положение, что «попытки сводить душевные явления к материальным есть вульгарный материализм», сославшись при этом на Энгельса, будто бы стоящего на той же точке зрения, немного передернул. Энгельс утверждает нечто иное, а именно: «Материализм вовсе не пытается свести все психические явления к движению материи», заметьте, не просто к материи, как говорит проф. Челпанов, а к движению материи. Это огромная разница, что и видно из следующих затем слов Энгельса: «Для материалиста ощуще-

[1]) Челпанов. «Психология и марксизм», стр. 15.
[2]) Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 21. Энгельс. «Л. Фейербах», стр. 9.
[3]) Плеханов. «Осн. вопр. маркс.», стр. 17.
[4]) Бухарин. «Теор. ист. матер.», стр. 55.
[5]) Ленин. «Матер. и эмпир.», стр. 48.
[6]) Ленин. Ibid., стр. 43.

ние, мысль, сознание есть внутреннее состояние движущейся материи» [1]). В моей статье «Современная психология и марксизм» всякий может прочесть мою критику этого «вульгарного материализма» за его сведение психических процессов к движению материи, где я и даю на этот вопрос следующий ответ, абсолютно согласный с вышеприведенным положением Энгельса. Я говорю: «У живых существ с высоко-организованной нервной системы мы находим ясно выраженными и те внутренние реакции их мозговой деятельности, что мы называем сознанием или мышлением в собственном смысле слова» [2]). Таким образом, первая половина четвертого тезиса построена вся на передержке, в расчете, что немного найдется охотников, которые будут справляться в первоисточниках.

Но на этом 4-м тезисе стоит остановиться еще и потому, что к нему имеется приложение, исключительное по своей беззастенчивой интерпретации проф. Челпановым воззрений Маркса. Если впереди, во 2-м тезисе, мы видели, Марксу было приписано признание двух различных миров явлений — психических и материальных, если в 3-м тезисе тому же Марксу было приписано «признание способности привносить нечто нематериальное в мир материальных вещей», то теперь в этом приложении к 4-му тезису мы узнаем доподлинно, что же это такое нечто нематериальное, о котором говорится в 3-м тезисе. Это приложение гласит, что «Маркс был гилозоист, т.-е. признавал одушевленность материи. Это видно из того, что он отдавал преимущество Бэкону (гилозоисту) перед Гоббзом (механическим материалистом» [3]). Все это было бы ничего, самое интересное и беззастенчивое заключается в доказательстве этого положения. Проф. Челпанов берет следующую выдержку из Маркса о Бэконе: «Настоящим родоначальником английского материализма и всей опытной науки новейшего времени был Бэкон. Первым и самым главным из свойств, прирожденных материи, является движение, не одно только механическое и математическое движение, но и движение, как стремление, как жизненный дух, как напряжение, как мучение материи, выражаясь языком Якова Бёме. Первичные формы материи суть неотъемлемо ей присущие живые силы, создающие специфические индивидуальные различия существ. У Бэкона, своего первого творца, материализм еще содержит в себе наивное соединение зародышей всестороннего развития. Материя же сохраняет поэтически чувственный блеск и ласково улыбается цельному человеку». (Маркс. «Материалисты XVIII в.», стр. 68.) Приведя эту

[1]) Энгельс. «Л. Фейербах», стр. 9.
[2]) Корнилов. «Под знам. маркс.» № 1 1923 г., стр. 43.
[3]) Челпанов. «Псих. и маркс.», стр. 15—16.

выдержку из Маркса, проф. Челпанов начинает интерпретацию этого места. Он спрашивает: «Что же нравилось Марксу у Бэкона?» И отвечает: «О ч е в и д н о, его гилозоизм» [1]). Откуда явилось это о ч е в и д н о, едва ли кто может сказать, прочитавши это место у Маркса. Думаю, что это о ч е в и д н о только проф. Челпанову, который, повидимому, в этой выдержке из Маркса вычитал только свои собственные мысли. Таким образом, через это «очевидно» проф. Челпанов доказал, что Маркс гилозоист. Теперь очень интересно, как проф. Челпанов интерпретирует, что же такое этот гилозоизм, который «нравился Марксу у Бэкона». Для этого проф. Челпанов сылается на «Novum Organum», I, 50, II, 7, 40 и др. и говорит: «Самым типичным является следующее место: «Omne enim tangibile apud nos continet spiritum invisibilem et intactilem». (Всякая осязаемая вещь содержит невидимый и неосязаемый дух.) По теории Бэкона, в материальном веществе содержится тонкий н е в и д и м ы й и н е о с я з а е м ы й эфир, с л е д о в а т е л ь н о, н е м а т е р и а л ь н ы й, который во времена Бэкона называли s p i r i t u s (дух) и им объясняли одушевленность всякой материи» [1]). Такова эта интерпретация того, что «нравилось Марксу у Бэкона». Оказывается, по проф. Челпанову, Марксу нравился этот н е в и д и м ы й и н е о с я з а е м ы й д у х. Недурно! Ну, разве после такой интерпретации воззрений Маркса его нельзя примирить с воззрениями святых отцов церкви? Несомненно, можно. И вот такого-то рода интерпретацию Маркса проф. Челпанов именует в своем предисловии «установлением смысла п о д л и н н о г о марксизма в его отношении к психологии». Недурен этот «подлинный» марксизм проф. Челпанова! . . .

Тезис 5-й, что «Маркс был материалистом типа спинозист-гилозоист» [2]), ничего нового не дает, кроме повторения общеизвестной мысли, так подробно развитой Плехановым, что «спинозизм есть материализм».

Тезис 6-й говорит о том, что «рефлексология, делающая попытку сводить психические явления к физиологическим, есть вид механического материализма и находится в решительном противоречии с марксистской философией» [3]), этот тезис не может встретить никаких возражений, ибо в своей статье «Психология и рефлексология» я даю критику рефлексологии именно с этой точки зрения [3]). Но все же должен отметить, хотя бы мимоходом, что учение о рефлексах Павлова и Бехтерева неизмеримо ближе к марксизму по своим тенденциям, нежели «Мозг и душа» проф. Челпанова.

---

[1]) Ч е л п а н о в. «Психология и марксизм», стр. 16.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., стр. 19.

Остальные тезисы проф. Челпанова —7-й, 8-й, 9-й и 10-й — исчерпаны уже всецело моими замечаниями в моей статье «Психология и марксизм», помещенной в настоящем сборнике, почему на этих тезисах я и не останавливаюсь.

Какой же вывод можно теперь сделать из всей этой брошюры о психологии и марксизме проф. Челпанова? Что касается «психологии» проф. Челпанова, то она несомненно самая что ни на есть «эмпирическая», основанная, повидимому, на длительном «опыте», ибо в случае каких-либо принципиальных разногласий — сейчас же она превращается в «докладную» «по начальству». А «марксизм» проф. Челпанова несомненно «подлинный» «елейный», с «нематериальным, невидимым и неосязаемым» душком. Но это станет для нас вполне понятным, если мы учтем тот совершенно правильный отзыв, который дал в свое время покойный К. А. Тимирязев о воззрениях проф. Челпанова. В одной из своих статей К. А. Тимирязев говорит: «В раздумьи подхожу к окну. Перед ним уже третий год возвышается трехъэтажное здание. В одном его названии заключается что-то загадочное: «Филологическая лаборатория», физическая или физиологическая лаборатория при филологическом факультете, звучит оно как-то странно, чем-то вроде contradictio in adjecto, а между тем это сооружение является плодом щедрых частных пожертвований и пользуется особым поощрением придержащих властей. Хозяин этой псевдо-лаборатории философ-психолог. И представляется мне, будто культивируемая в этом здании, под ферулой философии, наука похожа на какую-то жалкую собачку, водимую на привязи «служанкой теологии». Философ этой лаборатории на первых страницах своей книги «Введение в философию» требует для философии титула «царицы всех наук», но зато в заключительных строках той же книги приходит к выводу, что она должна быть на посылках не только теологии, но даже культа (Челпанов. «Введение в философию», 3 издание, 1907 г., стр. 13 и 513.) [1]).

Всякие комментарии к этим словам К. А. Тимирязева, я думаю, излишни.

Государственная историческая библиотека РСФСР

[1]) К. Тимирязев. «Наука в современной жизни». «Летопись». Янв. 1916 г. № 1, стр. 183—184.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ТРУДА

СБОРНИК СТАТЕЙ

Под редакцией д-ра К. Х. КЕКЧЕЕВА и д-ра В. И. РАБИНОВИЧА.

СОДЕРЖАНИЕ: Кекчеев, К. Х. Основные проблемы современной физиологии труда. — Кекчеев, К. Х. Рабочее время и производительность труда. — Бружес, А. П. Биомеханические принципы экономии движений. — Ефимов, В. В. Новые идеи в физиологии утомления. — Рабинович, В. И. Механизм утомления с рефлексологической точки зрения. — Рузер, Е. И. Исследование утомления у стенографисток. — Шпильрейн, И. Н. Очередные задачи прикладной психологии в С. С. С. Р. — Рабинович, В. И. Основы и методология профессионального отбора в металлообрабатывающей промышленности.

Научная организация труда, а с нею вместе и ее важнейшая составная часть, — психофизиология труда, — вышли уже из той стадии, когда им нужно было доказывать свое право на существование в ряду других наук; в настоящее время их задача заключается в накоплении нового материала, аналитической его обработке и, наконец, в применении полученных конкретных результатов к потребностям практической жизни. Поле исследования психофизиологии труда огромно и, конечно, пройдет еще ряд лет, прежде чем основные вопросы этой науки будут в достаточной мере изучены; тем не менее для каждого психолога, физиолога, врача и производственника представляют значительный интерес и уже имеющиеся данные.

В сборник вошли доклады, прочитанные на II психоневрологическом съезде и на 2-й Всесоюзной конференции по НОТ. Доклады не одинаковы по своему содержанию и характеру: часть их представляет собою обзоры состояния науки в настоящее время и намечает программу дальнейших работ; другая часть докладов является результатом экспериментальной работы.

(Из предисловия.)

Ю. П. ФРОЛОВ

МОЗГ и ТРУД

С 25 РИС. В ТЕКСТЕ.

(Серия „Библиотека естествознания".)

Стр. 82. Ц. 1 р. 25 к.

Автор поставил себе задачей выяснить в научной и в то же время доступной форме значение нервной системы в трудовых процессах. В первой главе он разбирает физиологию труда, процессы утомления и отдыха. Вторая, обширная глава посвящена рассмотрению строения и функций нервной системы, начиная с периферии и до центра, и построена главным образом на исследованиях и достижениях Сеченова и Павлова. В третьей главе, озаглавленной „Итоги и задачи новой антропологии", автор, подводя итоги значения и ценности нервной системы для трудовых процессов, устанавливает связь между научными обоснованиями и их практическими приложениями.

Проф. Д. КАШКАРОВ

РЕФЛЕКСЫ У ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ

ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК ЗООПСИХОЛОГИИ

С 20 РИС. В ТЕКСТЕ.

(Серия „Библиотека естествознания".)

Стр. 82. Ц. 75 к.

Цена 1 р. 25 к.